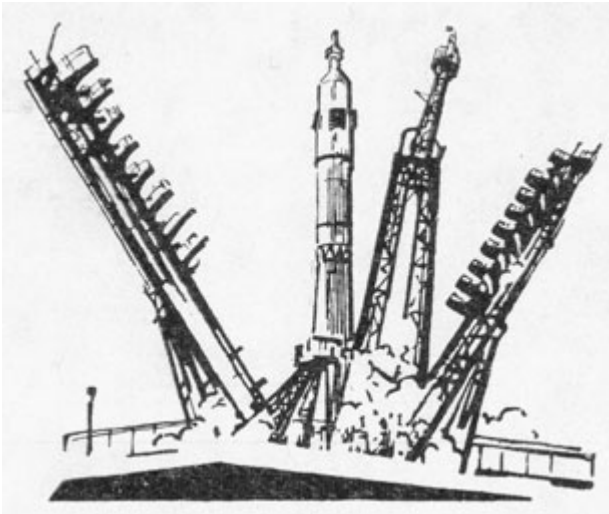
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга о советском космодроме и о тех, кто там работает, — конструкторах, инженерах, врачах, рабочих. Рассказы о космонавтах и воспоминания о встречах с Ю. А. Гагариным, С. П. Королевым. Автор бывал на космодроме как радиожурналист, его книга — свидетельство очевидца. Рассказ автора дополняют фотографии.

- ГОВОРИТ КОСМОДРОМ
- КТО НАНЕС УДАР ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ?
- ТОРТ И ШЛЯПА ДЛЯ КОСМОНАВТА
- НАДО ПРОСТО СОБРАТЬСЯ...
- ГОРОД В СТЕПИ
- СТАРТУЕТ „ВОСТОК-5"
- „ЧАЙКА" ЛЕТИТ К ЗВЕЗДАМ
- В ЗОНЕ КОМФОРТА
- В КОСМОСЕ - ЭКИПАЖ
- МНОГО ЕСТЬ ЧУДЕС НА СВЕТЕ
- ПОЛЕТ - НЕ ПРОГУЛКА
- „КАК ЗДОРОВЬЕ, ДОКТОР?"
- ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ
- ЗЕМЛЯ — ОНА КРУГЛАЯ?
- ЗА КАДРОМ
- ГРУСТНАЯ ГЛАВА
- ПОЛЕТ В БЕССМЕРТИЕ
- ПИЛОТУ НЕЛЬЗЯ НЕ ЛЕТАТЬ
- Я ЗНАЛ ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ
- СЫН ПОЛКА
- ПЕРВАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ...
- ЗВЕЗДНАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ
- ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ
- ПОЛЕТЫ СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТОВ
- СОДЕРЖАНИЕ
- notes
    - 1

ГОВОРИТ КОСМОДРОМ



КТО НАНЕС УДАР ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ?

Нет ничего более волнующего, чем перечитывать старые стенограммы. Это больше, чем статьи, и даже больше, чем письма. Стенограммы доносят к нам не один, а несколько голосов, из которых многие уже умолкли навсегда... В памяти (даже такой несовершенной, как моя) звучат интонации. Вспоминаешь жесты, выражения лиц. Вновь испытываешь волнение: далекий прибой далекого моря...

Вера Инбер

Спектаклем Московского Художественного театра «Юлий Цезарь» заинтересовались санкт-петербургские юристы. На этот раз в зале Апраксинского театра на Фонтанке, кроме обычных зрителей, собралось непривычно много прокуроров, адвокатов, нотариусов, судебных исполнителей.

За кулисами можно было увидеть Анатолия Федоровича Кони, известного русского юриста. Общественный деятель, академик, литератор, он был в дружбе с Н. А. Некрасовым, И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым, В. Г. Короленко. Анатолий Федорович несколько раз заглядывал в гримерную, о чем-то заговорщически шептался с Василием Ивановичем Качаловым.

— Нет, это нечестно, дорогой Анатолий Федорович, уговор, уговор... — рокотал бархатный бас Константина Сергеевича Станиславского.

— И ты, Брут! — подыгрывал ему юрист.

— Как договорились! Потом, и только с Немировичем...

После спектакля артистов долго не отпускали со сцены, но вот снова раздвинулся занавес, и вместе с римскими сенаторами к зрителям вышел человек во фраке.

— Господа! Санкт-петербургское юридическое общество нижайше просит вас принять участие в очень важном психологическом опыте. Сейчас вам будут розданы листки с вопросами, соблаговолите ответить на них. Большая просьба — не советоваться друг с другом...

Зрителям была роздана анкета, в которой спрашивалось: кто

нанес Цезарю первый удар, сколько людей находилось в это время возле него, как был одет убийца.

Владимир Иванович Немирович-Данченко предоставил в распоряжение юристов режиссерский план сцены убийства — с ним сверялись наблюдения зрителей.

На анкету ответили десятки людей. В большинстве — образованные, интеллигентные люди. Анкеты были внимательно изучены. Оказалось, что подавляющее большинство свидетелей театральной драмы дало ошибочные показания и ни одному человеку не удалось точно зафиксировать все, что происходило на сцене.

Вот такой случай произошел в 1904 году во время гастролей Художественного театра...

Валерий Брюсов как-то заметил, что грандиозность события почти неощутима для непосредственных участников: каждый видит лишь одну деталь, находящуюся перед глазами, объем целого ускользает от наблюдения.

Поэтому, вероятно, многие не замечают, что человечество вошло в «эпоху чудес».

Вспомните 4 октября 1957 года, когда в нашей стране был запущен первый искусственный спутник Земли.

Люди затаив дыхание слушали сообщение о спутнике и выходили на улицу с надеждой увидеть на небе рукотворную звездочку.

Сигналы первого нашего спутника сейчас звучат в позывных «Последних известий» по радио. Молодые радиослушатели, наверное, думают, что так было всегда! Ведь о начале космической эры те, кому сейчас семнадцать, знают по воспоминаниям очевидцев так, как мы в свое время узнавали о первых полетах самолетов и стратостатов...

Вот как, например, писали московские газеты о первых летчиках:

«Быстро отделившись от земли, авиатор сделал два круга, достигнув высоты 50 — 60 метров».

Когда печатались эти строки, международный рекорд высоты полета составлял... 155 метров. Сейчас же самолеты летают на высоте свыше 30 000 метров. Рекордная скорость самолета в 1906 году была равна примерно 40 километрам в час. Сейчас она превышает 3000 километров. А рекорд дальности полета самолета был всего 220 метров!

...Много было командировок в моей жизни. Пожалуй, не все и вспомню. Но была в моей жизни командировка, которой суждено остаться навсегда в памяти. Командировка на космодром. До мельчайшей подробности помню все — ночной подмосковный

аэродром, полет, знойную степь, первую встречу с Сергеем Павловичем Королевым, огненный смерч старта ракеты и взрыв радости, когда из неведомой дали донеслись слова: «На борту все в порядке, все идет по плану», помню минуту, когда диктор сказал: «Включаем космодром», и в эфире зазвучал гул ракеты...

Потом были еще поездки на космодром, новые встречи. В доме бережно хранятся фотографии, вырезки из газет, нехитрые сувениры, автографы, короткие дневниковые записи, граммофонные пластинки, магнитофонные ленты, письма. Все это — память о космодроме.

Наш бурный XX век — век высокого темпа жизни. И людям хочется знать правду о событиях, так сказать, из первых уст. В огромном потоке информации, который хлынул на нас с экранов телевидения и кино, из динамиков и репродукторов радио, с газетных и журнальных полос, человек выбирает конкретное событие, факт, сопоставляет с известным ранее. Ныне появилась огромная тяга к документу. Эта тяга к документам возросла настолько, что в театре играют стенограммы, а режиссеры художественного кино берутся за осмысление документальных съемок.

Я не случайно вспомнил историю со свидетельскими показаниями по поводу спектакля «Юлий Цезарь». Мне хотелось на этом примере подтвердить мысль, что одно и то же событие может восприниматься до курьеза по-разному! Восстановить событие в памяти помогает документ.

После каждой поездки на космодром у меня оставались магнитофонные пленки. Их много. Я просматриваю стенограммы, и звучат голоса людей космодрома, вспоминается и то, что осталось за кадром. Об этом мне и хочется написать.

Это свидетельства радиожурналиста.

В этой книге будут документы, будут воспоминания очевидцев, фотографии.

Древние говорили: «Что нельзя вернуть? Изреченное слово, пущенную стрелу и прошедшую жизнь». Вернуть нельзя, но вспоминать можно...

ТОРТ И ШЛЯПА ДЛЯ КОСМОНАВТА

Через несколько дней после полета в космос Юрий Алексеевич Гагарин приехал к нам на радио. Записывали выступление для первомайской передачи с Красной площади.

Трудно сказать, как узнали о предстоящем приезде космонавта на всех десяти этажах Радиодома на Пятницкой. Работников радио нелегко удивить встречами с известными людьми. Но тут творилось что-то необычайное! Десятки людей вышли на улицу задолго до приезда Гагарина, у многих нашлись дела именно на пятом этаже, где должны были проводить запись. В вестибюле собралась толпа. У многих в руках были фотографии Гагарина, открытки, а то и просто записные книжки — всем хотелось получить автограф первого космонавта.

Наконец раздается звонок: «Сейчас выезжаем». Расспрашивают, как быстрее проехать.

По дороге из центра к Радиодому надо свернуть в один переулок, потом в другой. Объяснить по телефону эти повороты довольно сложно. И тогда договорились, что на углу машину будет встречать «человек со шляпой в руках».

О, это была необычная шляпа! Ее прислали в подарок Гагарину рабочие Воскресенской фабрики.

Охотников стать на пост с «шляпой Гагарина» в руках оказалось много! Потом счастливец давал нам «интервью». Он подробно рассказывал, как сел в машину, как здоровался с Гагариным, как передал ему шляпу и как Юрий Алексеевич тут же, в машине, примерял эту шляпу и спрашивал: «Ну как, идет?»

Молодого майора с Золотой Звездой Героя Советского Союза встретили аплодисментами. Он весело отвечал на приветствия. Гагарина здесь знали все! Больше того, о нем знали почти всё! Ведь с первой минуты полета работники радио чувствовали себя как бы причастными к этому большому событию. Московское радио первым известило мир о старте космического корабля-

спутника «Восток» с человеком на борту.

На магнитофонные ленты в разных концах земного шара на всех языках народов мира были записаны слова, выражающие высшую степень восхищения:

«Удивительно! Потрясающе!»

«Восхищены! Гордимся!»

«Советы снова впереди! Примите поздравления!»

Репортеры записали митинги, которые стихийно возникали на многих заводах и фабриках. Работники Центрального телеграфа рассказали, что в первые десять минут после передачи сообщения о приземлении Гагарина ему было направлено... три тысячи телеграмм!

В те апрельские дни 1961 года журналистов с микрофоном можно было встретить повсюду и, конечно, в местах, связанных с жизнью первого космонавта.

Радиостанции прерывали свои обычные передачи, чтобы сообщить новые подробности о первом полете человека в космос, рассказать о первом космонавте.

Репортеры радио побывали в ремесленном училище при заводе имени Ухтомского, в Люберцах. Здесь Гагарин учился на литейщика. Здесь ему и его товарищам старый коммунист инженер Изотов говорил: «Вы теперь — смена рабочего класса. А рабочий класс — главный хозяин жизни!»

Репортеры разыскали письма Гагарина к товарищу. Вот что писал Юра о своей учебе:

«Я так втянулся в учебу, что уже не помню, ответил ли тебе на письмо. Сдаю выпускные экзамены сразу и за ремесленное училище и за седьмой класс. Сейчас два часа ночи, а я все еще занимаюсь».

Побывали журналисты и в Ленинской комнате, где принимали Юру Гагарина в комсомол.

Из Саратова корреспондент радио рассказывал об учебе будущего космонавта в индустриальном техникуме. Были разысканы и заявление Юры о приеме, и приказ об объявлении благодарности за общественную работу (Гагарин в техникуме был председателем физико-технического кружка, увлекался астронавтикой и сделал доклад: «Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях»).

Радиослушатели узнали, что сохранился библиотечный формуляр. В техникуме Юрий читал Ч. Диккенса и Э. Войнич, Б. Полевого и Г. Уэллса, Л. Толстого и Ж. Верна, М. Горького и Н. Островского.

В Саратове, кроме учебы в техникуме, Гагарин занимался в аэроклубе.

Увлечение летным делом не помешало ему успешно защитить диплом и с отличием закончить техникум. Гагарин получил специальность техника-технолога литейного производства — мастера производственного обучения.

После успешного окончания Саратовского аэроклуба Гагарин был принят в Оренбургское авиационное училище. Потом служба на Севере.

Всем хотелось знать как можно больше о первом в мире человеке, проникшем в космос. Все было интересно! Воспоминаниями о встречах с Гагариным делились у микрофона товарищи и друзья, сослуживцы и знакомые.

Разумеется, побывали корреспонденты радио и на родине космонавта. Но вот взять интервью в первый день у родителей Гагарина не смогли...

В тот день Алексей Иванович Гагарин ранним утром ушел с товарищами плотничать в родную деревню Клушино. От Гжатска до деревни километров пятнадцать. По весенней, раскисшей дороге путь не близкий.

На перевозе через реку Гжать знакомый лодочник спросил Алексея Ивановича:

— Слышь, Иваныч, твой сынок-то в каком звании ходит?

— В старших лейтенантах. А что?

— По радио передавали, будто какой-то майор Гагарин, кажись, Юрий Тимофеевич, вроде бы в космос полетел.

— Ну, моему до майора служить да служить...

— А может, сродник какой?

— А кто его знает. Может, и сродник. Мало ли Гагариных на свете.

Старики перебрались через вешнюю речушку. Алексей Иванович взвалил на плечи свой плотничий инструмент и пошел дальше. Однако все знакомые при встрече поздравляли Алексея Ивановича, а он только отмахивался и ворчал:

— Чего надумали! Да мой еще, если хотите знать, всего лишь старший лейтенант. А это — майор. Но тоже молодец. Наш человек.

Пришли на место. Только приступили к работе, позвали к телефону. Звонил секретарь райкома партии:

— Возвращайтесь в Гжатск. Велено вас, Алексей Иванович, разыскать и со всем семейством доставить в Москву.

Мать Юрия Гагарина, Анна Тимофеевна, проводив мужа, занималась уборкой в доме. Неожиданно прибежала дочь, запыхавшись, прямо с порога закричала:

— Что же радио у нас выключено? Про Юрку передают!

Анна Тимофеевна тяжело опустилась на стул.

— Зоя, что? Разбился? Двое детей...

— Жив Юрка. Он в космосе!

Первая мысль — о сыне, потом о Вале, о внучках. Как там они? Быстро оделась — и на поезд.

В вагоне только и разговоров, что о Юрии Гагарине. Всем лестно, что земляку такая честь. Кто-то узнал Анну Тимофеевну. Пассажиры зашептались. Какой-то парень не выдержал и на весь вагон закричал:

— Здесь едет мать Гагарина!

Кто-то предложил стоп-краном остановить поезд, качать ее. Анна Тимофеевна смутилась оттого, что оказалась в центре внимания.

— Зачем останавливать поезд? Людям ехать надо. К чему глупости делать?

— Какой он?

— Парень как парень. Послушный, уважительный...

— Подвиги, подвиги, мать, до этого совершал какие?

— Жил как все. Учился. Дома помогал по хозяйству. Две дочки у него. Младшенькой месяц скоро будет...

Стучат колеса поезда, а еще быстрее их летят мысли. То о доме, то о муже, то о внуках, то о сыне. Как он там? Поди, тяжело. Да вроде к праздной жизни и не приучен.

Вспомнила, как приехал однажды в отпуск. Одет с иголочки. Все подогнано. Пуговицы на кителе блестят. Вышел погулять. Вдруг услышал, что в деревне Карнино, что в трех километрах от города, большой пожар. Сразу вместе со всеми бросился туда. Несколько часов растаскивал горящие бревна, носил воду. Вернулся домой под вечер. От нового кителя остались только воспоминания...[1]

Весть о старте «Востока» застала меня в Армении... Как я завидовал тогда тем, кто был на космодроме, кто потом пожал руку космонавта на земле! Часами слушал радио, знакомые голоса репортеров. Москва готовилась к торжественной встрече. И для передачи с Красной площади мне поручили сделать репортаж из Бюраканской астрофизической обсерватории.

...Отливают серебром купола астрономических башен. В них мощные телескопы отдыхают после ночной работы. Молодые ученые собираются группами, что-то горячо обсуждают по-армянски, но слова «спутник», «Гагарин» помогают понять, о чем идет речь. После полета Гагарина звезды кажутся ближе, а заботы астрономов понятнее.

В тот первый приезд Гагарина на радио все мы, работники

радио, с каким-то особенно радостным, приподнятым, праздничным настроением рассказывали Юрию Алексеевичу о том, как проводятся радиопередачи, познакомили с эфирным хозяйством. Юрий Борисович Левитан показал студию, в которой он, прервав очередные передачи, сказал: «Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаем сообщение ТАСС «О первом в мире полете человека в космическое пространство».

— Ох и волновались мы, Юрий Алексеевич! — говорит Левитан.

— Я тоже сейчас волнуюсь. Тяжело выступать у микрофона! По-моему, в космосе легче, — улыбаясь, отвечает Гагарин.

Удивительно просто вел себя герой! Все у него получалось ладно — и ответы на приветствия, и шутки, и выступление у микрофона.

— Значит, записываем на пленку и включаем в передачу с Красной площади? Так, понятно. В какой микрофон говорить? А может, без меня? Я ведь уже выступал с Красной площади? — слышался голос Гагарина. — Проба нужна? — спрашивает Юрий Алексеевич.

Операторы переглядываются. Космонавт ведет себя так, как будто он не первый раз в студии.

Точно так — спокойно, весело и уверенно — Юрий Алексеевич вел себя всюду: на тренировках, во время старта и полета, на приеме в Кремле.

Во время тяжелейших тренировок на центрифуге улыбался и подмигивал. Врачу показалось, что Юрий... дразнится, он обиделся, пришлось объясняться.

Врач-психолог точно уловил черты характера Гагарина. Вот что он записал в журнале наблюдений:

«Гагарин постоянно уверен в себе, в своих силах. Уверенность никогда не переходит в самонадеянность. Эмоциональная сфера всегда устойчива. Его очень трудно, по существу невозможно, вывести из состояния равновесия. Настроение обычно немного приподнятое, вероятно потому, что у него юмором, смехом до краев полна голова. Вместе с тем трезво-рассудителен. Обладает беспредельным самообладанием. Тренировки переносит легко, работает результативно. Развит весьма гармонично.

Чистосердечен. Чист душой и телом. Вежлив, тактичен, аккуратен до пунктуальности. Любит повторять: «Как учили!» Скромен. Смущается, когда «пересолит» в своих шутках.

Интеллектуальное развитие у Юры высокое. Прекрасная память. Выделяется среди своих товарищей широким объемом активного внимания, сообразительностью, быстротой реакций.

Усидчив. Тщательно готовится к занятиям и тренировкам.

Не стесняется отстаивать точку зрения, которую считает правильной. Похоже, что знает жизнь больше, нежели его некоторые друзья. Отношения с женой нежные, товарищеские».

Так писал врач, изучавший Гагарина до полета. Таким Гагарин остался и потом, когда на него обрушилась волна всемирной известности и славы.

...Юрий Алексеевич быстро освоился за дикторским столиком, разобрал записи в блокноте.

Слово Гагарина с Красной площади 1 Мая 1961 года:

«Сегодня, в день праздника, мне еще раз хочется сказать о чувстве, которое я испытывал за несколько минут до полета в космос. Что это было: гордость, радость? Да, конечно, быть первым в космосе, вступить один на один в небывалый поединок с природой — можно ли мечтать о большем?

Но самое большое счастье я испытывал от великого доверия, которое чувствовал всем сердцем, доверия моей партии, моего народа. Тогда, в последние минуты перед стартом, я еще раз мысленно спросил себя: «А готов ли ты оправдать это великое доверие, сумеешь ли собрать все свои силы, всю свою волю для наилучшего выполнения полета, который доверяет тебе Отчизна? Ответ пришел сразу: «Да, готов, сумею, сделаю».

Быть полезным Родине, народу — это большое счастье. Мы знаем, что человек в нашей стране — самая большая ценность. Это придавало мне большую уверенность в полете. Я знал, что

Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках ее сын пролетает...»

Юрия Алексеевича долго не отпускали. Здесь же, в студии, его сфотографировали, просили оставить автограф на память.

В машину к космонавту принесли целый мешок писем и телеграмм, которые в гагаринские дни пришли на радио.

Осторожно была поставлена в машину и огромная коробка с тортом. Его специально для Гагарина изготовили кондитеры Ленинграда. Работница фабрики прямо с вокзала приехала к нам на радио: «Помогите передать подарок коллектива».

Прост и обаятелен, умен и весел Гагарин был всюду — дома и за границей.

По приглашению правительств и общественных организаций Ю. А. Гагарин побывал в Чехословакии, Болгарии, Польше, Венгрии, на Кубе, в Финляндии, Англии, Греции, Австрии, Дании,

Норвегии, Швеции, Бразилии, Канаде, в Индии, на Цейлоне, в Афганистане...

В мае 1962 года Гагарин по приглашению общества «Япония — СССР» прибыл в Токио.

На аэродроме Ханеда лес микрофонов и плотный ряд телевизионных камер. Корреспонденты ведут репортаж прямо с борта вертолета.

Интерес к приезду Гагарина огромен. И телевизионная компания «Ти-Би-Эс» вынуждена была организовать специальную передачу. Отдельные сцены по написанному сценарию заранее репетировались. Однако Ю. А. Гагарина и его супругу с этим сценарием ознакомили лишь за десять минут до начала передачи.

Огромная студия...

На белом полотне — портрет Гагарина в скафандре. Перед портретом установлен длинный стол. В вазах — яркие цветы. Слева от стола — большой оркестр. Рядом, ближе к середине, хор. Женщины в белых платьях, мужчины в черных костюмах. Половину зала занимали многочисленные гости. Их было несколько сот человек. Студия производила впечатление своими размерами — ее площадь была не менее 800 квадратных метров. В студии работало десять телевизоров, так что во время передачи люди, принимавшие в ней участие, могли видеть весь ее ход.

Началась передача с демонстрации кинокадров. Первым был кадр, показывавший полет человека на крыльях. После того как было продемонстрировано несколько хроникальных кадров о полете первых самолетов-этажерок, прозвучали позывные нашего первого спутника, а затем голос Юрия Гагарина из космоса.

Потом в кадре появился комментатор. Он сказал примерно следующее: сейчас Япония принимает величайшего героя всех времен и народов Юрия Алексеевича Гагарина. Юрий Гагарин в данный момент является гостем нашей телестудии. Прошу приветствовать его и его супругу. Оркестр и хор исполнили торжественную кантату. В проходе появился Юрий Алексеевич под руку с женой. К ним устремился комментатор. После обмена приветствиями началась заранее подготовленная инсценировка, причем ни один из ее участников не имел перед собой никакого текста. Сценарий был только у операторов, которые действовали с виртуозным мастерством и четкостью.

— Здесь, в студии, сегодня собралось много жителей Токио, много знаменитых людей и много простого народа — студентов, рабочих, — сказал ведущий. — Я бы хотел познакомить господина Гагарина и его супругу с ними.

Гагарину представили японских ученых — участников экспедиции в Антарктиду, студентов.

Ведущий подвел Гагарина к небольшому столику, на котором лежали японские куклы.

— Господин Гагарин, вам эти куклы ни о чем не напоминают?

— Как же, как же, — ответил Юрий Алексеевич Гагарин, — после возвращения из космоса я получил одну из таких кукол в подарок.

— Тогда разрешите представить вам женщину, чьими руками были сделаны эти куклы.

Затем Гагарина знакомят с конструктором японских ракет.

— Было бы очень здорово, если бы народы лучше сотрудничали друг с другом, — сказал Юрий Алексеевич. — Я бы, например, с удовольствием совершил полет в космос на корабле, который вывела бы на орбиту японская ракета.

Японские мастера телевидения продумали передачу до малейших подробностей. Они не забыли включить в нее и такие кадры, которые были рассчитаны на то, чтобы вызвать чувство национальной гордости у японских телезрителей.

После разговора с конструктором японских ракет комментатор-ведущий сказал:

— Мы, японцы, очень гордимся нашими героями и хотели бы познакомить вас с нашим первым летчиком — господином Токугавой. К сожалению, он стар, сильно болен и поэтому не может сюда приехать. Но он все же захотел передать вам привет. Мы записали его слова на пленку. Вот послушайте.

Пока Ю. А. Гагарин слушал это приветствие, в студию вошла сухонькая старая женщина в коричневом кимоно. Жена первого японского летчика. В дрожащих руках ее был макет того самолета, на котором Токугава совершил свой первый полет.

Зрители еще не успели «остыть» от этого волнующего кадра, как им была преподнесена новая сценка. Обращаясь к Ю. А. Гагарину, ведущий сказал:

— Господин Гагарин, вы помните, когда вы вернулись из космоса?

— Конечно, помню — двенадцатого апреля. Полетел и возвратился на Землю в тот же день.

— Нет, я прошу вас сказать точнее, с точностью до одной минуты.

Юрий Алексеевич назвал точно время своего возвращения из космоса.

— Как раз в этот момент, — продолжал комментатор, — в Токио родился ребенок, и мы хотим познакомить вас с этой девочкой.

Появилась молодая красивая японка с хорошенькой девочкой.

Перед телепередачей один из советских корреспондентов

видел, как наигрывалась эта сцена. Предполагалось, что Гагарин возьмет девочку на руки, а та расплачется при виде незнакомого человека и потянется обратно к маме. Мать должна была взять ребенка на руки, успокаивать его и в то же время улыбаться гостю. Однако в действительности эта сцена выглядела несколько иначе. Юрий Алексеевич взял девчушку на руки и подкинул ее несколько раз вверх, ласково пошлепывая. Девочка весело рассмеялась и доверчиво к нему прижалась. Тогда он ей сказал:

— Мы с тобой ровесники. Ты в эту минуту родилась как человек, я родился как космонавт.

Много, очень много было встреч у Юрия Алексеевича Гагарина с работниками радио, телевидения, газет. Бывало, что зарубежные журналисты готовили к встречам каверзные вопросы. Но гагаринская простота и обаяние помогали преодолевать эти тщательно возводимые словесные баррикады.

НАДО ПРОСТО СОБРАТЬСЯ...

Лето 1961 года отряд космонавтов, многие конструкторы, ученые-медики встретили на Черноморском побережье Кавказа. У всех было хорошее, приподнятое настроение. Полет Юрия Алексеевича Гагарина окрылял. Казалось, что нет предела человеческим возможностям.

Часто в санаторий к космонавтам заходил Главный конструктор. Он сразу же оказывался в центре внимания. И о чем бы ни шла беседа — об истории и будущем авиации, об искусстве и литературе, новых технических открытиях, — разговор все равно возвращался к предстоящим стартам.

Космонавтам, а особенно Герману Степановичу Титову, дублеру Ю. А. Гагарина, не терпелось узнать, когда будет следующий полет. Главный конструктор отшучивался, но однажды заявил, что корабль почти готов и теперь многое зависит от космонавтов.

— Успеете подготовиться к августу? — спросил Главный. И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Давайте посоветуемся. Сколько времени определить на второй полет?

— Я думаю, три витка, — первым ответил Гагарин. — Три витка — это уже новый шаг. Успеешь много посмотреть и поработать.

Трижды облететь земной шар казалось тогда сложной задачей.

— Эх, попробовать бы поесть в космосе, а то и поспать! Вот это было бы уже кое-что, — в раздумье произнес кто-то из медиков.

— А если не три витка, а сутки? — внимательно выслушав всех, промолвил Главный конструктор. — Сутки — это уже цикл жизнедеятельности человека. Мы сразу узнаем, можно ли человеку работать, жить в космосе. Узнаем поближе и невесомость. Проведем наблюдения, сделаем снимки, попробуем ручное управление... Работать так работать.

Решиться на суточный полет в то время было делом не простым. Опыта ни у кого не было. Был только полет Гагарина. Американцам Алану Шепарду и Вирджилу Гриссому в состоянии невесомости удалось пробыть всего пять минут.

До старта «Востока-2» в США были проведены лишь неорбитальные полеты — полеты по баллистической траектории. Ракета с капсулой, в которой находился человек, поднималась на высоту до 180 километров и сразу же опускалась. Весь полет занимал четверть часа. Американские специалисты только 20 февраля 1962 года смогли отправить Джона Гленна в орбитальный полет на три витка.

Советским специалистам приходилось делать первые, самые трудные шаги по непроторенной дороге.

Старт космического корабля-спутника «Восток-2» состоялся 6 августа 1961 года.

Позывные Германа Степановича Титова — «Орел». И сразу же после вывода корабля на орбиту на пункте управления раздается:

— Я — «Орел», я — «Орел»! Все идет отлично, все работает хорошо, самочувствие отличное.

Земля внимательно ловила каждое слово во время полета, а когда Герман Степанович совершил 17 витков вокруг Земли и попал в объятия друзей, то не было отбоя от вопросов:

— Как ручное управление?

— Управлять кораблем легко, удобно, можно ориентировать его в любом положении и развернуть куда надо.

— Скажи, можно в космосе пить воду из стакана?

— Трудно! Вода из стакана не выльется, хотя вы термос опрокинули горлышком вниз. Вода невесома! Но достаточно ударить по дну термоса, как она выйдет из сосуда и, свернувшись в шар, поплывет по воздуху. Пить и есть можно только из туб.

С интересом рассматривали записи в бортжурнале. Рядом со служебными пометками были нарисованные не совсем твердой рукой звезды, спирали.

Космонавт выполнял задание: в условиях невесомости начертить простейшие геометрические фигуры. Это был один из несложных тестов, помогающих установить влияние невесомости на координацию движений.

Сейчас, спустя десятилетие, когда на орбитальной научной станции «Салют» космонавты неделями выполняли сложную работу, рисунки в бортжурнале на «Востоке-2» кажутся простыми, почти шуткой. Но тогда они имели большую научную ценность.

Суточный полет Германа Титова помог решить лишь некоторые вопросы. Очень многое оставалось загадкой...

Больше года ушло на подготовку группового полета

Андрияна Григорьевича Николаева и Павла Романовича Поповича. Полет проходил в августе 1962 года. Николаев пробыл в космосе 94 часа 10 минут, Попович — 70 часов 44 минуты.

— Одной из основных задач полета, — считал Главный конструктор, — была необходимость продолжить изучение влияния невесомости на организм человека в длительном полете. Те данные, что мы получили, — подчеркивал он, — чрезвычайно важны для науки, так как новый космонавт — это новая человеческая индивидуальность, и, естественно, каждый новый полет обогащает нас экспериментальным фактическим материалом для дальнейшего совершенствования космических кораблей.

Вскоре после торжественной встречи космонавтов в Москве мне довелось с группой журналистов и писателей беседовать с А. Г. Николаевым и П. Р. Поповичем.

По широкому длинному коридору идут подтянутые, стройные, загорелые летчики. Цветы и аплодисменты не в традициях этого учреждения, но для «небесных братьев» (именно так тогда журналисты писали о новых космонавтах) было сделано исключение. Убеленные сединами люди, немало повидавшие на своем веку, пережившие войну, тепло, по-отечески приветствовали новых героев космоса. Кое-кто из них смахивал невольно набежавшую слезу... Они встречались со своей молодостью, со своей мечтой...

У меня сохранилась стенограмма этой пресс-конференции. Сейчас любопытно перечитать некоторые записи — они дают представление о том, что интересовало общественность в те дни.

Вопрос первый — о дублерах. Стало традицией, что космонавт, совершивший полет, представляет своего дублера. Из книги Юрия Гагарина мы узнали о Германе Титове, а тот, в свою очередь, рассказал о «космонавте-три». Теперь Андриян Николаев говорит о «космонавте-пять».

НИКОЛАЕВ. Я могу рассказать о своем дублере (речь шла о Валерии Федоровиче Быковском. — **Ю. Л.**). Это очень хороший товарищ, молодой, энергичный, жизнерадостный. Недавно, немногим более чем полгода тому назад, мы его женили.

ПОПОВИЧ. Заметьте: «женили»!.. Андрея мы тоже женим!

НИКОЛАЕВ. Я с ним с первых дней проходил вместе летную комиссию, вместе занимался и очень хорошо изучил его. Дружба между мною и моим дублером очень близкая, душевная. Когда он женился, мне казалось, что я могу потерять друга — человек женатый может измениться. Но наша дружба еще более укрепилась! Я к ним хожу в гости, как домой. И они ко мне ходят. Очень он хороший товарищ.

ПОПОВИЧ. У меня дублер очень энергичный, умный парень, инженер по образованию (так впервые мы узнали о Владимире Михайловиче Комарове. — **Ю. Л.**). Он летчик-истребитель. Закончил высшее учебное заведение. У него есть семья. Сын ходит в школу и дочурка скоро пойдет. Я был твердо уверен, что в случае, если у меня что-нибудь будет не в порядке или что-нибудь случится на старте, то он меня заменит. Мы с ним вместе готовились к полету, прорабатывали все задания, вместе тренировались.

Вопрос второй — о традициях. Они есть во всякой профессии. Есть они и у космонавтов. Родились и сложились они в коллективе Звездного городка. Сюда из разных воинских частей и научно-исследовательских институтов были отобраны лучшие летчики, медики, испытатели, коллективному труду которых обязана своим рождением новая земная профессия — летчик-космонавт. О традициях отряда космонавтов рассказывает парторг Павел Попович.

ПОПОВИЧ. Мы все очень дружны. Дружат и наши семьи. Мы бываем в гостях друг у друга. Вместе часто смотрим телевизор, ходим в кино, ездим в театры в Москву.

Я считаю, как космонавт, как коммунист, как секретарь партийной организации, что у нас есть очень хорошая традиция — это честно и откровенно говорить обо всем. Я вам такой открою секрет (это впервые услышат): у нас есть неофициальные собрания. У нас это называется — «просто собраться». Вот возникает какой-то вопрос. Ну, допустим, товарищ сделал неправильный поступок или, может быть, начинает нос драть кверху. Мы решаем: «Нужно собраться». И совсем не обязательно это говорит начальник или парторг, это может сказать любой: «Ребята, нам сегодня нужно собраться». Мы собираемся, и никто не спрашивает зачем. Значит, надо. Собираемся мы без начальства. Никаких рангов не существует! Если надо, то Гагарину так Гагарину, Титову так Титову, Поповичу, Николаеву — любому ребята скажут то, что заслужил. Это очень хорошая традиция, и мы будем ее поддерживать, потому что наш коллектив особый и здесь с каким-то шаблоном не подойдешь.

Вопрос третий — о деталях космического быта. Нас, землян, интересует все. Любая новая подробность тех исторических дней и ночей, которые провели в космических кабинах пока таинственной Вселенной Андриян Николаев и Павел Попович. Космические корабли, как известно, в своем вращении вокруг планеты встречаются с мельчайшими частицами космической пыли. Эти не видимые глазом частички с огромной скоростью сталкиваются с кораблями. Космонавта Николаева спросили,

слышны ли удары космических пылинок об обшивку космического корабля. Слышен ли треск...

НИКОЛАЕВ. Нет, никакого треска не слышно. Когда выключаешь вентиляцию скафандра, выключаешь свет, закрываешь иллюминаторы — готовишься ко сну, когда все выключаешь, то такая тишина, даже не чувствуешь, что ты летишь в космосе, а кажется, как будто на Земле находишься. Да, еще хочу добавить — очень хорошо из космоса видны молнии, грозы, облака.

Интересно, когда на корабле летишь, то в одном иллюминаторе светит солнце — смотреть нельзя, а в другой иллюминатор глянешь — там черно, ничего не видно, только звезды. Когда Луна попадает в иллюминатор, а в кабине свет выключен, все равно все освещено, и можно различить приборы. Луна ярче светит в космосе.

Вопрос пятый — о будущности профессии космонавтов. Восемь десятков лет назад по улицам Петербурга впервые в мире пошел по рельсам моторный трамвай. Еще живы люди, которые помнят первые полеты самолетов, похожих на летающие этажерки; и вот мы, современники, — очевидцы полетов первых космических кораблей. В век атома и космоса человек уплотняет время и ценит его. Человеку нужны новые скорости, новые дали, новые выси. Что думают первые космонавты о будущем своей профессии?

ПОПОВИЧ. Мы, например, думаем, что когда-нибудь отряд космонавтов будет так же многочислен, как сейчас отряд наших прославленных летчиков. Поэтому наша профессия, а она, собственно говоря, только началась, имеет очень большое будущее. Конечно, когда-то придется космонавтам водить корабли к другим планетам или в далеком будущем — к другим мирам летать. К другим планетам мы с Андрияном еще тоже слетаем!

Вопрос шестой — о личных планах Павла Поповича и Андрияна Николаева, слушателей Военно-Воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

ПОПОВИЧ. Я буду продолжать учиться. Учиться нужно обязательно. Это мы прекрасно понимаем. Учиться буду и держать себя в положении «товьсь», как моряки говорят, для того, чтобы в любое время смог опять выполнить задание партии и правительства.

НИКОЛАЕВ. Личные планы у нас совпадают. Нам, конечно, надо учиться, учиться и работать по-настоящему. Ну, еще у меня есть в личной жизни нерешенный вопрос... (Смех). Я думаю, и этот вопрос надо будет решить. Конкретно пока трудно сказать...

ПОПОВИЧ. Мы свои услуги предложили ему, говорим: «Женим».

Вопрос седьмой — о том, как слушаются радиопередачи в космосе, как принимаются в космосе широковещательные радиостанции.

НИКОЛАЕВ. Я радио во время полета слушал. Слушал свой голос, записанный на пленку. Очень был рад. Слушал музыку. Хорошо слышно было.

ПОПОВИЧ. Я Левитана слышал, слышал «Последние известия», о полете много говорилось. И я Андрею, как ушли мы к Южному полюсу, — а нас там мало кто слышит, — сказал: кАндрюша, наверное, все-таки мы произвели на Земле немножко шуму!»

НИКОЛАЕВ. Хочу добавить. Я минут пять слушал лекцию по астрономии. Очень хорошо слышно. Можно слушать не только родную Москву, но и Новосибирск, и Харьков, и Киев.

Вопрос восьмой — о невесомости. Как чувствует себя человек, потерявший свой вес. Человек, плавающий, парящий в кабине космического корабля. Пока из землян только командиры космических лайнеров «Восток-3» и «Восток-4» уходили в «свободное плавание» по кабинам своих кораблей.

ПОПОВИЧ. Неприятных ощущений невесомость не вызывала. Пульс был ритмичный, полный. Это прежде всего объясняем тем, что мы очень много тренировались. Мы с Андреем флегматики. Может быть, и это сыграло какую-то роль.

Вот такой была беседа в августе 1962 года.

Когда перечитываешь эту запись, то почти зримо видишь, как быстро летит время, как быстро новое становится частью нашей жизни. Это спустя годы мы услышали «в полете «Космос-500», «525», а тогда все только начиналось.

ГОРОД В СТЕПИ

— Будешь вести репортаж с космодрома, — сказал мне редактор.

После того как в карман было положено командировочное удостоверение, на лице моем застыла счастливая до глупости улыбка. Руки тянулись то к пачке сигарет, то начинали щелкать замками портативного магнитофона «Репортер» — не включился ли, не сели ли батареи, не потерялись ли кассеты... На вопросы товарищей отвечал невпопад. Все мысли об одном: как рассказать о старте космонавтов, как бы не пропустить самого главного, не опоздать...

На ночной аэродром примчался задолго до отлета. Шел дождь. В его пелене пропадали высокие сосны, а на бетоне растворялись очертания самолетов.

Заходить в здание не хочется — вдруг сейчас пройдут космонавты!

Подъехали четверо. Все в летной форме. Коренастые, шумливые. Ну конечно, космонавты, думаю я, такие же ростом, как Гагарин. Однако оказалось, что это экипаж нашего самолета... (Как выяснилось позже, космонавты уже были на космодроме.) Летчики приветливо здороваются с нами и советуют укрыться от дождя в помещении. Мы проходим в зал ожидания. Мы — это представители прессы, аккредитованные на космодроме. За шуткой, легким розыгрышем, свежим анекдотом каждый старается скрыть волнение.

Наконец винтовой самолет взревел моторами и взял курс на восток. Я уселся у иллюминатора. Темень и звезды. Сон не шел. Голову все время сверлили слова: «До чего же красивое зрелище — старт человека в космос!» То ли я сам выдумал эту фразу, то ли память услужливо выхватила ее, но слова молоточками стучали в голове и не давали покоя. Чтобы не мучиться, я решил записать эти слова. Смотрю — полезли за записными книжками

мои коллеги...

Космонавтика — это звездоплавание, наука, изучающая возможность полетов летательных аппаратов в мировом пространстве.

Космонавтика — это ракеты и двигатели, машиностроение и металлургия, химия и электроника. Космонавтика — это научно-технический потенциал страны. Космонавтика — это люди.

Летняя ночь коротка.

Летчик вышел к нам в салон, прервал разговор о предстоящем старте одним словом: «Подлетаем». Все журналисты прильнули к окнам. А там — серый и оранжевый песок.

Космодром встретил нас сильным ветром. Порывы разгулявшегося в степи ветра бросают в лицо песок, лохматят волосы, песок скрипит на зубах. Нещадно палит солнце. Молодые тополя у здания аэродрома кланяются во все стороны. Думаешь, еще один порыв — и горячие струи воздуха сожгут листья, вывернут с корнями растения и, завывая, унесут для своих безумных игр в степь.

Нас ждет автобус. Обычные слова при встрече и знакомстве. Оглядываюсь по сторонам. Ни космонавтов, ни ракет... Только вдали видны контуры города.

Первое знакомство с районом старта советских космических кораблей начинается с хорошей автострады. Город. Он похож на многие города, построенные за последние годы. Чем-то он напоминает Караганду, Темиртау, Джезказган. Такие же дома на улицах, большой парк. Нам рассказывали, что за каждым растением здесь ухаживают, как за маленьким ребенком. Каждое деревце укутывают зимой, регулярно поливают, подкармливают летом. Если не поливать, то занесет песком, сожжет солнцем. На первых порах у каждого деревца был свой закрепленный шеф. Без растений город был бы холодный и неуютный.

Пожалуй, нигде, разве только на набережных приморских городов, не видел я такого торжественного семейного шествия по вечерам, как в городе на космодроме. Не спеша, в лучших нарядах, с женами, с детьми прогуливаются люди в тихий вечер, когда он бывает «тихим» от наземных космических хлопот.

А лет восемь назад здесь была голая степь, иссушенная зноем.

Первые строители приехали сюда в июне. Месяца три стояла жара. В иные дни в тени было 46 градусов. Строительство начали по-солдатски, с палаточного городка. «Десять ячеек, глубиной на четыре штыка».

Потом появилось первое деревянное здание, потом первое из железобетона, потом первая улица...

Главный конструктор Сергей Павлович Королев тогда жил в вагоне, там и обедал. К обеду приглашал тех, с кем надо было продолжить разговор. Во временном бараке «люксы» были на четыре человека... Пыль со стройки проникала всюду, находила малейшие щели, черной каемкой отмечала морщинки на лице...

А сейчас на большой площади — здание универмага, Дом культуры. Афиши извещают, что вечером идет «Гусарская баллада», а на днях состоится премьера местной самодеятельности, которая грозится показать «Стряпуху».

Гостиница на окраине города. Нам дали две комнаты. В этом же доме, в соседнем подъезде, живут космонавты. Сейчас они на работе. Приедут вечером. «Космонавты приедут с работы!..»

Хочется бежать к телефону, передавать информации, репортажи, предупреждать, что «срочно». Но передавать пока нечего.

Здесь идет «будничная» работа: отлаживают системы ракеты и корабля, уточняется программа полетов...

К гостинице то и дело подъезжают люди с чемоданами и папками... Видимо, специалисты. Наскоро перекусив, они снова куда-то уезжают.

Нам показывают кусты смородины, которые посадили космонавты в свой первый приезд сюда. На кустах красные ягоды. Кто-то поливает волейбольную площадку... Здесь же турник, стол для игры в пинг-понг. В саду много цветов.

Наконец подъезжает автобус. Ребятишки, столпившиеся у ворот, радостно кричат:

— Гагарин! Гагарин!

Юрий Алексеевич в легкой рубашке. Как всегда, приветливо улыбается. У проходной десятки людей с книгами, фотографиями, альбомами — ждут автографов. Гагарин останавливается и начинает привычную «работу»...

Как-то в буфете (была жара, и мы по очереди ходили покупать трехлитровые банки с виноградным соком) я стал свидетелем такой сцены. За столиком в окружении испытателей сидит Юрий Алексеевич. Жарко. В руках — запотевший от холода стакан с минеральной. Все усталые и расслабленные (это было после старта «Востока-6»). Идет разговор о жизни. Юрий Алексеевич как-то удивительно тоскливо говорит:

— До чего же надоело быть Гагариным! Хочется как все. Просто.

Собеседники сочувственно кивают головами... И тут же протягивают для автографов открытки, записные книжки, повязки стартовой команды.

Вместе с Гагариным из машины вышел Андриян Николаев.

Его тоже окружили любители автографов. Мы поспешили навстречу космонавтам.

— Пресса прибыла! — комментирует Герман Титов.

Знакомимся с Валерием Быковским и его дублером Борисом Волыновым. Никто из нас, журналистов, не достает записных книжек, вопросы сыплются «про запас» для будущих репортажей.

Командир отряда Гагарин отражает наш натиск:

— Потом, потом, еще успеете наговориться...

Стройная загорелая девушка в простеньком ситцевом платье поздоровалась с нами и прошла в дом. Терешкова. Никто не остановил ее, не окликнул.

— Упустили, — подтрунивает Титов.

Незадолго до старта космонавты выпустили сатирическую стенгазету «Нептун». Несколько карикатур было посвящено нам, журналистам. На одной мы были изображены прячущимися в кустах. В руках фотоаппараты. Они нацелены на Гагарина и других космонавтов, занимающихся физзарядкой. Подпись: «Пресса за работой!»

На карикатуры надо было ответить. Первое предложение — выпустить свою стенгазету — отвергли. Во-первых, нет такого хорошего художника, как у космонавтов, а во-вторых, еще одна стенгазета — не остроумно. Решено написать частушки. И вот вечером на волейбольной площадке появился наш самодеятельный ансамбль. За основу был взят мотив песенки «Подмосковный городок».

Городок наш ничего,
Населенье таково —
Что небесные ребята
Составляют большинство.

Были куплеты и на местные, космодромские темы:

Ищет пресса тут и там,
Рыщет пресса по кустам:
Ах, куда ведет Гагарин
Космонавтов по утрам...

Незатейливая песенка понравилась. Куплеты рождались на лету. Нашей плодовитости мог позавидовать любой поэт.

Крутит Валя бигуди.
«Ты, Валерка, не грусти.

Наша встреча на орбите,
Чует сердце, впереди...»

Перед стартом Быковского космонавты ездили на рыбалку, купались. Ребята вошли в воду с шутками и моментально построились «клином». Впереди Гагарин, за ним с одной стороны Титов, с другой — Быковский. Строго держа равнение, рядом плыли их друзья.

Андриян Григорьевич фотографировал группу с берега.

Рядом с Николаевым остановился растерянный врач:

— Да скажите вы им, что нельзя!

Николаев повернулся к доктору и очень серьезно спросил:

— Что — нельзя?

— Вы что, не понимаете, о чем я говорю?

— Купаться нельзя?

Космонавты не слышали всего разговора, но, очевидно, догадывались, о чем речь, и весело хохотали.

— Да ну вас! — махнул рукой врач и начал взывать к совести плывущих...

Вечером, после рыбалки, на уху к космонавтам пришел Сергей Павлович Королев.

Сергея Павловича с космонавтами роднило небо. Начинал он, как и многие в его молодые годы, с планеров. Создавал самолеты, но через всю жизнь, через все испытания пронес мечту о космосе.

Его увлечение поняли не сразу.

Известный авиаконструктор Герой Социалистического Труда О. К. Антонов вспоминал, что ему довелось видеть подготовку к полетам на планере, снабженном небольшим жидкостным реактивным двигателем, который Королев и его друзья мастерили сами в своем ГИРДе. «Нам, планеристам, которые мечтали об очень маленьких, очень экономичных двигателях для наших планеров, казалось чудовищным ставить на планер прожорливый реактивный двигатель, который был в состоянии работать всего секунды.

Разве могли мы тогда предвидеть, во что эти работы выльются через десятилетия?»

Теперь дело, которым когда-то занималась небольшая группа энтузиастов, стало заботой всей страны.

Все важнейшие решения, связанные с очередными космическими экспериментами, принимает Государственная комиссия.

В зале собрались конструкторы, ученые, специалисты различных служб, космонавты.

Торжественная встреча на космодроме с кинохроникой, журналистами была как бы итогом определенного этапа работ. Праздник для тех, кто готовил космические корабли и ракеты, а кроме того, и первое публичное представление будущих космонавтов.

Сергей Павлович доложил Государственной комиссии о готовности всех систем и получил разрешение вывезти корабль на стартовую позицию.

Затем слово предоставляется руководителю группы космонавтов. Он говорит о хорошей подготовке Валерия Быковского, Валентины Терешковой, о дублерах.

Новых командиров космических кораблей поздравил Ю. А. Гагарин:

— Стало традицией в этом зале утверждать командиров космических кораблей. Этот зал видел многое. Здесь получили путевку в космос мои друзья Титов, Николаев, Попович. Мне от души хочется пожелать Валентине и Валерию счастливых посадок!

Из-за стола президиума встал Сергей Павлович Королев:

— Я счастлив сказать, что наша страна стала берегом Вселенной. Я верю, что от этого светлого берега в космические дали пойдут всё новые и новые корабли. Я поздравляю вас, Валерий Федорович, с назначением командиром корабля. С особым душевным волнением я поздравляю Валентину Владимировну.

СТАРТУЕТ „ВОСТОК-5"

Чудо современной техники ракету и космический корабль на космодроме просто и буднично называют «изделием». Так принято. А когда ракета несется ввысь, то о ней говорят: «Машина работает отлично...»

И вот это «изделие» я увидел воочию на стартовой площадке. В открытой степи ракета напоминает... доменную печь. (Всегда хочется подобрать для сравнения что-то знакомое!)

Ветер полощет красные ленточки, прикрепленные к телу ракеты. Сигнал внимания. Это традиция авиаторов: раз висит ленточка — значит, в этом месте что-то надо сделать, проверить.

У ракеты благородные, стремительные линии. Ее подготовка к старту связана со многими службами. Связь осуществляется по радио. Доносятся команды — идет окончательная проверка всех систем. Команды понятны только специалистам, но их спокойный тон отражает деловую атмосферу, которая царит на площадке. На черной доске мелом написаны цифры: температура, давление, влажность воздуха, скорость ветра. Очень жарко. Но в космическом корабле должно быть плюс 20.

Рядом с ракетой — молниеотвод; он похож на телевизионную вышку. Я смотрю на все как зачарованный. Вдруг товарищ толкает меня и шепчет:

— Главный приехал.

К нам подходит коренастый человек с крупной головой, посаженной на короткую шею. На нем белый пиджак, трикотажная рубашка с «молнией», видавшая виды соломенная шляпа. Сергей Павлович Королев здоровается с нами, пожимает крепко руки. А потом говорит, улыбаясь:

— Скоро журналисты тоже будут летать в космос. Нет, я совершенно серьезно. Я большой оптимист.

Корреспондент «Правды» сетует на свой большой вес.

— Ничего, — отвечает Сергей Павлович, — это не проблема. Можете готовиться к полетам.

С особым удовольствием, и это заметно, Королев произносит слово «космоплавание». «Космоплавание»! Корабли будут уходить в космическое пространство далеко от Земли так, как уходят

сейчас мореплаватели...

На старте ракета, готовая поднять в космическую высь многотонный корабль.

Наша первая ракета поднялась в небо 17 августа 1933 года.

«ГИРД-09» была снабжена парашютом для спуска на Землю, весила она 18 килограммов, имела длину около 2,5 метра при диаметре 180 миллиметров. Продолжительность полета от момента запуска до момента падения составила 18 секунд. Тогда «Объект-09» был поднят на высоту примерно 400 метров...

А в 1934 году в своей книге «Ракетный полет в стратосферу» Сергей Павлович Королев писал:

«...К сожалению, то, что до сих пор было написано о ракетах и ракетной технике, по большей части настолько далеко от истины, что трудно разобраться и отличить фантазию на межпланетные темы от действительных, реальных возможностей. Знать же эти возможности и изучать их нам надо не только для того, чтобы избежать всевозможных сюрпризов и неожиданностей, но и потому, что в СССР, несомненно, ракета найдет широкое и благодарное поле мирной деятельности на пользу социалистическому строительству.

...Мы уверены, что в самом недалеком будущем ракетное летание широко разовьется и займет подобающее место в системе социалистической техники. Ярким примером тому может служить авиация, достигшая в СССР такого широкого размаха и успехов».

Эту книгу читал К. Э. Циолковский:

«...С. П. Королев прислал мне свою книжку «Ракетный полет», но адреса не приложил. Не знаю, как поблагодарить его за любезность. Если возможно, передайте ему мою благодарность или сообщите его адрес. Книжка разумная, содержательная и полезная...»

...Сергей Павлович внимательно и, как мне показалось, несколько строго посмотрел на каждого из нас во время первого знакомства.

Может быть, его заботили в этот момент какие-то неотложные дела, а может быть, он не был удовлетворен некоторыми поверхностными статьями об освоении космоса...

— Ну что, потом напишете, что ракета-носитель с кораблем была высотой с новое здание МГУ? — пошутил он. И добавил очень серьезно: — Советую познакомиться с наземным комплексом. Специалисты вам все покажут. Бережно относитесь к ней! — повернулся в сторону ракеты. — Мы еще не раз встретимся. Желаю вам удачи!

В домике космонавтов на столе цветы, ваза с фруктами. На стене — портреты тех, кто побывал в космосе.

Перед входом в домик Валерий Быковский прощается с друзьями. Хорошо запомнились эти минуты. Журналисты берут последние интервью, автографы для газет. Я записываю на пленку обращение к радиослушателям.

У всех хорошее настроение.

Вдруг неожиданно кто-то — кажется, Герман Титов — срывает с Валерия фуражку и плавно пускает ее на землю.

— Что это такое? — спрашиваю. — Тоже традиция? Такой же плавной посадки?

— Нет! — смеется товарищ. — Балуются ребята.

А может быть, все же традиция? Пожелание благополучно возвратиться из космоса? А может быть, «розыгрыш»?..

14 июня 1963 года. На старте «Восток-5».

В том же помещении, где собирали в полет Ю. А. Гагарина, облачают в космические доспехи Валерия Быковского и Бориса Волынова. Это довольно сложная процедура.

Космонавт садится на стул. Инженеры, врачи начинают свое «колдовство». Это большое искусство — разместить в скафандре провода от датчиков, одеть космонавта так, чтобы ему было удобно работать.

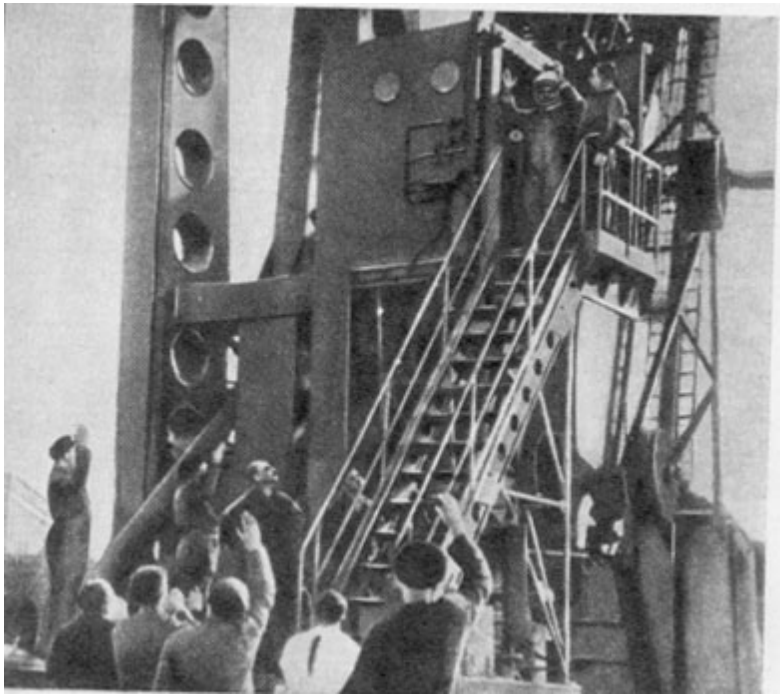
Теплозащитный костюм с вышитой эмблемой — на голубом фоне в золотых лучах солнца белый голубь с оливковой ветвью... В костюме несколько карманов. Один — для удостоверения космонавта, другой — для запасного радиоприемника... для электрических часов...

Поверх серебристо-голубого костюма надевают оранжевого цвета комбинезон, На одном рукаве прикреплено зеркальце, на другом — часы. Высокие, как сапоги, черные ботинки, поверх них — белый чехол. Гермошлем белого цвета, ребристый. На нем пламенеют четыре буквы: «СССР».

Перед самым стартом Главный конструктор подошел к Валерию. Разговор был кратким.

Увидев, что Валерий Федорович вошел в кабину космического корабля, мы сели на автомашину и быстро помчались на смотровую площадку.

Москва, Красная площадь, 14 апреля 1961 года. Десятки тысяч москвичей собрались на торжественный митинг, посвященный выдающемуся полету первого в мире космонавта Юрия Алексеевича Гагарина на космическом корабле «Восток».



Космодром «Байконур». Раннее утро 12 апреля 1961 года. Пройдет немного времени, и он скажет: «Поехали!»

Старт космического корабля «Восток». У пульта Сергей Павлович Королев. «Кедр», я — «Заря-1» — счастливого пути!»

„ЧАЙКА" ЛЕТИТ К ЗВЕЗДАМ

Радиоприемник в комнате Валентины Терешковой настроен на Москву. Звучит музыка. Через сутки диктор произнесет ее имя. Через сутки планета узнает первую в мире женщину-космонавта.

Мы договорились о беседе у микрофона. Это ее первое интервью. Интервью перед стартом. Встреча назначена ровно на 15. Прихожу минут за десять. Вижу ее в коридоре.

— Я сейчас, только пообедаю...

— Начинаю беспокоиться. У Вали времени в обрез. Уже ждет машина. В 15.15 она должна выехать из гостиницы на космодром.

Вскоре через ступеньку Валя сбегает по лестнице, протягивает мне конфеты и воблу в целлофане:

— Угощайтесь, космическая пища.

— А что с обедом, почему так скоро?

— Уже пообедали! Долго ли на Земле справиться с космическими блюдами!

В комнате две кровати. Ее и подруги-дублера. На столе букет степных цветов, открытая коробка с шоколадом. Валя радушно пододвигает коробку.

На тумбочке пакет с грецкими орехами, флакон «Красной Москвы». Раскрытая книга «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Я включаю микрофон и прошу прежде всего рассказать о себе.

— Родилась я в Ярославской области в тридцать седьмом году, шестого марта, в небольшой деревне. Отец работал трактористом, а мать дояркой на ферме. Отец ушел в армию и погиб во время войны. Братишка, который родился после смерти отца, был назван в честь отца — Владимиром.

В сорок пятом году наша семья переехала в Ярославль к родственникам матери. Мама поступила сразу же работать на комбинат технических тканей «Красный Перекоп». Мы пошли учиться. У старшей сестры Людмилы, у меня (Володька еще был маленький) было единственное желание — как можно скорее помочь маме. Ведь маме очень трудно приходилось, нелегко одной одеть, обуть и выучить троих детей.

В пятьдесят третьем году я окончила семь классов и поступила в школу рабочей молодежи. Одновременно я пошла

работать на шинный завод.

Самое памятное -это первая моя получка. Денег было немного, но очень хотелось купить подарок маме. На платье денег не хватило, и я купила платок. Когда я пришла домой, мама была настолько взволнована, что не смогла сдержать слез...

После девяти классов я решила поступить в текстильный техникум и перешла работать на комбинат «Красный Перекоп».

В конце пятьдесят восьмого года я поступила в Ярославский аэроклуб, стала заниматься парашютным спортом.

— Валентина Владимировна, где находились вы, когда совершил свой полет Юрий Алексеевич Гагарин?

— Меня выбрали секретарем комсомольской организации комбината. В прядильном цехе мы проводили собрание комсомольской группы. Пришла Валентина Федоровна Усова, секретарь партийной организации комбината, и сообщила радостную весть. Конечно, собрание сразу повернулось по-другому.

— На ткацкой фабрике очень много женщин. Были разговоры, что и женщина полетит?

— Таких разговоров, по правде говоря, вначале не было, но когда мы собрались в партийном комитете и писали поздравительную телеграмму, то наш председатель завкома посмеялся надо мной: «Вот как нужно — в космос летают! Что ты все с парашютом прыгаешь». Тогда я сказала, что не за горами то время, когда и женщина полетит. Но это, конечно, было сказано в ответ на его шутку.

— Хотелось бы знать, когда вы решили стать космонавтом и что привлекло вас в этой, прямо скажем, тяжелой профессии?

— До полета Юрия Алексеевича Гагарина я, собственно, не задумывалась о полете в космос женщины. После полета я стала ловить себя на мысли: а что, если женщина полетит, и старалась представить ее — какая же она будет. Мне она представлялась умной, сильной и красивой...

Тогда, перед стартом, у меня не было возможности подробно расспросить Валю о жизни в Звездном городке. Время для беседы было ограничено. Я лишь попросил рассказать о самом сложном в подготовке к космическому полету.

— О сложном? Здесь всю подготовку нужно рассматривать с двух сторон. Первое — это подготовка как специалиста, а второе — это подготовка организма к полету. Чтобы стать космонавтом, нужно быть вполне здоровым человеком, образованным, иметь хорошие знания по кораблю, по всем системам.

О том, как готовилась Валя к полетам, как переносила тренировки, рассказали ее письма из Звездного городка. Письма

маме, подругам...

«Мама, родная моя!

У меня все хорошо. Ни капельки не надо ни волноваться, ни беспокоиться. Все идет так же, как в Ярославле: прыжки и разные другие тренировки. Бывают и не очень легкие. Но ты ведь знаешь, я выносливая... Часто бываю в Москве. Стояла вечером у кремлевской стены. Кремль ночью особенно красив. Вот ты приедешь — мы сходим вместе к Кремлю ночью...

Скоро приеду. Привезу Володе костюм и обещанный Сереже маленький парашют...»

«...Была на съезде. Встретилась с нашими, ярославскими. С Виктором Жуковым жали друг другу руки и вспоминали, как ругались в горкоме...

Сидела рядом с Гагариным. Совсем рядом, как в школе за партой...»

«...Подружки у меня хорошие. Есть чему поучиться... Как работает комбинат, как комсомолия наша? Яблони принялись или нет?.. Была на первомайском параде. Какое море людей! Вспоминаю, как мы оформляли свои колонны. Теперь бы я не так сделала...»

«...Мама, родная моя!

Получила квартиру. Удивительно, у меня своя квартира! Вымыла полы, раковину, ванну, балкон. Стала посреди комнаты — пусто. В один угол поставила парашютную сумку, в другой — унты. И рассмеялась — есть обстановка!»

«Танюша, дорогая моя!

...Много работы. Бывает, дохнуть нет часа. В свободные минуты ставлю пластинку, помнишь — Чайковский. Первый концерт для фортепьяно с оркестром. Играет Ван Клиберн. После такой музыки почти всегда думаешь о жизни, о счастье... Счастье, по-моему, — это уметь бороться, уметь смеяться, уметь работать и идти в ногу со всеми, кто за счастье воюет. У нас людям много дано, чтобы быть счастливыми. Надо быть достойным этого счастья».

Уже после полета, на встрече с курсантами аэроклуба, Валентина Терешкова так рассказывала о первых днях пребывания в центре подготовки:

— Медицинские обследования были очень сложными. Девчонкам не было какой-то привилегии перед ребятами. Поэтому были неудачи, были слезы, конечно... Потом началась очень упорная, сложная тренировка. Кончался рабочий день, и было одно желание — поскорей отдохнуть. Мы много занимались спортом. Непременно нужно развивать себя и физически: надо заниматься атлетикой и, конечно, зарядку по утрам делать!

Когда мы только пришли в отряд космонавтов, то казались удивительно смешными... Вначале стыдились даже заходить в спортивный зал, потому что все ребята отлично на батуте крутились, сальто делали, бегали, прыгали, играли в волейбол. А мы стеснялись, потому что боялись показаться неуклюжими.

Но упорно, очень упорно занимались. Пришли со временем и ловкость, и сноровка. Зато теперь не уступаем ребятам! Даже в футбол и хоккей с ними играем...

Были, конечно, и неудачи. У меня сначала не ладилось с центрифугой. Плакала даже... Должна сказать, что все наземные тренировки — и большие температуры, и перегрузки, и тренировки вестибулярного аппарата, — все это сначала очень неприятно.

Но потом привыкаешь. Человек при желании может сделать очень многое! А без труда ничего не достигнешь!

Может быть, вы видели один из снимков Вали перед полетом? Валя в окружении ребятишек. На руках у нее мальчуган... Этот снимок сделан на космодроме.

Дети пришли в сад попросить автографы у космонавтов. Со старшей сестренкой увязался маленький Максимка. Когда в саду появился Гагарин, то девочка забыла про Максимку, и он, оставшись один, заплакал. Валя взяла его на руки, стала успокаивать.

Кто-то из журналистов шутливо заметил: «Максимка плачет потому, что кончилась монополия мужчин на подвиг в космосе».

Этот маленький эпизод вспомнился мне, когда я первый раз беседовал с Валей у микрофона. Вот поэтому я и задал ей такой вопрос:

— Равноправие мужчин и женщин в нашей стране давно стало законом советской жизни. Этот закон не действовал в космосе, но теперь...

— Я не разделяю мнения, что в Советском Союзе остались еще такие области, где бы пока не действовал закон равноправия мужчин и женщин. Штурм космоса — это не заслуга одного героя, это подвиг народа, его талантливых рабочих, конструкторов, ученых, рабочих и служащих. Роль женщины невозможно умалить, потому что на заводах, где делают детали для наших кораблей, работают женщины, значит, и в космосе действовал закон равноправия мужчин и женщин. Мой полет только дополнение к этому факту, мне, новичку в космических делах, просто повезло в этом отношении. Громадное количество женщин уже давно старательно и успешно работают во всех областях космонавтики.

Накануне старта по традиции — встреча космонавта и его

дублера с теми, кто готовил космический корабль к полету.

В шестой раз на стартовой площадке у ракеты собрались ракетчики с цветами...

Пять раз мужчины дарили цветы мужчинам, а на этот раз — девушке...

Все стоят, образуя прямоугольник, стоят вполоборота, чтобы каждому была видна Валя. Она в голубом костюме, глаза у нее голубые... Приветливая, чуть смущенная улыбка. Ракетчики подходят к Вале с букетом цветов, потом читают стихи:

Трассами, как лентой серпантина,
Праздничную Землю обними;
Всей душой желаем, Валентина,
Доброго, счастливого пути.

У Вали в руках охапка цветов, она отдает их Главному конструктору, а потом подходит к микрофону:

— Дорогие товарищи! Друзья мои! Трудно передать те чувства, которые переполняют сейчас меня. Я уверена, что полетное задание выполню полностью и что после полета я вернусь сюда, чтобы поблагодарить вас за замечательный корабль, который вы создали.

...Снова цветы, рукопожатия...

После митинга — домик космонавтов. Это тоже традиция. В одном из лучших домиков на космодроме космонавт и его дублер отдыхают перед дальней дорогой.

Тополя шелестят у домика, доносится запах полыни.

У калитки седовласая женщина. Она, как мать, заботилась перед дорогой о Гагарине, Титове, Николаеве, Поповиче, Быковском. Зовут ее Клавдия Акимовна.

— Я всех их, как детей, провожала... К Вале особое чувство. Каждой матери пожелаю такую...

На дорожке вдоль тополей видна белая рубашка Сергея Павловича Королева.

Клавдия Акимовна чуть слышно говорит нам:

— Вот и Юрочка, когда улетал, он так все ходил, ходил... Почти до утра... Подойдет, спросит: «Спит?» — и опять ходит...

Рассказывают, что перед стартом Юрия Гагарина Сергей Павлович Королев сутками не выходил из монтажно-испытательного корпуса (МИКа). Однажды глубокой ночью, когда он вышел из монтажно-испытательного корпуса, то услышал музыку. А за поворотом на асфальте увидел танцующих. Светит луна, транзистор настроен на веселую волну.

— А это здорово! — остановился около танцующих Сергей

Павлович. — Работа работой, а жизнь идет... Молодость берет свое, и никакие перегрузки ей не страшны. Хорошо!

Рассказывают, что однажды в конструкторском бюро среди молодых сотрудников зашел разговор о романтике. Случайным участником этого разговора стал Сергей Павлович. Он долго молча слушал, потом улыбнулся и сказал:

— Романтика? Вам виднее, что это такое. А я расскажу вам случай из жизни одного моего знакомого... Молодой человек на последние деньги купил старый мотоцикл и на нем приехал в Москву. Перед самой Москвой на рассвете пришлось заняться устранением поломки. Утром въехал в большой город. Дождался открытия булочной, купил сайку и с большим удовольствием съел ее, сидя на парапете, прямо на улице... Прошли годы. К этой же булочной как-то утром подошел черный «ЗИМ», из него вышел солидный человек в кожаном пальто, зашел в булочную, купил сайку и с удовольствием съел ее на улице... Постоял, подумал о неотложных делах, о жизни... Романтика?!

Из его биографии (как рассказывал о себе сам С. П. Королев):

«Родился на Украине в 1906 году, в семье учителя. Отец умер. Воспитывали меня мать, учительница, и отчим, инженер. Сейчас мать пенсионерка. Среднего образования получить сразу не удалось — не было условий. Окончил двухгодичную профессиональную строительную школу. Работал столяром. Крыл крыши черепицей. Позднее перешел на производство к станку. Мой трудовой стаж начался в 16 лет. Я мечтал получить высшее образование. Мне это удалось...»

Один из инженеров рассказывал, что у него перед полетом Гагарина оказалось несколько свободных дней. Сергей Павлович остановил его у своего домика и говорит:

— Идет самолет на Ташкент. Почему ты не попросишься у меня слетать туда на несколько дней? Ведь заслужил, время у тебя есть.

— Да как-то неудобно, Сергей Павлович. А потом, что я там буду делать?

— Неудобно? Знаешь, что неудобно... А что делать? Побродишь по городу, сходишь в ресторан... И еще: если можно, привези мне дыню. Знаешь, такие продолговатые...

— Дыню — весной?

— В Узбекистане давно выращивают отменные дыни, значит, должны и уметь их сохранять, надо только постараться — и найдешь.

Инженер с удовольствием вспоминает те несколько дней, которые он с друзьями провел в Ташкенте.

Сергей же Павлович, как маленький, обрадовался подарку —

янтарной дыне.

— Ты знаешь, как надо ее разрезать, чтобы подольше сохранилась? Из середины вырезают круг, потом другой, третий, а если остается, то дольки складывают. Попробуй, какая вкусная дыня!

Инженер часто бывал у Сергея Павловича в доме, имел, так сказать, доступ к холодильнику. Он видел, как все меньше становился диаметр долек, и наконец дыни не стало. Однажды, когда Сергея Павловича не было дома, инженер принес вторую, привезенную в подарок и припрятанную дыню и попытался положить ее в холодильник. Но дыня была большая и целиком не умещалась. Тогда инженер «по методу Королева» вырезал кольцо, с аппетитом съел его, а дольки сложил и закрыл холодильник.

Через день Сергей Павлович среди каких-то дел остановил инженера за рукав и заговорщически спросил:

— А серединка-то вкусная была? Спасибо!

...Утро 16 июня 1963 года. Яркое-яркое солнце. Медленно плывут в выси легкие белые облака.

На стартовой площадке мы, как и все здесь, получили нарукавные повязки. Цвет ее означает время пребывания у ракеты. На щите у входа повесили номерок. Такой же номерок и у космонавта. Когда все будет готово к старту, на щите останется один номерок, потому что, уходя с площадки, каждый снимает свою бирочку. На стартовой площадке остается один космонавт...

На площадке никакой суеты, торопливости... Ждут назначенной минуты, ждут приезда Терешковой.

Появляется голубой автобус, он останавливается в сорока шагах от ракеты. Валя, как медвежонок, переваливаясь с ногина ногу в рыцарских доспехах космонавта, подходит к председателю Государственной комиссии:

— Космонавт Терешкова к полету готова!

Все приветливо улыбаются.

Председатель комиссии, невысокого роста, с посеребренными висками, с открытым добрым лицом, по-отцовски говорит:

— Дай я тебя поцелую в щечку!.. — А сам целует в губы.

Все смеются.

Несколько ступенек по лестнице. Щелчок кабины лифта. Оранжевый костюм уже виден на самом верху ракеты.

После полета Валя так вспоминала минуту подъема в лифте:

«Когда лифт уносит тебя к кораблю, смотришь на степь, и немножко грустно расставаться с Землей, с друзьями. Но это очень быстро проходит. Когда садишься в космический корабль, устанавливаешь связь и по микрофону слышишь голос Юрия Гагарина или Главного конструктора, то чувствуешь, что люди с

тобой и ты не одинока».

Мы спешим на знакомую смотровую площадку. Слышим голоса Гагарина и Терешковой:

— Я — «Чайка». На борту все в порядке. Показания приборов без изменения. Настроение бодрое. Самочувствие отличное. К старту готова. Я — «Чайка». Прием.

— Понял вас. Молодец! Наблюдаем вас по телевизору. Не очень энергично делайте движения головой. Прием.

— Я — «Чайка». Вас поняла хорошо.

К микрофону подходит Андриян Григорьевич Николаев. Он желает Валентине хорошего полета и благополучной посадки. Говорит он, как всегда, спокойно, не спеша. О! Если бы мы тогда знали, как беспокоился он за свою подругу!

Сергей Павлович Королев интересуется самочувствием Терешковой. Она докладывает:

— Я — «Чайка». Самочувствие отличное, настроение бодрое.

Сергей Павлович выслушивает доклад и замечает;

— Могу только позавидовать вам. У нас градусов на десять жарче, чем в кабине корабля. Вам предстоит интересное путешествие, удивительные открытия, серьезная работа. Желаю успешного полета.

Отсчитывается время готовности. В бункере операторы внимательно следят за показателями систем. Стартовую площадку покидают все специалисты. Хронометр на краснобархатном ложе, у пульта начальника стартовой команды, отсчитывает секунды...

И снова сквозь могучий шум ракеты голос Гагарина:

— Подъем. Счастливо, Валюша! Счастливый путь. Мы все тебя провожаем!

И в ответ — спокойный девичий голос:

— До свидания. До скорой встречи. Видно ослепительное пламя.

В небе солнечный клин. Потом белая снежная полоса — инверсионный след. Ярким солнцем взмывает ракета в синеву неба. Вот она стала похожа на огненный слиток металла.

И из этой искры, из этой огненной точки, несущейся с бешеной скоростью, доносится голос Вали:

— Я — «Чайка». Приложу все свои силы, знания, чтобы выполнить полет. Спасибо за добрые слова!

— Вас слышу хорошо, — отвечает взволнованно Гагарин. — Машина идет отлично, строго по траектории. Счастливый путь, Валюша!

В ЗОНЕ КОМФОРТА

Праздничным, солнечным был старт Валентины Терешковой. Люди на космодроме поздравляли друг друга. Но отдых пока заслуживали только стартовики. Они ходили именинниками. Здесь же, на площадке, группе молодых специалистов были вручены комсомольские билеты.

Очень это здорово — стать членом Ленинского Союза молодежи на площадке, еще не остывшей от старта ракеты!

Я всматривался в счастливые лица этих молодых людей. Точно таких парней я встречал в 1954 году в целинном совхозе в Северном Казахстане. Такие же задубленные упругим степным ветром лица я видел в Темиртау на строительстве Казахстанской Магнитки.

Точно такие ребята вбивали первые колышки в новых городах Тентек и Шахен...

На пункте управления через час после старта Валентины Терешковой я встретил Юрия Алексеевича Гагарина.

Ну, вы сами понимаете, как интересно побеседовать с первым космонавтом в такой день.

ГАГАРИН. Мне очень приятно было сейчас провожать девушку в полет. Нам, космонавтам, приходится бывать на очень многих встречах с трудящимися, с общественными деятелями у нас и за границей. И один из основных вопросов, которые обычно задают, — это скоро ли будет в космосе женщина. Представительницы прекрасного пола наконец-то дождались — теперь они будут представлены нашей Валентиной. Она очень симпатичная, хорошая, приятная девушка. Из рабочих.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Интересно, Юрий Алексеевич, как Терешкова проходила тренировки?

ГАГАРИН. Вы знаете, наше дело очень трудное. Ни один космонавт вам не может сказать, что тренировки давались и проходили очень легко. И Вале, конечно, было трудно. Она сейчас имеет очень хорошую подготовку как в теоретическом плане, так и в практическом. Она очень хорошо знает системы космического корабля. Очень хорошо отработаны вопросы управления

космическим аппаратом. Короче говоря, это будет полноправный пилот, настоящий пилот космического корабля в космическом пространстве. Она будет не только летать в космосе, как говорят, за пассажира, при сем присутствуя, — она будет руководить полетом так же, как до этого выполняли полеты мужчины. Ну, а как вот прилетит, мы тогда сравним, кто из них лучше выполнит полетное задание.

На космодроме мне очень понравилась фраза одного инженера. На вопрос, какие сейчас условия в кабине корабля, он ответил: «Все параметры — в зоне комфорта».

Параметры — это давление, температура, влажность воздуха.

Круглые сутки на космодроме идет работа. Специалисты анализируют и сравнивают с расчетной информацию, поступающую с борта космических кораблей, с наземных измерительных пунктов. Представители различных отраслей науки внимательно следят за исполнением программы полетных заданий. Иногда они заходят на узел связи, чтобы запросить подробности, уточнить задание космонавтам. Командиры кораблей Терешкова и Быковский на очередных витках докладывают о выполнении программы. Их бодрые голоса, спокойствие людей здесь, на космодроме, красноречиво говорят о том, что в космосе все в порядке, все идет по плану.

Мы, журналисты, часто бывали на узле связи. Здесь всегда от дежурных космонавтов, инженеров, конструкторов, врачей можно было узнать последние космические новости.

На узле связи множество телефонов, телевизор, магнитофоны. Я часто смотрел на прибор «Глобус». Точно такой же прибор находится в кабинах «Востока-5» и «Востока-6». Умный и в то же время простой, прибор позволяет точно определять место нахождения корабля. С его помощью можно определить место посадки, а это очень важно при включении тормозной системы. Глобус вращается, счетчик отсчитывает витки...

На одном из витков Быковский попросил пригласить к телефону кого-нибудь из друзей. Дежурный повернулся к молодому космонавту:

— Давай, Соколенок.

У Евгения Хрунова здесь, на пункте, нет своих позывных, но это простое обращение звучит как пароль, как пропуск в космос...

Поздно вечером мы вышли на улицу. Во тьме южного неба ярко сверкали звезды. Мы смотрели на них и ждали появления звезды, не занесенной в атлас, звезды под названием «Чайка». Точно в назначенное время она прошла по небосводу.

Хотел записать эту сценку, но отказал «Репортер». Пришлось возиться с магнитофоном. Подходит молодой человек:

— Помочь?

Быстро достал из кармана маленькую отвертку, перочинный нож и сразу увлекся несложной схемой, с которой встретился впервые. Причем «изделие», как я заметил, интересовало его, пока он не ухватил сути. Потом небрежно бросил: «Готово». А когда магнитофон заработал, он почему-то достал записную книжку. В ней была фотография. Нет, не любимой девушки! Снимок какого-то триода или еще чего-то. И рядом на фото для сравнения копейка. Копейка — как Луна!

— Мое изделие. Работает там,— и показал в сторону неба... На космодроме часто приходилось встречаться с теми, кто создает ракеты.

Пожалуй, отличительная черта характера этих людей — самоотверженная любовь к делу. Космос требует дисциплины, дисциплины ума и труда. Нужны знания, нужен точный расчет. Ведь достаточно задержать старт на секунду, только на одну секунду, и корабль далеко уйдет от намеченной точки.

Система управления ракеты! Несколько тысяч операций должна произвести эта система в одну секунду! Она включает двигатели в расчетное время, сразу же направляет ракету на заданный курс и ликвидирует возмущения, возникающие во время полета.

Я разговаривал с одним из конструкторов космического корабля «Восток». Он отправлял в космос и встречал на Земле всех наших космонавтов, знакомил их с кораблями. Он последний из землян, кто провожает космонавтов. Задача конструкторов — создать максимальный комфорт космонавту, обеспечить его безопасность, создать условия для жизни и работы. Отказ систем не допускается. Инженеры хорошо знают не только технику, но и медицину, и психологию. Спрашиваю, какая мечта у него. «Провожать в дальние космические рейсы наших космонавтов и еще... самому слетать в космос...»

Полет Валентины Владимировны Терешковой был рассчитан на одни сутки с возможным продолжением его до трех суток. Она выполнила максимальную программу. Полет продолжался около 71 часа. За это время корабль облетел землю 48 раз и прошел расстояние около двух миллионов километров.

Успешно выполнил полетное задание и Валерий Федорович Быковский. Его корабль совершил 81 виток и прошел путь 3,3 миллиона километров.

19 июня 1963 года программа совместного полета была завершена.

Вот как Валентина Владимировна рассказывала потом о первых минутах возвращения на Землю (я снова включаю в свой

рассказ стенографическую запись, ибо убежден, что эти записи, сделанные сразу по следам событий, бесценны!).

ТЕРЕШКОВА. Смотрю — я дома! Уже такая высота, что можно различить: стоят березки, родная поляна. И вот иду по своей земле. Приземлилась недалеко от населенных пунктов. Бегут люди, несут хлеб-соль, женщины плачут... И вы знаете, хочется крикнуть им: «Ну что ж вы плачете? Полет успешно завершен, радоваться надо, смеяться надо, не надо плакать!»

Жителям Караганды никто не говорил о том, что космонавты будут в их городе. Но они решили: раз были Николаев и Попович, то будут Терешкова и Быковский.

Целый день карагандинцы ожидали космонавтов на аэродроме, стояли вдоль дороги. Одна из местных журналисток, сославшись на недомогание, в качестве больной проникла в ту больницу, где проходили осмотр Николаев и Попович: а вдруг удастся взять интервью у космонавтов!

Долготерпение карагандинцев было вознаграждено приездом Терешковой в их город. Снова цветы, объятия, подарки.

Журналисты встретились с Валентиной Владимировной сразу же после прилета.

Валя в спортивном костюме. Все спешат ее сфотографировать, пока она не переоделась. И в это время погас свет — вышла из строя линия. И смех и грех! В космосе все в порядке, а здесь свет погас... Чиркают спички. Валя смеется и просит спеть ей нашу песенку.

Валя снова среди нас
В блеске звезд и синих глаз.

Загорелся свет, журналисты просят ответить на вопросы. Мы все спешим — надо успеть передать материал в номер!

— Потом, потом! — смеется Валя. — Еще успею рассказать.

Раздается звонок телефона. Валю вызывает Сергей Павлович Королев. Валентина Владимировна докладывает ему о посадке и сердечно благодарит за замечательный корабль:

— Мне так хочется скорее вас увидеть, все рассказать!.. Спасибо,спасибо!

Нас интересует многое, но врачи укоризненно смотрят на нас. Пора. Да, действительно пора. Человеку, который изрядно потрудился в космосе, надо отдыхать.

Врачи заботливо опекали космонавтов перед стартом, наблюдали за их самочувствием, когда они были в космосе и когда вернулись на Землю. Наблюдения врачей имеют большое значение для науки. Космонавты это понимают, терпеливо сносят

выслушивания, измерения... Но в медицинской помощи, к счастью, не нуждаются. А вот врачи! Мне вспоминается курьезный случай. В самолете «ИЛ-18», когда мы летели из Караганды в город на Волге, стало плохо доктору. Бедную женщину укачало, она побледнела, судорожно охватила руками голову. И ей на помощь пришла... Валя.

Командир отряда Аэрофлота Борис Павлович Бугаев, человек, который сопровождал из зеленого города на Волге в Москву Юрия Гагарина, вручил космонавтам почетные значки летчиков-миллионеров.

— Больше двадцати лет летаю,— сказал, улыбаясь, Бугаев, — а налетал меньше, чем вы за несколько суток...

Подлетаем к Москве. К «ИЛ-18» пристраивается почетный эскорт. Валерий внимательно смотрит на истребители, что-то говорит Вале.

А потом в эфир несется: «Красиво идете, ребята. Большой привет «Соколам» от «Чайки» и «Ястреба». Спасибо за встречу!»

Радиограмма принята. Летчики чуть заметно покачивают крыльями быстроходных машин.

А внизу Москва, праздничная, нарядная Москва. Видны подчеркнутые кумачом центральные магистрали, толпы людей.

Валя и Валерий застывают у иллюминаторов.

И вот Внуковский аэродром. Красная ковровая дорожка. В иллюминатор нам видна трибуна.

Двое на красной ковровой дорожке славы. Два коммуниста. Он и Она. Она — первая в мире...

Потом Ленинский проспект, Кремль, Красная площадь...

Из радиостудии в здании ГУМа я смотрю на ликующую, запруженную народом Красную площадь. Работают все радиостанции страны. Весь мир слушает Валентину Владимировну Терешкову, Валерия Федоровича Быковского.

Потом начинается шествие москвичей. Я рассказываю радиослушателям о днях, проведенных на космодроме.

Репортаж заканчиваю словами:

— На трибуне Мавзолея стоит Валерий Быковский. Я знаю, что в левом кармане его кителя, рядом с комсомольским билетом, — комсомольский значок, который побывал в космосе. Этот значок Валерий Федорович будет беречь для сына. Я смотрю на алый флаг нашей Родины над Кремлем и вспоминаю, что маленький алый вымпел со звездой, серпом и молотом Вале Терешковой перед стартом на космодроме передали пионеры. Этот вымпел в кабине корабля «Восток-6» она пронесла над всеми материками земного шара. Этот вымпел она собирается вручить женщинам, которые приехали на Всемирный конгресс в Москву.

Потом, тоже по традиции, пресс-конференция в актовом зале Московского университета на Ленинских горах. Щелкают затворы фотоаппаратов. На сцене, в партере стрекочут кинокамеры, бегут к телефонам репортеры. Телетайпы на разных языках отбивают отчеты о пресс-конференции советских космонавтов.

Пройдут годы, наши космические корабли совершат новые рейсы и мы будем чествовать новых героев, но никогда человечество не забудет тех, кто шел дорогой первых...

В КОСМОСЕ - ЭКИПАЖ

Теплые солнечные дни бабьего лета. С шумным свистом в синеве неба проносились утиные стаи. На юг тянулись цепочки гусей. Белая паутина цеплялась за метелки камыша, плавно опускалась на увядшую траву. Иногда, словно пробуя силу, ветер гонял по степи звенящую колючку.

В редкие свободные минуты людям на космодроме удавалось любоваться осенью. Шла напряженная работа.

Академик Королев сегодня, как и вчера, почти всю ночь провел в монтажно-испытательном корпусе. Шумел на испытателей кабины корабля, грозил, что отправит их работать в мясомолочную промышленность делать бидоны. Увидев усталого человека, уговаривал идти спать. Несколько раз разговаривал с Москвой.

Шел октябрь 1964 года. На космодроме готовили к старту новый космический корабль — «Восход».

Заседание Государственной комиссии.

Владимир Михайлович Комаров в форме подполковника. Константин Петрович Феоктистов в строгом костюме, в накрахмаленной сорочке. У него черный галстук со снежинками в «тон» поседевшей не только у висков голове. С ним рядом Борис Борисович Егоров. Он в вишневого цвета костюме, тоже в белоснежной сорочке. На темно-вишневом галстуке прожилки небесного цвета. Кажется, они под цвет глаз.

Кандидатов на полет представляют членам Государственной комиссии. Каждый из космонавтов готовился к заседанию, сделал наброски для своего выступления. Вместе с журналистами я сидел за столом напротив космонавтов. Борис Егоров заметил, как мы со спецкором ТАСС недвусмысленно поглядывали на эти листочки, и когда космонавты выступили, то он, лукаво улыбнувшись, подморгнул нам и по-студенчески быстро и незаметно передал эти листки. Так в руках у нас оказались

сувениры...

Что говорили члены экипажа первого советского многоместного космического корабля «Восход» на заседании Государственной комиссии?

В. М. КОМАРОВ. В этом полете впервые в космосе будет работать небольшой, но сплоченный, дружный коллектив советских людей. Мы заверяем родную Коммунистическую партию, Советское правительство в том, что ответственное задание мы выполним, как подобает коммунистам.

К. П. ФЕОКТИСТОВ. Полет многоместного корабля позволяет поставить задачу проведения комплекса научно-технических и медико-биологических исследований в полете. Надеюсь, что результаты этих исследований в предстоящем полете окажутся полезными в разработке будущих космических кораблей.

Б. Б. ЕГОРОВ. Я знаю, что в предстоящем полете может встретиться ряд трудностей, и обещаю преодолеть эти трудности, как подобает коммунисту.

С добрыми словами напутствия к экипажу «Восхода» обратился Ю. А. ГАГАРИН:

— Дорогие друзья! Позвольте поздравить вас с большим доверием и высокой честью, которая оказана вам. Полет этот будет сложным, но интересным. Желаем вам отлично выполнить программу полета, вернуться на нашу родную советскую землю. А мы здесь с радостью будем вас встречать. Счастливый вам путь!

Из-за стола президиума поднялся С. П. КОРОЛЕВ:

— Дорогие товарищи Комаров, Феоктистов и Егоров, члены первого космического советского коллектива! Разрешите мне поздравить вас с вашим назначением на космический корабль-«Восход» и пожелать вам самых добрых успехов в вашем трудном космическом путешествии и скорейшего блестящего возвращения на родную землю. В этот раз полетит экипаж, товарищи. Какой большой, какой большой смысл в этом заключен!

Важно то, что в составе экипажа полетят ученые. Тем самым открывается дорога в космос для непосредственного участия ученых в изучении космоса. Мы надеемся, что ваш первый шаг даст хорошие плоды и в дальнейшем развитии космического летания будут использованы те результаты, которые вы принесете из вашего космического полета. Маленькая деталь предстоящего полета. Мы впервые, на корабле «Восход», пойдем на большой высоте. Мы уже не боимся ходить повыше. Это, товарищи, тоже большой и нелегкий шаг, который был сделан нашей отечественной наукой и промышленностью. Уже несколько раз в этом зале мы провожали наших товарищей в полет. Позвольте

мне от себя лично от всего сердца пожелать вам попутных ветров во всем, во всех ваших делах в космосе. Если трудностей, то таких, чтобы их преодолеть. Если радостей — таких, чтоб мы радовались вместе с вами. И главное — выполнить поставленную задачу и вернуться на нашу Землю. Добрый вам путь, товарищи!

Сергею Павловичу долго и дружно аплодировали.

Государственная комиссия единогласно утвердила экипаж корабля «Восход».

Журналисты договорились о встрече с экипажем.

Мы приехали в новую гостиницу космонавтов точно к назначенному времени. Комаров, Феоктистов, Егоров в синих тренировочных костюмах только что вернулись с теннисного корта.

В спортзале поставлен стол, стулья. Время близится к вечеру. Моим коллегам хочется использовать свет и сфотографировать будущих героев на улице. Гагарин считает, что нужно принять любое предложение прессы, но напоминает, что в нашем распоряжении только час.

Место, где построена новая гостиница, пустынно. Пока оборудованы лишь площадки для игры в теннис и баскетбол. Кто-то позаботился и вынес на площадку стол. Здесь и решили побеседовать с космонавтами. Журналисты, как пулеметчики, щелкают фотокамерами. Каждому хочется для своей газеты сделать самый интересный снимок. Смех, шутки...

У меня свои заботы — записать интервью на пленку. На улице сильный ветер, задувает микрофон, да к тому же я знаю, что беседа журналистов-газетчиков не похожа на беседу репортеров радио. Мы будем друг другу мешать. Высказываю свои сомнения, и быстро договариваемся, что после беседы на улице каждый из членов экипажа пройдет в здание, где я установлю звукозаписывающую аппаратуру. Комаров предлагает расположиться в его номере.

Комната в новой гостинице похожа на все номера, где живут командированные. Шкаф, радиоприемник. На тумбочке электробритва, одеколон. На столе книги, русско-английский словарь, журнал «Вокруг света»... Настольная лампа. Две кровати. Да, самый обычный номер в гостинице, где живут мужчины.

Посматриваю в окно. Комаров сидит за столом, журналисты с блокнотами — на скамейке. Кто-то из них встает и еще раз фотографирует. Конца беседы не видно!

Еще раз читаю выписки из личных дел космонавтов. Скупые слова служебной характеристики.

Комаров Владимир Михайлович. Награжден медалями: «30 лет Советской Армии и Флота», «За боевые заслуги», «40 лет

Вооруженных Сил СССР», «За безупречную службу», орденом Красной Звезды. Член КПСС с мая 1952 года.

11 января 1964 года присвоено воинское звание инженер-подполковника. Программу специальной подготовки прошел с хорошими показателями. Теоретическая подготовка отличная. Совершил 77 парашютных прыжков. По специальности подготовлен отлично. Физическая подготовка отличная. Дисциплинированный, примерный офицер. Учится в адъюнктуре Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Феоктистов Константин Петрович, русский, беспартийный. Окончил Московское высшее техническое училище имени Баумана в 1949 году, аспирантуру — в 1955-м. Кандидат технических наук. Читает на английском языке с помощью словаря. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» и двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Широко эрудирован в технических вопросах и является хорошим специалистом в своей области. Систематически работает над повышением своих технических знаний. Самостоятельно изучает научно-техническую литературу, повышает политический уровень, занимается в семинарской группе по философским вопросам кибернетики.

Прошел медицинское исследование, испытания на центрифуге и в термокамере, прошел физическую тренировку на спецснарядах, активные и пассивные тренировки вестибулярного аппарата, изучение методик выполнения обязанностей члена экипажа в полете. Проходил ознакомительные полеты на самолете «МИГ».

Егоров Борис Борисович, русский, член ВЛКСМ с 1952 года. В 1961 году окончил 1-й Московский медицинский институт. Наград не имеет.

Во время космических полетов входил в группу врачей-парашютистов, задачей которых являлось проведение обследований на месте приземления космонавтов. Располагает материалом, имеющим важное теоретическое и практическое значение для космической медицины. Полученные данные обобщены в кандидатской диссертации. В физическом отношении подготовлен хорошо, альпинист и горнолыжник. Имеет 9 парашютных прыжков. Прошел тренировку...

Вот что было написано в служебных характеристиках. Скупые слова... А что расскажут о себе сами космонавты?

На мой взгляд, эту беседу с теми, кто собирается в космос, просто нельзя ни с чем сравнить. В такой ситуации хорошо

проявляется характер человека. Я не знаю, согласитесь ли вы со мной, но так, как говорят космонавты о себе, о друзьях, о работе перед стартом, потом они говорить не смогут. Ну хотя бы потому, что они видели Землю из космоса, больше знают, чем мы, потому, что о них уже многое написано, потому, что, наконец, впереди новые полеты, новые открытия.

Я бережно храню ту пленку, комментировать стенограмму этого разговора нет необходимости.

Итак, слово Владимиру Комарову.

— Мне тридцать семь лет, родился я в Москве. Учился в средней школе, поступил в первую московскую спецшколу ВВС, был в эвакуации. Спецшколу окончил в сорок пятом году в Москве, в те знаменательные дни, когда наша Родина праздновала свою великую победу, победу над фашистской Германией. В эти радостные дни я поступил в авиационно-летное училище.

Родители у меня очень простые люди. Папа был слесарь-водопроводчик. Мама была очень аккуратным человеком, как все мамы, наверное. Жили мы, прямо скажем, не роскошно, но в определенном достатке. Детство было все-таки нелегким.

— О велосипеде, наверное, только мечтать приходилось?

— Да, а особенно мечтали мы тогда о педальных автомобилях, потому что они впервые появились в магазинах Москвы. Мы, мальчишки, ходили, смотрели на них, простаивали часами возле прилавков. Каждый представлял себя сидящим за рулем, но дальше дело не шло. У меня есть старшая сестра. Работает она сейчас в Москве, в конторе «Союзпечать» бригадиром.

В сорок пятом году мне посчастливилось, если можно так сказать, и я получил аттестат зрелости одним из первых среди учеников Москвы. Ну, сразу почувствовал себя взрослым человеком — все-таки аттестат зрелости, а не просто свидетельство об окончании средней школы! По состоянию здоровья я был признан годным к службе в авиации. Я был рад и счастлив, что меня отправили в авиационное училище. В сорок девятом году я закончил Батайское авиационное училище летчиков имени Серова, получил первое воинское звание лейтенанта и был отправлен в один из истребительных полков летчиком-истребителем.

Знакомство с космосом началось еще во время учебы в академии. Мне довелось тогда внимательно прочитать работы Константина Эдуардовича Циолковского, работы других советских ученых — пионеров ракетоплавания, например, Фридриха Артуровича Цандера. Я не думал тогда, что мне

придется работать в этой области. Тем более не думал, что мне придется быть участником такого большого полета.

В комнату вошел Константин Петрович Феоктистов. Сейчас нет необходимости рассказывать, как он выглядит, теперь его хорошо знают — по фотографиям, кадрам кинохроники. Какое первое впечатление? Спокойный, добрый, уравновешенный, умный, я бы сказал — по-житейски мудрый человек.

Мы, журналисты, суетимся, спрашиваем, фотографируем. Он понимает, что это необходимо, и спокойно, с улыбкой посматривает на все это. Так же он относится и к врачам после полета... «Надо! У людей такая работа...» Уж очень он штатский, что ли, человек. Космонавты, их друзья, в форме подтянутые, а он среди них как гость, особенно в тренировочном костюме, в очках. Явно в непривычной обстановке человек...

Космонавты к нему относятся с уважением, как уважают старшего товарища, как уважают учителя.

Он и говорит, как лектор, — размеренно, взвешивая каждое слово:

— Если бы я заполнял анкету, мне было бы, наверное, проще. Родился в двадцать шестом году, в тридцать третьем году поступил в школу. Ну, и так далее. А здесь, наверное, так формально рассказывать не очень удобно. Наверное, лучше рассказать о том, как я учился в школе. В школе я учился по-разному. Сначала у меня были двойки и тройки, а потом как-то неожиданно с третьего класса у меня пошли в основном одни пятерки. Нет, пожалуй, с четвертого класса. И тогда же, собственно говоря, у меня появился четкий интерес к полетам в космос. Мой брат, старший, принес мне впервые книгу о межпланетных путешествиях.

Мы с ним часто говорили о космосе, ну, болтали, наверное, как мальчишки, об этом. Но это все засело очень крепко в голове, и, кажется, именно с тех пор у меня было твердое решение работать.

Вообще дальше я учился довольно-таки хорошо. Во всяком случае, родителям никогда не приходилось заниматься со мной, и не было у них никаких поползновений заставить меня готовить уроки, не было никаких жалоб из школы. Я читал о Циолковском, о его работах. Читал книги других ученых, которые посвятили свои работы космосу... Помню, большое впечатление произвела на меня книга о межпланетных путешествиях, о траекториях, по которым должен летать межпланетный корабль, о ракетных двигателях. Кончил школу в сорок третьем году. Я поступил в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Всегда вспоминаю с теплотой годы, которые провел в училище.

После окончания института, уже работая, поступил в аспирантуру, кончил ее, защитил диссертацию.

По характеру своей работы мне приходилось встречаться с будущими космонавтами и быть на космодроме при подготовке предыдущих космических кораблей к полетам. И я, конечно, если говорить честно, космонавтам завидовал. Я не раз обращался с просьбой о включении меня в полетное задание, и вот наконец моя мечта близка к осуществлению: меня включили в состав экипажа корабля, и надеюсь скоро подняться в космос.

Если говорить об обязанностях ученого, то тут у меня будет задача — посмотреть на Землю как на планету из космоса. Это важно для разработки и построения систем астроориентации, астронавигации для космических аппаратов. Для этого нужно знать, как выглядит Земля из космоса, каковы оптические характеристики Земли как планеты, особенно в области горизонта, ну, и, конечно, интересно посмотреть космос из космоса.

Это не просто интересно, это важно опять же для решения таких практических задач, как ориентация по звездному небу во время космического полета, ориентация без помощи Земли с целью определения положения корабля в пространстве... Значительный интерес представляет попытка оценить возможности ориентации в пространстве с борта корабля, определение звезд, замер движения относительно горизонта и звезд, Солнца и горизонта — эти простейшие опыты дадут возможность в будущем твердо рассчитывать на самостоятельную автономную ориентацию и самостоятельное определение корабля в полете.

Готовились мы несколько месяцев. В общем-то, я думаю, что каждый более или менее нормальный, здоровый человек, ну, квалифицированный, конечно, в своей области, может за несколько месяцев подготовиться к полету. И я думаю, в будущем много людей будет в космосе. А сейчас нам выпала честь прокладывать эту широкую и большую дорогу.

Очень интересное наблюдение сделал я при отборе. Когда было решено включить в состав экипажа научного сотрудника, то, естественно, отбирали определенный контингент из людей, которые желали полететь в космос. Проводили медицинский отбор. Многих людей я знал довольно хорошо. И я заметил, что очень хорошо прошли через отбор и через перегрузки — вот, скажем... испытание на центрифуге, на вибростендах, в общем, всякие нагрузочные вещи — люди, которые умеют хорошо и напряженно работать. Работоспособность свидетельствует о том, что у человека нормальный, здоровый организм. Это очень

интересно. Лучше всего, по-моему, говорит о состоянии здоровья человека его возможность напряженно работать ежедневно.

Я люблю охоту. Собственно, не столько привезти добычу, это редко удавалось, если говорить честно, но весной, например, на рассвете побыть в лесу — это, по-моему, такое великолепное ощущение, что лучший отдых придумать трудно. Теперь, кажется, имеются шансы увидеть шестнадцать раз в сутки рассвет и заход тоже. Это будет интересно. И интересно не только посмотреть и сфотографировать. Очень хотелось бы получить хорошие качественные фотографии заходов и восходов. Это интересно не только с эстетической точки зрения, но и с научной. Попробую это сделать. Я надеюсь, что этот полет позволит мне в будущем надеяться на участие в других полетах, И это главная моя мечта.

Третий член экипажа, врач Борис Борисович Егоров, подробно рассказывает о задачах космической медицины: — Никакие датчики и никакие существующие в наше времяаппараты не могут заменить врача. Приходится признать правильной точку зрения некоторых наших старых врачей, русских и зарубежных, что прежде всего у постели больного, а в данном случае у постели... у места космонавта должен находиться человек с врачебным образованием, который наиболее полно может изучить те или иные вопросы, связанные с влиянием космоса на организм человека.

В медицину я пришел не прямым путем. Я всю жизнь мечтал попасть в технический вуз, увлекался техникой, а потом мне показалось, что в медицине можно будет применить свои склонности в технике. Мне удалось устроиться лаборантом в институт, который занимался медициной. Я совмещал учебу с работой.

— Борис Борисович, а не сыграло здесь роль то, что ваш отец — известный нейрохирург?

— Трудно сказать. Во всяком случае, ни отец, никто из моих близких никогда меня силой не уговаривал стать врачом. Этот выбор пришел сам собой.

— Хотелось бы узнать о ваших увлечениях.

— Радиотехника! Очень люблю заниматься магнитной записью. Еще люблю музыку, литературу. Очень люблю рыбную ловлю, люблю выезжать за город по субботам, а вообще-то я коренной москвич, очень люблю столицу. Несколько нервная обстановка московских улиц мне очень нравится.

В час нашей беседы к вывозу на стартовую позицию готовили ракету и корабль. Специалистам предстояла бессонная ночь.

МНОГО ЕСТЬ ЧУДЕС НА СВЕТЕ

Раннее октябрьское утро на космодроме. Чуть забрезжил рассвет. А у ракеты-носителя и космического корабля «Восход» уже собрались люди. Скоро «изделие» будут вывозить на стартовую площадку. С полуслова понимают друг друга конструкторы, ученые, инженеры, рабочие. Все сделано. Но люди еще и еще раз проверяют себя. Отдельные слова, реплики, понятные только специалистам, людям, которые это «изделие» видели в чертежах, в отдельных узлах, а вот сейчас — целиком.

До этого мне приходилось видеть ракету, уже подготовленную к взлету, а вот так — впервые.

Спокойно отдаются команды. Наиболее важные из них дублируются через усилители. Вместе с журналистами я подхожу к С. П. Королеву. Он здоровается с нами, лукаво улыбается. А мы как зачарованные не можем оторваться от ракеты, от корабля.

Сергей Павлович рассказывает нам о ракете, о новом космическом корабле.

— Ну, пойдем, проводим ее по традиции, — приглашает всех академик.

Медленно движется ракета. Могуча и очень красива она в лучах утреннего солнца. Рано. Многие пришли после бессонной ночи. Пришли, чтобы молча постоять у корабля, молча проводить его на стартовую площадку. Для этих людей космические корабли, ракеты, космос — часть жизни. Главная часть.

Мы идем рядом с ракетой. Ее везут в степь, на стартовую площадку. На машине обгоняем ракету, чтобы полюбоваться ею издали, подождать ее и еще пройти рядом.

Остановка на повороте стала традиционной. Сергей Павлович закуривает.

— Вы курите? — спрашивает кто-то из журналистов.

— Не выдавайте... Дома я некурящий...

Раннее утро, несколько торжественная обстановка, ожидание полета настраивают на откровенность.

Нас, конечно, очень интересует этот человек.

Сергей Павлович рассказывает, что его любимое занятие в свободное время — поработать в саду, а зимой — расчистить

дорожки от снега.

— Хорошо, — говорит он, — в воскресенье покопаться в земле.

Председатель Государственной комиссии замечает:

— Ну да, только почему-то в десять утра мы уже созваниваемся из рабочих кабинетов...

Они старые друзья.

— Ну, а вечером? — спрашиваем мы.

— Вечером просматриваю книги по специальности, кое-что пишу. Ну, а если хороший концерт по телевидению, то присоединяюсь к своим. «Последние известия» слушаю в восемь утра в машине.

Ракету подвозят к стартовой площадке. Сергей Павлович показывает на место, откуда лучше всего наблюдать за подъемом. Установка ракеты — это тоже серьезное и ответственное дело.

Приятно смотреть на работу стартовиков. Об их четкости, пожалуй, красноречиво говорят такие команды: «Еще подвинуть на девять миллиметров!», «Еще на три...» А ведь речь идет о многотонной, многометровой ракете.

Серебристо-матового цвета махина медленно поднимается ввысь. Проплывает хвостовая часть ракеты, мощные двигатели. Проверяют точность установки ракеты.

Закончен еще один этап работы. К Сергею Павловичу подходит председатель.

— Ты завтракал? — спросил Королев.

— Конечно, нет.

— Пойдем.

— Если ты думаешь, что я буду возражать и откажусь, то ты ошибаешься. Ракета стоит, можно и позавтракать...

Сергей Павлович отдает последние распоряжения. Еще раз взгляд в сторону ракеты, и он садится в машину. Все смотрят вслед.

С почтением, с затаенной нежностью говорят о нем космонавты! Они с любовью называют Сергея Павловича первыми буквами имени и отчества — «С. П.»...

На космодроме свои традиции, свой режим работы, свои праздники.

Встреча космонавтов со стартовой командой — один из таких «своих» праздников. На бетонной площадке у ракеты собираются люди, играет оркестр, аплодисментами встречают экипаж корабля. Космонавты в голубых куртках, темно-серых брюках. В руках у них белые шлемофоны. Вот и вся одежда космонавтов. На сей раз не будет привычного громоздкого скафандра.

К микрофону подходит Константин Петрович Феоктистов: —

Товарищи, знаю, сколько труда, энергии, выдумки вложено в подготовку этого полета, создание первого многоместного корабля, знаю, сколько труда и бессонных ночей провели вы, готовя этот полет, и знаю, как старались рабочие, техники, инженеры, создавая металл корабля, его приборы, его автоматику.

Что можно сказать? Постараемся не подвести вас и выполнить программу полета на «отлично». Тут много хороших пожеланий было нам сказано. Ну, хочется и вам пожелать что-то хорошее. Вот если говорить честно, каждый раз, когда мы провожали наших космонавтов в полет, то я им завидовал, и вот сейчас мне хочется вам пожелать всем, всем пожелать осуществить полет в космос. Это время придет, я уверен!

Потом космонавты на лифте поднялись в кабину корабля. Сергей Павлович снял плащ, надел летную куртку пилота и как-то озорно, по-молодому быстро поднялся по лестнице к лифту. У корабля, готового к старту, он напутствовал экипаж.

А потом и нам, журналистам, было разрешено подняться в корабль. Вместе со спецкором «Комсомолки» Василием Песковым входим в лифт. Щелкнул замок двери лифта. Кабина пошла вверх. Вот так же завтра этот лифт повезет космонавтов... Из круглого окошечка видна степь. С чем сравнить то, что видишь, когда рядом с тобой тело ракеты, устремленное ввысь, и открытый люк в кабине космического корабля? Люди внизу на площади кажутся игрушечными. Далеко-далеко видно, как степь сливается с небом.

Я поднимался на крышу Исаакиевского собора в Ленинграде, проходил тысячу ступеней по лестнице на вершину Шипки в Болгарии, но здесь совершенно другое ощущение. Ни улиц, ни домов, ни гор — степное раздолье и высокое небо. Ветер такой упругий, что Юрий Алексеевич Гагарин в своей летной курточке поеживается.

Гагарин показывает нам корабль, рассказывает об устройстве кабин. В ней три кресла. Белые стены. Они обиты, кажется, поролоном; во всяком случае, синтетика и сюда забралась. Множество приборов. Похоже на кабину летчиков в «ТУ-104» или в «ИЛ-18». Только вот глобус в самолетах ни к чему, а здесь он на видном месте.

В стенки вмонтированы различные приборы. Радио— и телевизионная аппаратура... Запасы воды, пища... Завтра все придет в действие, завтра все, что здесь находится, понадобится космическим путешественникам.

Врач, который провожал в полет всех космонавтов, потом рассказывал о ночи перед стартом. Вечером пришли друзья —

специалисты, космонавты. Начались воспоминания, советы, шутки... Потом пришел Сергей Павлович.

Ночью хорошо спали. Утром физзарядка, потом завтрак.

Когда шли из домика к машине, Феоктистов сказал врачу:

— Ощущение — будто иду на работу.

Только тронулась машина, Борис Егоров вспомнил, что оставил комсомольские значки, которые собирался взять на борт корабля. Возвращаться — «дурная примета». Но все же вернулся!

12 октября 1964 года. Стартовая площадка. Проводы у ракеты.

— Товарищ председатель Государственной комиссии, экипаж космического корабля «Восход» к полету готов. Командир экипажа инженер-подполковник Комаров.

— Ну, Володя, поздравляю тебя с большим доверием, желаю тебе отличного полета и еще более отличного приземления.

— Большое спасибо.

Председатель Государственной комиссии, Главный конструктор, Гагарин тепло, по-братски обнимают космонавтов.

— Желаю успеха... Давай! Счастливо, ребята! До свидания. До встречи, до завтра...

— Пошли, пошли, — говорит командир. Щелкнула дверь лифта...

Вот космонавты на верхней площадке. По трапу направляются к космическому кораблю, подходят к люку. И там, вверху, их тепло обнимают люди.

Стартовую площадку покидают специалисты. Я сел в машину вместе с членом Государственной комиссии, ведающим вопросами медицины. В автомашине короткое интервью. За состоянием здоровья космонавтов, несмотря на то что в составе экипажа находится врач, на земле будут следить специалисты. Показания датчиков проверяются, сопоставляются.

— Только что, — говорит медик, — я интересовался показаниями: всё — и пульс, и дыхание — в пределах завидной нормы! Самочувствие, судя по параметрам, отличное.

...Смотровая площадка. Хорошо видна ракета с кораблем. На светло-матовом фоне поблескивает на солнце крышка люка... Слышны переговоры Гагарина с членами экипажа. Комакдир корабля передает первые данные. А потом шутливый диалог:

ГАГАРИН. Если есть желание, можно дать на корабль музыку.

КОМАРОВ. Хорошую песню.

ГАГАРИН. О любви и дружбе.

КОМАРОВ. Давайте. Любовь и дружбу оставим у себя.

ГАГАРИН. А нам?

КОМАРОВ. Вернем потом.

Снова слова команды. Отсчитывается время готовности. Команда:

— Ключ на старт!

Микрофон повернут в сторону ракеты.

— Пуск!

Вздрогнуло все вокруг. Вспыхнул огромный огненный шар. Этот огненный шар, этот солнечный шар устремляется ввысь. Взоры всех устремлены к небу, у всех горят глаза, не хочется упустить момент.

— Счастливого пути! Счастливой орбиты, до скорой встречи!

Советский многоместный космический корабль «Восход» в космосе!

Все поздравляют стартовиков и ракетчиков. У связистов, медиков, конструкторов различных систем наступили самые ответственные часы: «Как поведут себя в работе приборы?..»

Торжественно звучали над космодромом слова сообщения ТАСС:

«12 октября 1964 года в 10 часов 30 минут по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли новой мощной ракетой-носителем впервые в мире выведен трехместный пилотируемый космический корабль «Восход»...»

О точности выведения корабля на орбиту, пожалуй, хорошо говорит такая деталь. Разговорился с молодым инженером. Уточнял что-то для очередного репортажа. Смотрю — человек не спешит, спокойно покуривает, интересуется свежими московскими новостями, расспрашивает о новых фильмах. А на лице счастливая-счастливая улыбка. Такая большая, что ее никак не спрячешь!

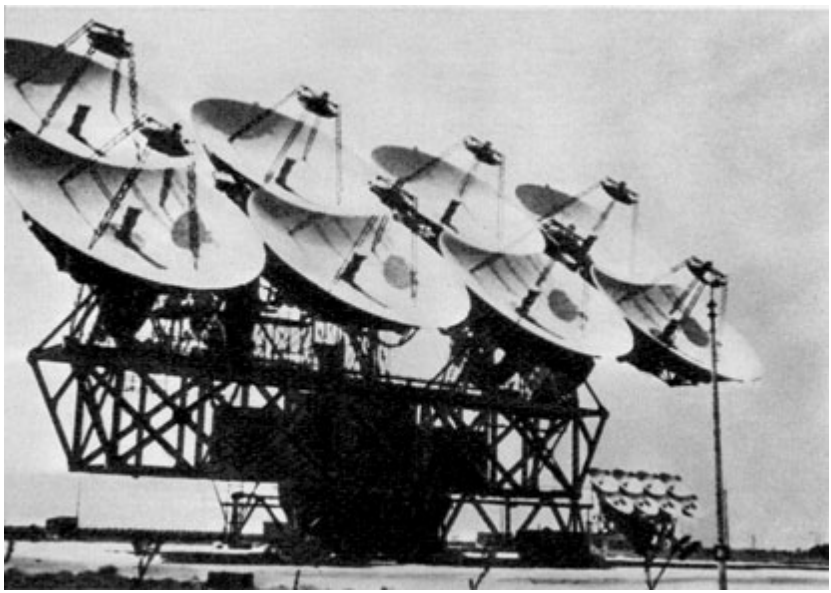
— Понимаете, — говорит он, — делать нечего. Даже неудобно перед товарищами — вроде одни флажки переставляю. Так точно рассчитали орбиту и так точно вывели на нее корабль.

До старта считанные часы. В. В. Терешкова тщательно проверяет системы скафандра, в котором ей предстоит совершить полет на космическом корабле «Восток-6».

Тренировки, тренировки, тренировки... Парашютные прыжки входят в обязательную программу подготовки космонавтов. В. Ф. Быковский после очередного прыжка.

«Заря!», «Заря!», я — «Ястреб»! Чувствую себя хорошо», — докладывал с борта «Востока-5» космонавт В. Ф. Быковский.

С помощью космического телевидения миллионы людей во всем мире следили за полетами наших космонавтов. Такой они видели на экранах своих телевизоров В. В. Терешкову.



С помощью мощных параболических антенн Земля неотступно следит за космическими полетами.

Валерий Федорович Быковский, командир корабля «Восток-5».

Валентина Владимировна Терешкова — первая в мире женщина-космонавт, командир корабля «Восток-6».

«Готовы к новым заданиям Родины!» — рапортовали после полета космонавты В. В. Терешкова и В. Ф. Быковский.

Тепло отпраздновали в Звездном городке 30-летие первой в мире женщины-космонавта. На снимке — В. В. Николаева-Терешкова и ее муж космонавт А. Г. Николаев во время торжественного вечера.

«Космическая семья» Николаевых в день трехлетия Аленки.

В кабинет Владимира Ильича Ленина в Кремле всегда приходят перед полетом космонавты. На снимке В. М. Комаров, К. П. Феоктистов, Б. Б. Егоров — экипаж первого в мире многоместного космического корабля «Восход» — за несколько дней до старта.

К. П. Феоктистов во время очередной тренировки на катапульте.

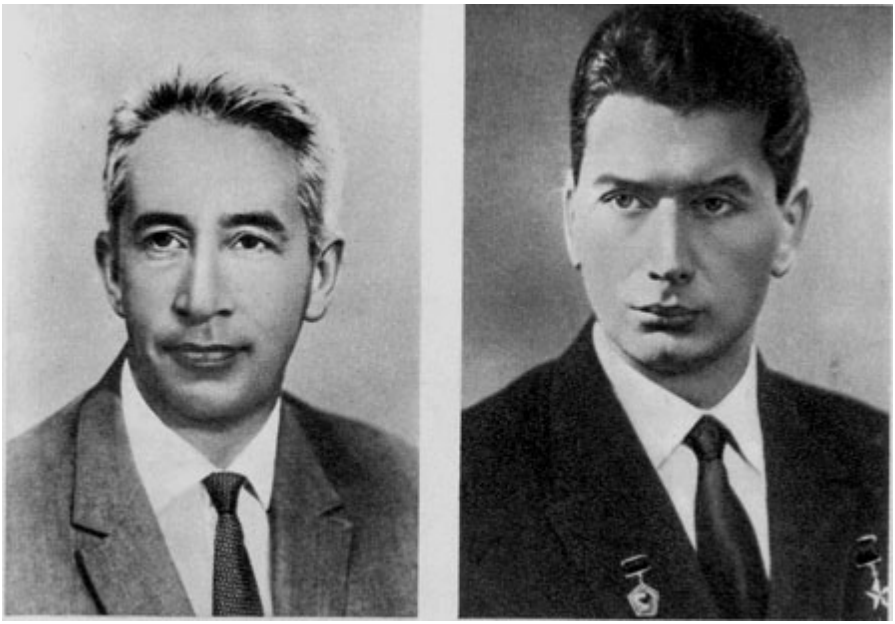
Врач-космонавт Б. Б. Егоров на тренировке по киносъемке.

Советы Главного конструктора очень помогали космонавтам в полете.

Юрий Алексеевич Гагарин и Владимир Михайлович Комаров.

Владимир Михайлович Комаров, командир многоместного космического корабля «Восход».

21 октября 1964 года в Московском государственном университете экипаж космического корабля «Восход» встретился на пресс-конференции с советскими и иностранными журналистами.



Константин Петрович Феоктистов, ученый-космонавт.
Борис Борисович Егоров, врач-космонавт.

Космонавты П.И.Беляев и А.А.Леонов в кабине космического корабля «Восход-2»

Впереди старт. Экипаж «Восхода-2» в салоне автобуса по пути на космодром.

Последние напутствия перед полетом.

Москвичи в момент сообщения о старте «Восхода-2».

Алексей Архипович Леонов, первый в мире человек, работавший в открытом космическом пространстве.

Павел Иванович Беляев, номандир «Восхода-2».

Сердечно встретила Москва экипаж космического корабля «Восход-2»

Вот как представлял себе космонавт А. А. Леонов выход человека в открытый космос.

Алексей Архипович Леонов рассказывает Государственной комиссии о полете, о своем выходе в космическое пространство.

Космонавт В. М. Комаров на тренировке.

Интервью В.М.Комарова перед стартом «Союза-1»

На космодроме идет работа. Специалисты анализируют и сравнивают с расчетной информацию, которая поступает с борта космического корабля, с наземных измерительных станций. Представители различных отраслей науки внимательно следят за исполнением полетного задания. С кораблем беспрерывно поддерживается двусторонняя связь. На пункте управления дежурят специалисты, космонавты. Вот запись «обычного» разговора Земля — Космос — Земля:

— «Рубин»! Я — «Заря-1»! Дайте сверку глобуса за все витки. Я — «Заря-1»! Прием!

— «Заря-1»! Я — «Рубин»! Даю сверку глобуса. Виток первый: 11 часов 2 минуты 35 секунд. Долгота-197. Как поняли? Я — «Рубин»! Прием!

— Понял. Долгота — 197.

— «Заря-1»! Я — «Рубин»! Сообщаю параметры кабины: давление — 1,1. Влажность — 63 процента. Температура — 18.

— «Рубин»! Я — «Заря-1»! Данные принял. Данные хорошие. Стабильные. Все в порядке.

Разговор Гагарина с Комаровым слушают ученые, специалисты, конструкторы. Каждый с напряжением ждет, что скажут о его системе. Вслушиваются не только в цифры, но и в интонацию. Командир экипажа говорит, а человек на Земле улыбается. К концу доклада улыбаются все...

Трубку радиотелефона берет С. П. Королев:

— «Рубин»! Как у вас идет выполнение задания по расписанию? Прием!

— Я — «Рубин». Стараемся выполнить задание по расписанию полностью. Но иногда не успеваем. Время здесь летит очень быстро.

— Понял вас. Понял вас. У вас имеется возможность поработать сверхурочно в скором времени. И все записать, что вы не успели записать. Сейчас хотелось бы поговорить с «Рубином-2». Как поняли? Прием!

— Я — «Рубин»! Понял вас. На сверхурочную работу согласны. Передаю микрофон «Рубину-2».

— «Рубин»! Только я должен вас предупредить, что сверхурочной оплаты у вас не запланировано. Придется в общественном порядке работать.

— Я — «Рубин-2»! Вас понял, что работать придется в порядке общественном.

— Молодец! Как дела идут с выполнением программы?

— Я — «Рубин-2»! В основном стараемся все уложиться. На прошлом витке наблюдали очень интересную картину. Перед восходом Солнца наблюдали яркий ореол, а над ореолом — полярное сияние. Картина эта красочная. Удалось сфотографировать момент появления Солнца над горизонтом.

— Понял вас. Рад, что ваша мечта осуществилась и что вам удалось увидеть полярное сияние. Отлично, если вы сфотографировали Солнце в момент его появления. Продолжайте выполнение программы. Всем вам желаем успеха! Прием!

Нет нужды комментировать этот разговор.

Командир корабля, ученый, врач провели много наблюдений, хотелось многое еще и еще раз проверить, уточнить. И экипаж опять просит разрешения продлить работу на вторые сутки. Происходит такой диалог.

КОРОЛЕВ. Готовьтесь к заключительному этапу нашей программы.

КОМАРОВ (снова повторяет). Просим оставить на вторые сутки.

КОРОЛЕВ. Не было договоренности.

В эфире пауза. Кто-то шутливо замечает: совещание, наверное, проводят; что ни говори — экипаж.

КОМАРОВ. Встретились со многими интересными явлениями...

КОРОЛЕВ. «Много есть, о друг Горацио, чудес на свете!» Всего не охватишь. Придется работать по программе. Желаю дальнейших успехов. Желаю всего наилучшего. Прием. Работаем по программе.

Сутки пролетели незаметно. Полет подходит к завершению.

Посадка космического корабля — не менее сложное дело, чем вывод его на орбиту. Здесь свои трудности: большая скорость движения самого корабля, большие тепловые нагрузки, динамические нагрузки при входе в плотные слои атмосферы. Многое зависит от того, как входит корабль в плотные слои атмосферы, подчеркивает С. П. Королев. От правильности входа в плотные слои атмосферы зависит целостность корабля. Сергей Павлович рассказывает о теплозащите, траектории, о том, что сделано, чтобы обеспечить благоприятные условия для экипажа во время посадки.

Экипаж космического корабля «Восход» не будет катапультироваться. На новом корабле система посадки иная. Эта система обеспечивает соприкосновение с Землей с почти нулевой скоростью.

— А на воду? — спрашиваем мы.

— Существенный вопрос. И на воду может опускаться корабль «Восход» с пассажирами на борту. Обеспечена непотопляемость корабля. Можно совершать посадку при ветре и при значительной морской волне.

Наконец получено сообщение, что на борт космического корабля выдана команда: «Начать спуск». Тормозная двигательная установка была включена в районе Африки, секунда в секунду, точнее — даже в долю секунды.

Сообщили, что в районе приземления уже встретили космонавтов.

Журналисты окружили Юрия Алексеевича Гагарина.

— Космонавты приземлились благополучно. Живы, здоровы, бодрые, радостные.

Каждому хочется поздравить Главного конструктора, пожать ему руку.

— Работа продолжается, — отвечает Сергей Павлович. — Следующий полет будет осуществлен в самое ближайшее время.

ПОЛЕТ - НЕ ПРОГУЛКА

Солнечное утро. Чистое голубое небо и яркое солнце. Погода под стать настроению. Экипаж космического корабля «Восход» хорошо переносит не только космические, но и земные перегрузки. Побывать в крепких объятиях друзей, дарить сотни автографов, ответить на десятки вопросов — это, очевидно, тоже нелегко.

Обрабатываются данные, полученные на Земле. На снимках, сделанных с экрана телевизора, хорошо видны различные этапы работ в космическом корабле.

В распорядок дня космонавтов включена встреча со стартовиками, с журналистами.

Первыми в гостинице мы встречаем врачей. У них довольно трудное положение. Медикам надо провести всестороннее обследование здоровья космонавтов, а космонавты, как все здоровые люди, не очень-то любят всевозможные анализы, обследования, прослушивания. Да к тому же, кроме вопросов медицины, есть и другие вопросы. Каждая отрасль науки ждет вестей из космоса! Ждут подробностей о полете и радиослушатели, и читатели газет.

Наконец настал день, когда врачи собрали свою аппаратуру. Самочувствие космонавтов отличное, и никаких изменений в организме не обнаружено.

Пресс-конференция проходит в спортзале. Включены микрофон, открыты блокноты, нацелены кинокамеры. У нас подготовлено много вопросов.

— Что произвело самое большое впечатление на первом витке?

КОМАРОВ. Красота нашей Родины, ее необъятные просторы! Было чувство радости, чувство гордости за советских людей, чувство благодарности тем, кто принимал непосредственное участие в запуске космического корабля.

ФЕОКТИСТОВ. На первом витке сразу же удалось наблюдать очень интересное явление: верхний слой яркости, подсвеченный Луной. Очень красивое зрелище. А позже мы видели полярное сияние, южное полярное сияние. Это тоже потрясающее, грандиозное зрелище.

Условия для работы непривычные. Говорим, что самочувствие отличное, но это скорее выражение готовности работать и выполнять задание. Все же самочувствие необычное. Однако сутки показали, что быстро привыкаешь...

ЕГОРОВ. Меня на первом витке очень заинтересовала невесомость. Это очень сложное, очень интересное явление. Как-то странно себя чувствуешь. Причем наступает оно неожиданно. Кончилась перегрузка при выведении, и вдруг замечаешь, что руки стали легче. Мы взяли одновременно предметы, попробовали, как они висят в воздухе. Самочувствие всех членов экипажа было отличное. Очень хороший аппетит. Ели по расписанию. Правда, иногда хотелось поесть что-нибудь вкусное и сверх расписания. Спали хорошо. Крепко. Сны не снились...

— Корабль, — отмечает Комаров, — хорошо подчиняется и, как летчики говорят, хорошо слушается ручки управления.

— А если, Владимир Михайлович, сравнить ощущения, которые вы переживали, когда поднимались на самолетах, и ощущения, когда вы брали ручку космического корабля?

— Ну, видите, — улыбается командир, — когда я совершил первый самостоятельный полет, мне было девятнадцать лет. А сейчас мне немножечко больше... Ну вот, и я по-разному, конечно, отношусь к этим событиям. Тогда было больше восторгов. Больше, так сказать, удивления. Сейчас же я старался не удивляться, а наблюдать и работать.

В полете я управлял кораблем несколько раз. Впервые была испытана новая система ориентации корабля, которой не было на предыдущих кораблях «Восток». Ориентировали корабли на Землю, на звезды, на горизонт, для того чтобы лучше увидеть восход и заход Солнца.

Ориентировали корабль и на Солнце.

Вопрос к Константину Петровичу:

— Довольны ли вы выполнением научной программы полета?

— Программа выполнена полностью. Но, конечно, хотелось сделать больше, и я думаю, что сейчас только открывается настоящее исследование и наблюдение в космических полетах.

Вопрос к врачу:

— Какие приборы медицинские земные вы брали в космос?

— В моем распоряжении было очень много аппаратуры для исследований функций сердечно-сосудистой системы, для исследований состояния центральной и периферической нервной системы, для исследований легочной вентиляции. Наконец, аппаратура, позволяющая оценивать гигиенические условия внутри кабины корабля. Была аппаратура для исследований вестибулярного аппарата, для исследований органов зрения,

остроты зрения, цветовой чувствительности, резерва глазных мышц.

— Условия в корабле хорошие, — поддерживает Егорова Феоктистов, — но нельзя думать, что, в общем-то, полет — это прогулка. Эта работа довольно тяжелая, и не нужно делать вид, что все просто! Но работать и жить в космосе безусловно можно.

Еще вопрос к командиру корабля: о посадке.

— Мы приземлились в корабле. Корабль имел систему посадки принципиально новую. Для обеспечения мягкой посадки без перегрузок была установлена специальная реактивная система.

После того как мы вышли из корабля, то попытались определить место посадки. Ну, думали, что, может быть, будет какая-то вмятина, хотя бы на почве. Посмотрели — нигде ничего не обнаружили, настолько мягко корабль приземлился!

— Какие планы на будущее?

КОМАРОВ. Обработать материалы полета, обобщить и отчитаться.

ЕГОРОВ. Кое-что из полученного в полете требует подтверждения в лабораторных условиях. С окончанием полета наша работа не кончилась.

ФЕОКТИСТОВ. За месяцы, которые были потрачены на подготовку к полету, я значительно оторвался от своей основной работы. Работа ждет. Ну, а дальше я надеюсь, что мы будем готовиться к следующему полету.

„КАК ЗДОРОВЬЕ, ДОКТОР?"

На аэродром мы приехали за несколько минут до «С. П.».

С шутками, смехом построились по ранжиру, и когда из машины вышел Сергей Павлович, то спецкор «Правды» полковник Н. Н. Денисов по полной форме доложил, что группа специальных корреспондентов центральных газет, радио, ТАСС для торжественных проводов Главного конструктора построена.

Шутка была принята.

Сергей Павлович простился с провожающими, а потом подошел к нам.

— Пришлось поволноваться, Сергей Павлович?

— А как же! Каждый полет — это поиск. Техника сложная. Вот когда Валю провожали, то не мог заснуть. В который раз читал «Евгения Онегина»...

— А кто ваш любимый поэт?

— Люблю мужественные стихи Лермонтова.

— А Есенин?

— Люблю, особенно увлекался его стихами в молодости.

Здесь же, на аэродроме, Сергей Павлович еще раз напомнил о моем обещании прислать ему все записи на магнитофонную ленту, которые были приготовлены для Всесоюзного радио.

Надо сказать, что полет «Восхода» широко освещался по радио. Прошли записи — интервью с Сергеем Павловичем. Сергей Павлович слушал передачи по радио, делился впечатлениями о репортажах, давал советы.

Редакционная суета не позволила мне быстро выполнить просьбу Сергея Павловича, да к тому же я ждал выхода в свет звукового журнала «Кругозор», где на пластинке был записан голос Сергея Павловича. Наконец собрал все записи. Прослушиваю в студии. Входит Юрий Борисович Левитан. Узнает, в чем дело.

— Можно я скажу несколько слов Главному конструктору?

— Конечно.

— Дорогой Главный конструктор! Мы, работники радио, с большим волнением передаем в эфир материалы о ваших замечательных делах. Читаем скупые строчки ТАСС. Хотелось бы рассказать побольше о вас, о вашем чудесном коллективе! Примите мой привет в записи на пленку. Больших вам успехов! Пусть у вас всегда все ладится! Крепкого вам здоровья и многих, многих радостей!

Хмурым, дождливым утром 16 ноября я позвонил Сергею Павловичу. Сергей Павлович спросил, куда прислать помощника

за пленкой.

Я заметил, что незачем беспокоить человека, могу привезти пленки сам.

— Хорошо. Знаете, как к нам добраться?

Очень лаконично и просто объяснил. Потом добавил:

— Жду в десять. А потом буду в цехах.

Забираю коробки с пленкой «Кругозор» № 8, быстро сажусь в машину. Добрались. Вот и небольшой двор. Вхожу в четырехэтажное здание. Меня уже ждут. Проводят в приемную Сергея Павловича.

В небольшом холле под чехлом стоит глобус.

Из приемной, когда идешь в кабинет, попадаешь в зал заседаний. На стене большая доска для записи мелом. Маленькая доска и у стола президиума.

На противоположной стене — в рамке указы о награждении опытно-конструкторского бюро орденами Ленина, дипломы в честь первого спутника и первого полета человека в космос.

Из зала заседаний-дверь в кабинет Королева. Сергей Павлович в синей шерстяной рубашке без пиджака. Встает навстречу:

— Здравствуйте! Присаживайтесь.

С интересом рассматриваю кабинет. Ничего лишнего. Большой стол. Сбоку коммутатор. На столе — еще несколько телефонов. У стола справа — доска для записей мелом. Здесь же тряпка, чтобы стирать написанное. В кабинете вечнозеленые растения.

Передаю Сергею Павловичу пленки. Его очень заинтересовал «Кругозор».

— Пластинка о «Восходе»? Молодцы, оперативно сделали!..

Судя по всему, Сергей Павлович впервые видел «Кругозор». Хотел оторвать пластинку. Попробовал — не поддается. Смотрит на меня.

— Говорите, весь журнал ставится на диск? Хорошо придумано.

Я рассказываю о намерении к десятилетию запуска первого спутника один из номеров «Кругозора» целиком посвятить космическим делам. (Такой номер вышел в свет, но Сергею Павловичу не суждено было его увидеть...)

— Я вам сейчас тоже сделаю подарок, — сказал Сергей Павлович и прошел в соседнюю комнату.

Приносит деревянную шкатулку с сегментами вымпела, отправленного на Луну.

— Такие сувениры мы вручаем всем кандидатам в космонавты. Учтите, осталось только две шкатулки!

На крышке деревянной, покрытой лаком коробки — карта Луны.

Сергей Павлович показывает, где прилунилась космическая станция:

— Вот сюда попали на Луну.

— Сергей Павлович! Если будет в программе посылка человека в космос без специальной подготовки, то буду рад провести репортаж из кабины космического корабля...

— Теперь уже доказано, что в космосе можно летать не только летчикам.

Сергей Павлович поинтересовался моими делами, а узнав, что я занимаюсь в аспирантуре Академии общественных наук, с искренней завистью сказал:

— Завидую. Завидую. Можете много читать... А вот у меня такой возможности почти нет...

Затем немного поговорили о новостях в мире, о последних событиях в стране.

Заканчивая разговор, Сергей Павлович сказал:

— В будущем будем посылать много кораблей. И многоместные. Так что учтите! (Хитро улыбнулся...)

Из кабинета вышли вместе. Сергей Павлович остановился у стола секретаря:

— Иду в цех. Буду в двенадцать.

Всю дорогу я думал о разговоре с Сергеем Павловичем. И не только во время дороги. Через несколько дней я написал ему заявление с просьбой зачислить меня в группу подготовки космонавтов.

Прошло несколько месяцев...

О дальнейших моих «космических» делах повествует дневник. Когда я его перечитываю сейчас, то мне хочется внести поправки, дополнения, но это будет, очевидно, неправильно... Прошедшие годы принесли много нового, иными стали представления, но если начать поправлять, то потеряется атмосфера тех дней. Поэтому я выношу на суд читателей несколько наивных страниц и мыслей прошлого...

14 июля 1965 года. 15 часов 53 минуты. Как старательно я вывожу эти цифры и буквы! Собрался вести дневник... Сколько раз до этого собирался делать то же самое — записывать по свежим следам рассказы бывалых людей, разные интересные истории, меткие слова, байки — и каждый раз бросал. Жизнь так стремительна, что не успеваешь выполнить намеченное, да и матушка-лень всегда подскажет объяснения поступкам, где чуть-чуть ею, то есть ленью, попахивает. Весьма услужливая особа! Ну, теперь-то, думаю, что на две недели у меня характера хватит.

Раздался долгожданный телефонный звонок:

— У вас все хорошо...

Этот телефонный разговор — пропуск на тщательное медицинское обследование. Перед этим два дня провел с медиками — крутили, вертели, расспрашивали, просвечивали, измеряли, подключали какие-то провода с датчиками к моему грешному телу и установили, что можно допустить к дальнейшему медицинскому обследованию. Стационарному. В больнице. Назначили на сегодня. Как всегда перед отъездом (а состояние именно такое, будто едешь в командировку), нашлась куча дел, которые надо закончить — отредактировать статью, взять книгу, записать в студии радиопередачу, позвонить, перенести встречу, что-то дочитать, что-то выписать... Еще утром был в Радиокомитете, прослушал и внес поправки в передачу «Время, космос и мы». Потом взял чемоданчик, папку, сел в машину, и вот уже девушка в белом халате протягивает термометр и заполняет первую страницу «Истории болезни». Какая же у меня «болезнь»? Какая же у нее «история»?

Кабинеты врачей напоминают здесь лаборатории. Уж до чего «мирная» профессия у «уха-горла-носа», а вот поди ты... Пришел прошлый раз к врачам и не заметил стула из металла. Вроде ничем и не примечателен — только за спинкой металлический штырь с белым поролоном. А это был и не стул вовсе, а «кресло Барани».

Еще дома я перечитал все брошюрки о подготовке космонавтов к полету. Всякие слова вроде «центрифуга», «вибростенд», «барокамера» становятся понятней! В сборнике «Двое в космосе» первый раз обратил внимание на мрачное выражение у весельчака Павла Поповича. Сосредоточен он, даже вроде боль переживает, а может, и страх (применимо ли сие понятие к героям?). Так вот, сфотографирован Попович именно в этом кресле Барани...

Составлен график моего обследования. Заполнена часть граф в пухлой «Истории болезни». Врачи внимательны, приветливы, благожелательны. А стенгазета у них, медиков, между прочим, называется «Путь в космос»...

15 июля, четверг. Однажды Главный конструктор сказал, что металл для космических кораблей проходит медицинский, хирургический осмотр. О больнице мне хочется сказать наоборот: медицинское обследование носит металло-космический характер.

Вчера поздно вечером разговорились с соседом по комнате (или палате?!) Он говорит, что на две недели приходится более ста (100!) анализов, проб...

После завтрака — осмотр в рентгеновском кабинете.

Потом стоматолог. Сняли зубной камень. Вообще здесь «изделия» не только проверяют, но на ходу и «ремонтируют»: лечат зубы, вырезают гланды... А если что-то зацепили в организме, то специалисты эту «зацепку» уточняют, проверяют — консультируют.

Вместе со мной в «кабинете внешнего дыхания» был Алексей Филиппович. Работает он у Главного конструктора.

Вчера вечером мы гуляли с ним по молодому парку, и он рассказывал взахлеб о Главном, даже, точнее, не рассказывал, а восклицал:

— С ним года два поработать надо. За ним понаблюдать надо! Все видит. Все понимает. Ему ничего не навяжешь! Пока сам не разберется, не убедится, что так надо, не успокоится. Не простой он человек! Не простой!

Вдруг подходит к нам доктор Юрий Николаевич в спортивном костюме, и оказывается, что сейчас это не доктор вовсе, а «больной». Тоже решил летать в космос! А ведь я на предварительном отборе у этого доктора был в кабинете, он внимательно изучал мою нервную систему.

16 июля, пятница. Вот и первые огорчения. Рентгеном обнаружено у меня затемнение гайморовой полости. Назначили было на завтра барокамеру и отменили. В понедельник будут делать прокол...

Чем занимался сегодня? С утра проверка зрения.

В полутемном кабинете прибор с окулярами. Глаз постепенно привыкает к темноте, и через определенное время появляются фигуры — то четырехугольник, то круг, то крест. Нужно быстро по сигналу «Внимание» называть эту фигуру. Последняя проба, уже через час, в абсолютной темноте (кошки и то не видят, одни злые тигры!) видишь тусклые силуэты фигур и тоже их называешь.

Только что вернулся из психофизиологического кабинета. Прикрепили кучу датчиков к голове, рукам, ногам и заставили за «лидером» повторять, точнее, по ассоциации подбирать слова. Из динамика несется: «Якорь». Чей-то голос утверждает, что он «железный». Тебе же нужно опередить этот голос и сказать довольно-таки разумное слово. «Кочан» — «голова»... Почему «голова»?

В кабинете напротив — отделение этой же психофизиологической лаборатории. Там опутывают тебя проводами от датчиков, ложишься на кушетку, закрываешь глаза и при ярком свете должен быстро сжать кулак, свет погас — разжать. Что-то рисуется на так называемой электроэнцефалограмме. Это биотоки мозга.

Потом — специальная проба на помехоустойчивость. На табличке нарисованы различные цифры до 45. Они выкрашены в красный и черный цвета. Разбросаны в хаотическом порядке, а точнее, беспорядке. Ты должен, указывая линейкой на цифру, говорить: «...сорок пять — красная, единица — черная, сорок четыре — красная, двойка — черная». При этом голос из динамика тебя сбивает. Он тоже произносит цифры. Таким образом можно судить, насколько человек способен «отключаться от помех».

Вчера допоздна гуляли по двору с Борисом. Он вспоминал, как в 1962 году Главный вызвал будущих космонавтов и с пристрастием допрашивал, зачем человек собирается лететь.

Борис заметил, что стремление в космос, желание летать выразить словами так же трудно, как говорить о настоящей любви. Слова остаются словами, но как объяснить, почему человек полюбил? За улыбку, глаза, ум — примитивно. Что-то есть еще, что и наука объяснить не может.

После семи классов Борис твердо решил идти в авиационное училище. Но отец пригласил домой аса, который объяснил, как плохо нынче в авиации без высшего образования.

Борис окончил институт, работал инженером, мечтал летать, а когда запустили спутник, собачек, то твердо решил, что будет в космосе, хотя вначале подсчитал, что по возрасту не подойдет, ибо думал, что после спутника человек полетит не раньше чем через десять лет. Но как только слетал Гагарин, а особенно 39-летний американец Шеппард, то Борис понял, что надо действовать.

Борис уже прошел обследование.

18 июля. У меня вчера с утра был «простой». Должен-то я был ехать в барокамеру, а «затемнение» — нарушило план. Попал в кабинет «Ухо, горло, нос». Проверяли слух. Перед сестрой пульт и страницы с таблицами слов. Тебе на голову надевают наушники. Один красный, со звуком, второй глухой. Начинается проверка. Вслед за магнитофоном произношу: «Организация, стрела, убедительный, проверка...» Все это я слышу на разных уровнях громкости. С точностью до каких-то децибел. Еще должны проверить тональность...

Потом вдыхал и выдыхал через какие-то трубочки. Вначале сидя, потом стоя. Сестра отмечает: 7, 10, 8... Это показания прибора. Затем 15 минут не шевелясь нужно пролежать на левом боку. И снова дышать через трубочки.

Попросил, чтобы меня покрутили в кресле Барани 10 минут. Перенес все отлично.

Крутили минуту в одну сторону. 30 секунд отдых — и в

другую сторону.

После этого спустился на первый этаж в лабораторию и попробовал КУК. Это тоже минутное вращение с закрытыми глазами, но вместе с ударами метронома нужно поднимать и опускать голову. Полная иллюзия, что тебя качают в разных плоскостях, что страшная качка.

Три человека вчера выписались.

Один забракован начисто. Остальные, кажется, прошли. Если у кого-нибудь находят изъян, то человек сразу как-то сникает. Если хорошо проходит, то постоянно обращается к тому, чего опасался, все старается вставить в разговор: «А зря барокамеры боятся! Простое дело. Нет, серьезно, ребята...»

20 июля. Вторник. Утром в 7 часов, как всегда, ласковое «доброе утро» медицинской сестры и термометр. Потом пришла Зоя измерять давление глазного дна. Неделю подряд по два раза в день!

В 8 часов уже ждали меня для исследования гемодинамики. Ложишься на кушетку, а к телу твоему прикрепляют датчики: к сонной артерии, бедерной и лучевой. Это для записи скорости распространения пульсовой волны.

Утро солнечное, светлое, тихое. До завтрака еще больше часа. Прогуливаюсь по садику. Окна в рентгеновском кабинете открыты.

— Здравствуйте, Зинаида Ивановна!

— Доброе утро... А мы вас ждем...

— Что случилось?

— Ну как же, просвечивание желудка и снимок позвоночника...

Просвечивание желудка — процедура не из самых приятных.

Особенности обследования нашей группы (как спокойно и лихо я пишу «нашей»...) заключается в том, что все на вопросы врачей отвечают одинаково: «Здоров», «Жалоб нет»... Но рентген есть рентген. И у «здоровых» могут найти закончившийся процесс туберкулеза, язву желудка, опухоли на пищеводе, изменения позвоночника... Обращение к врачу — это уже болезнь или ее преддверие, а иногда и опоздание.

А вот такое медицинское обследование, свидетелем и участником которого я являюсь, помимо локальной задачи — отбора кандидатов в группу по подготовке космонавтов, — несомненно даст многое для науки. Медики получают развернутую картину состояния здоровья «практически здоровых» людей.

Симпатичный парень Слава ходит счастливым. С четвертого раза выдержал КУК шесть минут. Все эти дни переживал, ходил

тренироваться, внимательно слушал рассказы тех, кто перенес кручения. Даже расчеты делал. У него получалось, что низкорослые этот КУК переносят легче, а с его весом и ростом сила воздействия на 32 процента больше, чем, допустим, на Виктора, у которого рост 162 сантиметра. Естественно, это домыслы «заинтересованной личности».

Был я у хирурга. «Присядьте, руки в сторону, резко опуститесь...» Проверяют, как пульсируют сосуды на ноге. «А курить-то надо поменьше...»

Зашел к шефу-куратору--терапевту Наталье Петровне. У нее все «Истории болезни», у нее все анализы, у нее график движения по специалистам.

Посмотрела мою «историю». Пока идет нормально.

Врачи рассказывают, с какими трудностями приходится оборудовать лаборатории, кабинеты, искать методику исследования. Каждый полет — это открытие...

«Абсолютно здоровых людей нет» — эту фразу произнес по телевизору какой-то телевизионный герой. Надо было видеть, как весело реагировали на эту реплику собравшиеся в холле.

21 июля. Утром Наталья Петровна смерила давление — «Молодцом». Как у студента.

В 11.00 — КУК. Готовился психологически. Успокаивал себя. Погулял на улице. В 10.55 был в кабинете.

— Рубашку снимите.

— А часы?

— Как хотите.

Снял рубашку и часы. Сел в кресло. Под локоть — белое вафельное полотенце. Это справа. А слева рука Валентины Петровны потянулась отыскивать пульс.

Два врача внимательно будут следить, как я переношу кориолисово ускорение.

По удару метронома надо опускать голову на грудь, а потом касаться палки. Кресло минуту вращается в одну сторону, потом в другую. На каких-то секундах ощущение качки, полная иллюзия, что ты раскачиваешься на волнах.

В паузах измеряют пульс и давление.

Пульс прыгает. Давление не в лучшем виде. Первая минута. Вторая. Третья.

— Как себя чувствуете?

— Пока ничего. Чувствую качку. Четвертая минута. Пятая. Шестая.

Слышу, как врачи тихо переговариваются между собой. Судя по репликам, дела у меня идут лучше, чем они предполагали.

Седьмая минута. Восьмая. Девятая...

— Нет тошноты?

— Пока нет...

— Вы что-нибудь пойте или рассказывайте. Вчера Алексей Филиппович запел на двенадцатой минуте.

Десятая минута.

— Как самочувствие?

— Держусь.

В конце одиннадцатой минуты комок подкатывается к горлу. Позвали старушку с тряпкой и тазом... Ребята успокаивают. Врачи тоже.

— Неэстетично, правда, но мы привыкли.

Кто еще не был на КУКе — завидуют. 12! Рекорд, точнее, высшая при отборе норма -15 минут. Допустимо 6. А здесь двенадцать минут!

Завтра в барокамеру. Как говорится, тяжелое позади, трудности — впереди.

Слава прощается. Сегодня у него должны были вырвать больной зуб. Замораживание не действует. Надо под общим наркозом. Решил повременить.

— Увижу сына. На рыбалку съезжу. Вот хвост за третий курс остался.

— Что, второе высшее?

— Да. В МГУ на физмате.

— А кончил?

— МВТУ.

— Что, разве второе высшее образование эффективнее, чем аспирантура?

— Аспирантуру я закончил. А еще три года на курсах английского языка проучился...

Такие вот ребята работают с Главным. Ходят в датчиках. Режим. Измерения. Под наблюдением врачей.

Позавчера приехали под вечер. Лица напряженные. Говорят, были в термокамере.

Борис, испытатель с такими, по рассказам и наблюдениям, нервами, что можно горячие гвозди вбивать, по-деловому, между прочим буркнул:

— Иду на высоту, с кислородом. Куда, зачем? Параллельно идет работа. Отбор медиками новичков — это маленькая деталь в большом деле.

— Что завтра день готовит?

— Барокамеру...

28 июля. Пятница. Вчера была возможность посмотреть на мир открытыми глазами — расширяли зрачки. Стали зрачки огромными, такими огромными, что через хитрые приборы можно

увидеть не только хрусталик, глазное дно, но даже то, что ты болел ревматизмом... Во всяком случае, врач Татьяна Александровна, глядя мне в глаза, спрашивает:

— Ревматического характера явления были?

— Разве видно и это?

— Нет, я так, свои наблюдения...

После расширения зрачков видишь очень плохо, приходится надевать темные очки.

С утра ездил в барокамеру. Во дворе в зеленом саду небольшой домик. В домике том барокамера. Толстые стены, массивные двери. Иллюминаторы. Приборы. Раздеваешься до пояса. На теле твоем карандашом отмечают цифрами место, куда нужно будет приставлять по просьбе врачей датчики.

Кроме того, на правой руке еще шина для измерения давления.

Начинается подъем. Смотришь на стрелку — тысяча метров, две, три... В барокамере становится прохладнее, дышать несколько труднее. Через каждые пять минут измерения: пульс, дыхание, давление...

Любопытную историю рассказали мне. В Италии тренер высоко в горах готовил к соревнованию трех боксеров. Вернувшись домой, они оказались лучше других, были гораздо более выносливыми на ринге.

Это газетное сообщение натолкнуло на мысль испытать горцев на тех перегрузках, которые даются при подготовке космонавтов.

Одиннадцать киргизов приехали с Тянь-Шаня в Москву. Центрифугу перенесли хорошо. КУК — по-разному. Барокамера — родная стихия. Вроде хорошо. Стали подумывать о тренировках в горах. Решили проверить пробы на альпинистах. Снова поиск...

После барокамеры врачи все беспокоились о нас, боялись оставлять одних. Наконец пришла машина, и мы вернулись в больницу. Снова анализ крови, проверка слуха. После ««подъема» я стал лучше слышать: звона, боли в ушах не было.

Пять минут «гонял» на велоэргометре. Ощущение, будто поднимаешься с возом, прицепленным за твоим велосипедом, высоко в гору... Надо держать скорость. 60. Ребята подсчитали, что мощность в каждую секунду — четверть лошадиной силы.

Утром вчера я был на ортпробе. Полчаса надо было простоять в положении «смирно». Измеряется давление, пульс.

Молодой врач, выпускник Первого медицинского института, рассказывает о строении организма человека, о том, что за многие тысячелетия выработалась закономерность адэкватного

возврата крови к сердцу. Ни наши предки — обезьяны, ни мы сами в состоянии полного покоя «стоя» не пребываем... Стоять тяжело, но можно.

Затем еще один кабинет. Проверка реакции вестибулярного аппарата на действие импульсного тока.

Садишься на зыбкое кресло, с трудом находишь равновесие, потом сидишь с открытыми глазами, с закрытыми... Щелчок, и ток пронизывает тебя. Заваливаешься то в одну сторону, то в другую.

То же самое происходит, когда ты стоишь. Все опыты, все проверки.

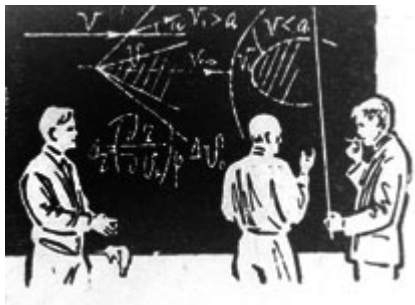
29 июля. Четверг. Пишу уже дома. Вчера закончились мои медицинские «страдания».

Сейчас, перечитывая дневник, раздумываю о своем желании слетать в космос, об уверенности С. П. Королева, что все могут испытать это чувство. Прихожу к мысли, что Сергей Павлович был верящим в идею, которой посвятил жизнь, и умел других заражать своей мечтой. Он искренне был убежден, что космос будет обжит, станет повседневной сферой деятельности человека, а раз так, то и туда должны быть допущены журналисты...

Эпизод с корреспондентами радио и газеты, которых Главный конструктор решил направить на медицинское обследование, поближе приобщить к своему делу, помогает понять одну из черт характера Сергея Павловича: стремление найти в людях разных профессий своих союзников, а точнее — он, наверное, не понимал, как это можно не быть заинтересованным в освоении космоса. Он, наверное, жалел в душе тех, кто остается равнодушным и не может вкусить радость научного поиска такого глобального размаха, кто не имеет желания или возможности быть участником штурма Вселенной. Ему было безразлично, кто ты — солдат или генерал, находишься ты в штабе или на передовой, ему была важна искренняя заинтересованность его делом.

Среди знакомых Сергея Павловича были писатели, композиторы, скульпторы, художники, журналисты. И в каждом Главный конструктор хотел видеть единомышленников. Ему хотелось не только освоить космос, но и воспеть его. Сергей Павлович мечтал написать сценарий художественного фильма о К. Э. Циолковском...

ИНТЕРВЬЮ С ГЛАВНЫМ



Бывшего солдата пригласили в райвоенкомат — побеседовать, внести изменения в личное дело.

— Ну какие перемены после войны, — отвечал он. — Институт закончил, женился, докторскую диссертацию защитил, двое детей...

— А еще?

— Орден Трудового Красного Знамени получил.

— А еще?

— Орден Ленина...

— А еще?

Конструктор смущенно улыбается. Не привык о себе рассказывать...

— Героя Социалистического Труда получил.

— А еще? — вошел во вкус работник военкомата.

— Лауреат Ленинской премии...

— А еще?

— Все... Вы считаете — мало для младшего лейтенанта запаса?

Вот такие люди работают вместе с Главным конструктором.

В кабинете Главного на стене доска. Такие же доски можно увидеть в любом классе любой школы. Мел. Тряпка.

Если бы я делал документальный фильм о конструкторах, о Главном, то первый сюжет я снял бы у доски. Обыкновенная школьная доска.

Рука быстро, уверенно наносит цифры и формулы. Сосредоточенный взгляд карих глаз. Сетка морщин, седина... Сосредоточенные лица людей. Разные. Молодые, старые. Лицо Гагарина. Обязательно крупным планом все — ордена и медали... Рядом с ним тоже крупным планом незнакомое лицо человека без орденов, только маленькая колодка. Правильные черты красивого лица, прямо хоть медаль выбивай с такого! Рядом с ним Алексей Леонов... Снова сосредоточенные лица разных людей... Молодых,

старых... Общий план. Вся аудитория. Видно, что люди сидят за столами.

Такой же план, но уже в классе — дети внимательно слушают учителя, а за кадром звучит дикторский текст:

— Каждый из них открывает новое. Школьник узнает то, что накопило за многие века человечество, ученый — тайны природы...

Процесс познания есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту... Ум человеческий создает абстракции, понятия, законы, научную картину мира. Мысль человека неустанно бьется над вопросами: «почему, что, как, где, а если?..»

Человек приручил диких животных, добыл огонь, изобрел колесо, покорил атом, поднялся в космос...

Потом я бы дал кадры, снятые в разное время на космодроме. Кадры, взятые из архива кинофотодокументов.

Молодой город, лента дороги вдоль улицы, за домами — сразу бескрайняя степь, мелькают сигнальные лампочки на панели сложных машин, серебристая ракета в объятиях металлических ферм, пожухлые от зноя листья, ветер, пригибающий к земле молодое деревце, песчаная буря и оранжевый диск солнца... Телевизор в уютной квартире... Самолеты... Все это космодром.

Звучит музыка и голос диктора:

— Космодром — это место, где природа расщедрилась только на голую степь и высокое небо, все остальное здесь создали люди.

Если бы я делал такой фильм, в него обязательно вошла бы встреча журналистов с Сергеем Павловичем Королевым.

К сожалению, эта встреча не была снята на кинопленку, но сохранилась стенограмма, и память хранит ее.

Трехэтажное здание.

Длинный коридор. Из комнаты, на двери которой табличка «Технический руководитель», выходит среднего роста человек в темно-сером костюме и синей шерстяной рубашке.

Останавливается с кем-то. Спрашивает, внимательно слушает. Что-то говорит. Посматривает на часы. В кабинете, где обычно собирается Государственная комиссия, его ждут журналисты. Открыты блокноты, включен микрофон.

— Товарищи, я готов ответить на ваши вопросы. Как вы желаете провести беседу — задавать ли вопросы или вам что-нибудь рассказать нужно?

Так начал Главный конструктор беседу с журналистами накануне старта «Восхода-2».

— Что можно рассказать об этом полете? Полет необычайный даже для наших космических представлений. Особенность и

специфика этого полета заключаются в том, что один из космонавтов должен на орбите через шлюзовую камеру выйти в космос и провести там короткое время. Зачем нужно выходить в космос, почему такое значение мы придаем именно этому эксперименту? — задает вопрос Сергей Павлович и сам отвечает: — Я думаю, что на это очень просто можно ответить: летая в космосе, нельзя не выходить в космос, как, ведя корабль, скажем, в океане, нельзя бояться упасть в воду, нельзя не учиться плавать.

Все это связано с целым рядом операций, которые могут потребоваться в дальнейшем при встрече кораблей. Выход из корабля очень сильно упрощает проведение специальных наблюдений в космосе, ну и, наконец, в тех случаях, когда нужно будет что-либо поправить на корабле. Мы, например, думаем всерьез над тем, что космонавт, вышедший в космос, должен уметь выполнить все необходимые ремонтно-производственные работы вплоть до сварки. Это не фантастика, это необходимость!

Чем больше люди будут летать в космосе, тем больше эта необходимость будет ощущаться.

Наконец, надо считаться и с таким фактором, что ведь может в конце концов сложиться такая ситуация, когда один корабль должен оказать помощь другому. Но каким же образом? Ведь корабли представляют собой очень защищенную в тепловом, а значит, и в прочностном отношении конструкцию. Можно подойти к кораблю и ничего, собственно говоря, не сделать, потому что если его просто разгерметизировать через входной люк, то люди там погибнут.

Поэтому должна быть отработана такая система шлюзования, система жизнеобеспечения и выхода из корабля, которая бы давала возможность оказать помощь.

Главный конструктор говорит с нами о предстоящем первом выходе человека в космос из кабины корабля, говорит убежденно; кажется, что он уже видит, как на орбите идет монтаж, сборка тяжелых станций и обсерваторий, в которых работает много людей.

Сергей Павлович подводит некоторые итоги, а мысль обращена в будущее:

— За последние короткие годы, когда на наших глазах совершено столько полетов в космос, мы незаметно переходим к иному качеству. Смотрите; летали одноместные корабли, потом пошли трехместные, и сейчас двухместный корабль идет. И я думаю, что не ошибусь, если предскажу и следующий шаг. Скоро возникнет вопрос о том, что вряд ли есть смысл такие дорогостоящие системы, как космические корабли, пускать на несколько суток в космос. Наверное, надо их запускать на орбиту

и оставлять там на весьма длительное время.

А снабжение этих кораблей всем необходимым, доставку смены экипажа производить при посредстве упрощенных типов космических аппаратов, которые, конечно, должны иметь шлюзование, для того чтобы выполнить свои функции, подстыковываясь к системе кораблей на орбите.

Так что вот так мы незаметно продвигаемся по пути качественного изменения наших представлений и наших направлений работы по освоению космического пространства пока в ближнем космосе, при орбитальных полетах у Земли.

Я хочу сказать, что мы не ставим никаких рекордных целей. Конечно, разумный риск есть. Он всегда остается и будет. Если по каким-то причинам — я надеюсь, малозначащим, потому что все основное, мне кажется, отработано и предусмотрено, — возникнут неожиданности, как во всяком новом деле в процессе познания, и будет рискованно осуществлять выход в космос, то...

Сергей Павлович помолчал, немного подумал и продолжал:

— В этом случае сам по себе полет не теряет своей ценности и значения, потому что это полет двухместного корабля. Мы его продлим до двух-трех суток, на этот случай предусмотрена другая программа научных и чисто технических наблюдений и измерений.

В отличие от всех предшествующих полетов по технике этот полет очень сложный и многотрудный. Надо быстро провести целый ряд операций. Если на это дело мы отводили раньше первый виток и начало второго витка, то сейчас на это отводится довольно незначительное время — ровно две минуты! — Сергей Павлович повторяет: — Две минуты!

Сколько же нужно было проанализировать различных данных, поставить опытов, чтобы прийти к выводу, что космонавт может начать работу буквально через минуты после старта!..

— Через час после вывода на орбиту, — продолжал Главный конструктор, — мы надеемся услышать доклад о том, что космонавт вышел из корабля, проведя все довольно сложные операции. Ну, значит, открывается люк — выход в шлюз, закрывается люк, готовится космонавт в шлюзе, разгерметизируется шлюз, открывается люк наружу, выходит космонавт.

Потом кто-то из журналистов тихо сказал:

— А что, если... По теории вероятности...

Возникла неловкая пауза...

Сергей Павлович нахмурился. Потом я узнал, что академику Королеву перед стартом «Восхода-2» не давала покоя мысль о риске, связанном с выходом в открытый космос.

За десять дней до старта он писал своей жене Нине Ивановне:

«Мы стараемся все делать не торопясь, основательно. Наш девиз: беречь людей. Дай-то бог нам сил и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И все же я верю в лучшее, хотя все мои усилия, и мой разум, и опыт направлены на то, чтобы предусмотреть, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанное».

Надежность летательных космических аппаратов всегда была самым важным вопросом, который заботил «С. П.». Вот почему он спокойно, даже подчеркнуто спокойно ответил журналисту:

— Все, что связано с космосом, требует большого внимания, товарищи. Очень большого внимания. Системы наши позволяют всевозможные вариации и комбинации в том смысле, что если что-то там не работает или не сработает, то космонавт, во-первых, это будет знать сразу, а во-вторых, он имеет средства для того, чтобы попробовать по дублирующей цепочке воспроизвести эту операцию. То есть мы тут не видим никакого чуда, мы видим только технику, которая должна быть послушна умелым рукам и разуму хорошо владеющего этой техникой человека.

Вот, собственно говоря, принцип, который положен в основу. Нашим товарищам летчикам сказано: «Безрассудно не рискуйте, но задачу выполняйте, добивайтесь». Если нельзя автоматически открыть, то открывайте вручную.

Мы ведь, например, часто включаем свет в комнате, а лампочка не загорается. Тогда делаем пару лишних движений, лампочка загорелась, и мы об этом забываем. На корабле это событие! Надо посмотреть, что случилось. Либо повторить, либо, может быть, перейти на ручной привод.

Вот таких примеров можно было бы назвать очень много. Я должен сказать, что на Земле была проведена огромная предварительная программа. Сегодня как раз Государственная комиссия одобрила выполнение этой программы и полученные результаты.

Как ни рассчитано время у Главного конструктора, но мне думается, что, зная дотошность журналистов, он всегда оставляет в запасе минут пятнадцать-двадцать. Кто-то спросил Сергея Павловича о новых космонавтах.

— Я бы отметил основную черту Леонова — это сообразительность, живость, смекалку. Это первое. Второе — хорошее усвоение им технических знаний. Третье — прекрасный характер. Он художник, сам рисует, очень общительный, очень, по-моему, добрый и располагающий к себе человек. Смелый летчик. Он прекрасно владеет современными реактивными истребителями. Мне кажется, что этот человек заслуживает

самого большого доверия.

Что касается командира корабля, то он обладет такими же качествами, что и Леонов, но он был командиром эскадрильи, значит, имеет опыт командный. Человек он очень спокойный, неторопливый, я бы сказал, даже немножко медлительный, но очень основательный, очень основательный. Он не мастер говорить длинные и красивые речи, но тем не менее он все делает очень фундаментально. Как раз такое сочетание и нужно, наверное.

Второй экипаж, запасной, тоже отличный. Это все товарищи из первой группы, из первого отряда, из которого вышел Гагарин.

— А каково значение нового эксперимента по сравнению с полетом Гагарина?..

— Тогда был первый крупный, большой шаг и сейчас будет крупный, я бы сказал, такой весьма заметный, что ли, этапный.

Ну, скажем, полетели мужчины, а затем и женщина, представительница наших замечательных советских женщин — Терешкова. Когда полетели три человека, то это был некий качественный шаг вперед. А здесь вот, пожалуй, есть элемент первооткрывания. Выход в космос, так же как первый полет в космос, — это элемент первооткрывания.

Журналистов интересует вопрос об автономном плавании космонавта, о возможности отхода от корабля.

— А зачем надо уходить далеко от корабля? — подхватывает Сергей Павлович. — Зачем ходить пешком между двумя электричками или, скажем, между двумя хорошими автомашинами, стоящими на разных шоссе?

Есть ли в этом необходимость? Вылезти из машины, сменить колесо или просто подышать воздухом — наверное, это нужно, или поправить что-то, поговорить с соседом, или если вы рядом поставили две машины, то вы вышли, поговорили, можете зайти в машину соседа посидеть или он в вашу машину, а зачем же вам тащиться по бездорожью? Какая в этом необходимость в космосе?

Чувствуется, что этот вопрос волнует конструкторов. Это важная проблема. Академик улыбается. В глазах хитринка. Его интересует, что думают по этому поводу не конструкторы, не ученые, а журналисты...

— Давайте обсудим,— предлагает он.— Тут можно, конечно, и пофантазировать немного. Скажем, большие корабли, может быть, очень близко друг к другу и не будут подходить. Будут находиться на расстоянии в десять километров. Только радиотехнически будут друг друга видеть. Спрашивается, как перейти с одного корабля на другой?

Наверное, все-таки не в скафандре с индивидуальным

комплектом питания, кислородным или каким-то другим движком. Тогда уже надо делать космическое такси, космическую шлюпку, чтобы передвигаться на длительное расстояние. Потому что и по запасам, и в весовом отношении, и в тепловом, по безопасности все-таки пускать человека, как песчинку в космос, допустим, на десять километров, рискованно. Не лучше ли сделать такси? Ему надо дать возможность видеть свой корабль и тот корабль, куда он идет, дать возможность вернуться на свой корабль. Надо иметь связь. И на всякий аварийный случай дублирование и прочее. Так проще сделать какую-то легкую штуку, не связанную с земной тяжестью, которая вам позволит передвигаться!

— Значит, этот вопрос обсуждался?

— Ну, я сказал, что мы фантазируем, — смеется Сергей Павлович. — Все мы сейчас с вами и обсуждаем, творчески участвуем в разработке. Можно будет потом сказать, что творчески это было подготовлено во время встречи с корреспондентами.

Покосился на мой магнитофон:

— Документ есть. Можем всегда продемонстрировать. Когда будут присуждать Ленинские премии за космическое такси, можно подать голос, сказать: «Позвольте...»

На космодроме людям юмора не занимать. Попал впросак — все: вышутят по первое число. Делается это с большим искусством, так сказать, по всем законам развития сюжета небольших скетчей. Обязательно найдется человек с актерскими данными и поэт, который срифмует. Юмор иногда лучше помогает разобраться в ситуации, а этих ситуаций — простых и сложных, смешных и грустноватых — при испытании новой техники, естественно, возникает немало.

— Сможет ли прийти командир корабля на помощь Леонову?

— Могу сказать, что в случае, если с товарищем Леоновым что-то будет не в порядке и он будет неработоспособен в какой-то момент, то командир имеет инструкцию и возможность прийти на помощь Леонову. В этом отношении наш «Восход-2» такую возможность дает. Оставив его на режиме автоматической ориентации, командир корабля может покинуть корабль, выйти на помощь второму пилоту. Имеется возможность разгерметизировать корабль на довольно длительное время.

Очень интересно следить за мыслью ученого. Ведь сколько различных вариантов надо представить!.. Все предусмотреть...

Прежде чем технику передают космонавтам, ее испытывают в лабораториях, термо— и барокамерах. Космонавты большие труженики, но ведь полет — это завершение огромной работы,

работы многих коллективов, многих людей. Сотни и сотни раз проходят испытание отдельные системы...

Вот обычная работа. Идет сборка корабля. Все в порядке. Но вдруг оператор, сидящий за пультом, сообщает, что транспарант при включении одной из систем зажигается на какие-то доли секунды позднее. Снова проверка.

Вроде доли секунды — и транспарант ведь зажигается! Но нет — продолжают исследования, проверяют схемы, документацию. Сопоставляют данные и приходят к выводу, что, возможно, отказало одно реле. Это «возможно» — несколько часов работы. Снимают прибор, снова исследование. Причем у людей, занимающихся космической техникой, выработался стиль: пока не сделано, пока намеченная работа не выполнена, никто не уходит. Произошла какая-нибудь схемная завязка— ищут все. Каждый высказывает свою гипотезу. Главный конструктор с большим уважением говорит о людях, с которыми он работает: «Тот, кто формально относится к делу, в коллективе долго не проживет. Или он заболеет нашим делом, станет энтузиастом, или отойдет в сторону».

Сергей Павлович просит нас, журналистов, не забывать о коллективе. Он подчеркивает, что время одиночек в науке кончилось.

— Когда-то, — вспоминает он, — я сам мог решать все вопросы. Помню, конструировал самолет — мог крылья сделать на несколько сантиметров длиннее или короче. Мог решить, рассчитать сам. Сейчас машины считают. Важны и сейчас и ум, и трудолюбие, но жизнь выдвигает такие огромные задачи, что одному человеку, как бы он ни был талантлив, эти задачи решить не под силу.

Корреспонденту «Красной звезды» хотелось, чтобы Сергей Павлович особо остановился на творческом участии космонавтов при подготовке корабля. Вопрос задан, как говорится, без обиняков: «Можно ли считать, что космонавты — творцы?»

Сергей Павлович выдерживает паузу, потом тихо, поначалу несколько рассерженно, отвечает:

— Допустим, ученым, конструкторам, инженерам надо решить очередную важную задачу... Дело сложное. Бывает так, что ни тот капитально не видит, ни этот. Они спорят. Ощупью идут оба. И приходят в конце концов к единому мнению. В нашей практике сплошь и рядом бывают такие случаи, когда мы спорим и не приходим к определенному мнению. Мы никогда не решаем приказом. И никогда не давим. Никогда никто никого не заставляет: «Ты подпишешь вот такое решение. Или вот такое Т. З., или такую инструкцию».

(Т. З. — техническое задание; это сокращение, бытующее в среде конструкторов, разработчиков.)

До тех пор, пока люди не будут убеждены... В этом сила, я считаю, жизненная творческая сила всех советских творческих коллективов. Я знаком с авиационниками, знаком с подводниками. Мне кажется, что у них такая же картина, как у нас. Стиль один и тот же. Никто не говорит: «Это мое, а это твое. Говорят: это наше».

Поэтому мой вам ответ такой. Отмечать творческое участие космонавтов нужно, потому что это справедливо и правдиво. Безусловно наши летчики очень творчески участвовали в этом процессе. Но сказать, что они творцы? Чего? Так же, как неправильно сказать, что мы творцы. Чего? Мы — участники.

Если вы думаете, что Главный конструктор какой-нибудь системы или корабля творец этого корабля, вы заблуждаетесь. У Главного конструктора есть прямые обязанности, за которые он и морально, и по закону несет прямую личную и единоличную ответственность. Скажем, исходные данные. Спорят с ним сотни людей в течение трех месяцев. Наступает момент, когда эти данные должны быть утверждены.

Сергей Павлович разошелся. Говорит так, словно читает лекцию.

— За утвержденные данные по закону и по совести ответственность несет персонально и единолично Главный конструктор. За методику, за безопасность.

Ведь можно построить работу так, что не все предусмотришь, чего-то не сделаешь. Но жизнь не обманешь, и это «что-то» обязательно вылезет! Разве может один Главный конструктор все предусмотреть? Не может. Это плод коллективного труда! Методику надо выработать, надо отсеять все лишнее. Надо взять главное, основное, надо установить порядок и надо его утвердить. Вот за это Главный конструктор несет персональную и единоличную ответственность.

У меня есть приятель, известный скульптор, народный художник СССР. Как-то мы разговаривали с ним около памятника Репину, который он тогда делал. Вдруг говорит: «Одну минуточку. Одну минуточку...»

А там леса из паршивых досок, нестроганные, с какими-то набитыми ступеньками. И этот вот почтенный седой человек вдруг, как белка, по этим лесам полез. Достал из кармана какую-то штуковину и провел черту на лице. Провел. Отступил. Потом еще что-то поправил. Удовлетворенно посмотрел... Сунул резец в карман и так же быстро, как будто ничего не было, сошел с лестницы.

Что он увидел? Я смотрел, смотрел, ничего не увидел — прекрасная скульптура! Но он что-то увидел во время разговора со мной! Вот это — индивидуальное творчество. Наверное, ему никто не поможет. Он один все делает. Он один видит своего Репина...Поэтому неправильно сказать про нас, что мы творцы. Мы участники. Разве может один Главный конструктор все предусмотреть? Не может. Это плод коллективного труда.

Главный конструктор рассказывает о сложностях разработки различных систем. Ведь космонавтика — это детище многих наук и отраслей техники. Все лучшее, что создали металлургия и химия, радиотехника и автоматика, все это вложено в космонавтику. Космонавтика возникла только тогда, когда наука и техника накопили соответствующие знания и методы. И тут, с возникновением космонавтики, сработала, как говорят техники, обратная связь: космонавтика потребовала ранее неизвестного.

Металлурги проводят медицинский хирургический анализ полученных сплавов. Медики изучают воздействие невесомости на организм человека.

— Я не специалист в области медицины, — замечает с улыбкой ученый,— но думаю, что невесомостью можно лечить сердечно-сосудистые заболевания. В том, что проблемы одиночества при дальних космических полетах не возникнет, убежден. Скорее надо разработать проблему психологической совместимости...

Ученый рассказывает о различных возможных вариантах выхода из корабля в космос, высказывает свою точку зрения, почему остановились на шлюзовании, рассказывает, сколько опытов провели конструкторы, прежде чем утвердить систему.

Говорит он и о «костюме», в котором Леонов выйдет в космос, о системе жизнеобеспечения.

Вот только одна из проблем, с которой встретились конструкторы скафандра: как совместить жару и холод? В космосе температура в тени ниже, чем в самых холодных районах Земли. С солнечной стороны — свыше ста градусов. При выборе материалов для космического скафандра — снова тысяча испытаний. Вначале проверка отдельных элементов, затем проверка всего скафандра в термобарокамере при высоких и низких температурах в условиях вакуума.

Был создан манекен, на котором проводились испытания на центрифуге, на вибростендах, испытания специальными машинами на динамическую и статическую прочность... Если опыты проходили успешно, скафандр надевали испытатели, и снова проверки — на земле, в воздухе, на море, в ледяных бассейнах.

Только после этого скафандр был передан космонавтам.

Сергей Павлович разъясняет:

— Скафандр представляет собой дублированную систему высокой надежности и прочности, рассчитанную на специфические условия работы в космосе с учетом тепловых процессов, которые там происходят, и излучения. Скафандр является надежной оболочкой, в которой находится космонавт. И в то же время эта система позволяет ему передвигаться, сгибать руки, ноги, поворачиваться.

Система жизнеобеспечения создает комфортабельные условия, такие же, как в корабле. Никаких скидок зесь не может быть. Кислородное питание, продувка, вентиляция скафандра — все это осуществляется по высоким санитарным нормам, и поэтому, собственно, пребывание в сфере невесомости в скафандре, на мой взгляд, не сулит и не несет при исправном действии всех частей никаких осложнений космонавту. Что касается условий жизнеобеспечения в самом корабле, то они отличные, как вы знаете, на всех наших кораблях. Там много места, отличный свежий воздух, холодная вода, прекрасно приготовленная пища по вкусу каждого космонавта.

Я не знаю, что заказали наши товарищи, но, наверное, всякие деликатесы вроде воблы там есть...

— Система переговоров существует?

— Система переговоров между космонавтами существует, каждого космонавта — с Землей. Одним словом, здесь полный сервис.

— А телевидение?

— На командном пункте мы будем видеть по телевидению то, что делается на корабле внутри, и моменты выхода и нахождение космонавта вне шлюза корабля.

— И это будет в начале второго витка?

— Ну, мы предполагаем, что это будет так. А если у нас возникнут какие-то задержки или неясности, то мы не связаны временем и можем повторить это и на следующем витке. Вообще хотелось бы, конечно, это сделать над территорией Советского Союза.

Сергей Павлович нетерпеливо посмотрел на часы:

— До свидания, товарищи. До встречи на старте!

ЗЕМЛЯ — ОНА КРУГЛАЯ?

Раннее утро 18 марта 1965 года. Ветер бросает мокрый снег в смотровое стекло машины. Спешим на стартовую площадку. Бетон у подножия ракеты. Знакомые сосредоточенные лица.

Подъезжает бело-голубой автобус. Распахиваются дверцы. Двое идут к ракете. На них скафандры белого цвета, по бокам — оранжевые полосы. Белый гермошлем, белая обувь. Прозрачные забрала откинуты.

Шаги по лестнице. Движение лифта. Белые скафандры уже видны на верхней площадке.

Перед тем как войти в корабль, Леонов и Беляев машут руками. Друзья на земле желают им счастливого полета.

Автобус отъезжает со стартовой площадки. Нужно уходить и нам, журналистам. Я включаю микрофон и подхожу к Главному конструктору. Хорошо знаю: не время, но так хочется узнать, о чем думает этот человек!

— Вы хотите, чтобы я вам хорошую речь сказал? — Голос напряженный.

Я растерянно говорю Сергею Павловичу:

— Нет, не речь, а вот хотелось по-человечески узнать... Сергей Павлович устало посмотрел куда-то выше моей головы и тихо, как бы про себя, сказал:

— Конечно, волнуюсь. Какое ощущение? Волнуюсь. Ведь люди же полетят. Техника сложная. Волнуешься и ждешь... И надеешься. Вот и все...

Идет предстартовая проверка отдельных систем. Спокойные голоса.

Председатель Государственной комиссии, Главный конструктор, конструкторы различных систем ракеты и корабля спускаются в командный бункер.

По краям бетонной лестницы, уходящей вглубь, — красные полосы. Внимание!

Длинный коридор. Справа и слева — двери с табличками различных служб. В конце коридора — комната, где звучит короткое слово: «Пуск!»

Сергей Павлович Королев, Главный конструктор ракетно-космических систем, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик.

16 апреля 1962 года. На XIV съезде комсомола. Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Ю. А. Гагарин вносит в зал Кремлевского Дворца Съездов знамя ВЛКСМ.

Космонавты П. Р. Попович, В. Ф. Быковский, А. Г. Николаев и Ю. А. Гагарин на занятиях в Военно-Воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского.

Первый космонавт планеты Герой Советского Союза летчик-космонавт СССР Юрий Алексеевич Гагарин.

Гжатск. Родной город Ю. А. Гагарина. Вместе с родителями Алексеем Ивановичем и Анной Тимофеевной Ю. А. Гагарин в городском парке Гжатска.

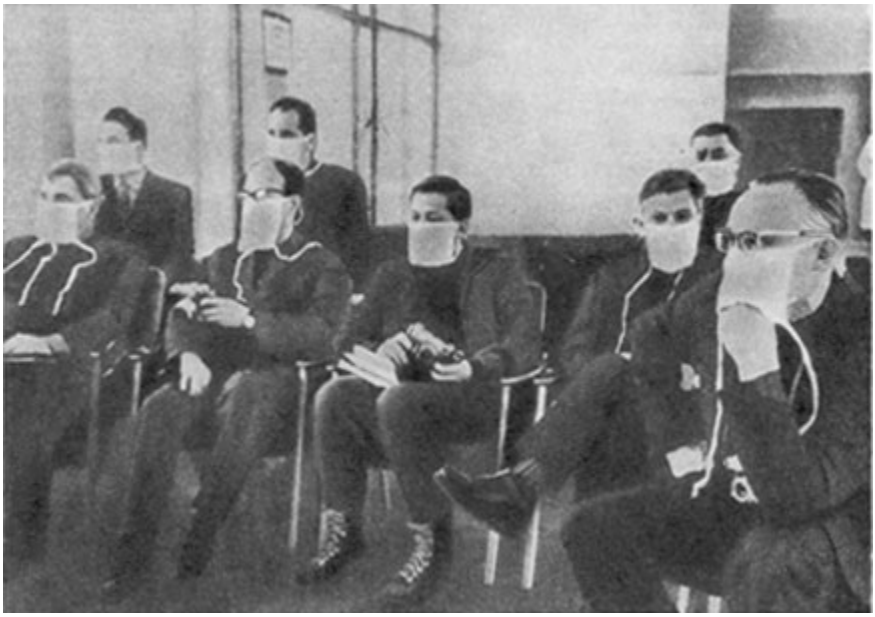
Редкие минуты отдыха: Ю. А. Гагарин, А. Г. Николаев и В. М. Комаров на охоте.

Ю. А. Гагарин с дочкой Галей (1968 год).

Командир отряда космонавтов А. Г. Николаев и командир корабля «Союз-3» Г. Т. Береговой рассказывают радиослушателям о предстоящем полете «Союза-3».

Космонавт Г. Т. Береговой направляется к космическому кораблю.

«До встречи на родной земле!»



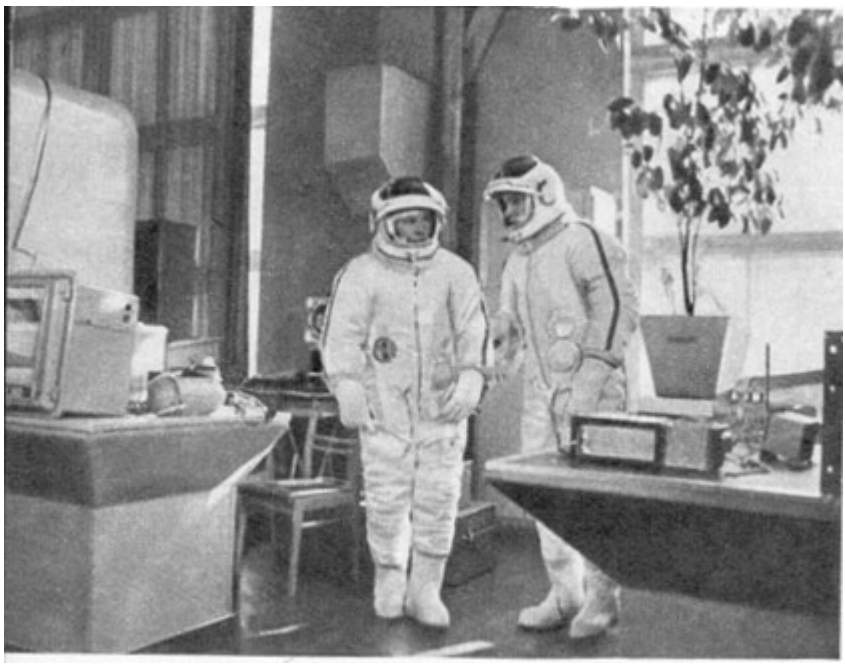
Врачи тщательно оберегали космонавтов от гриппа. Так выглядели журналисты на пресс-конференции.

Задание Родины выполнено. Г. Т. Береговой рапортует о полете руководителям партии и правительства.

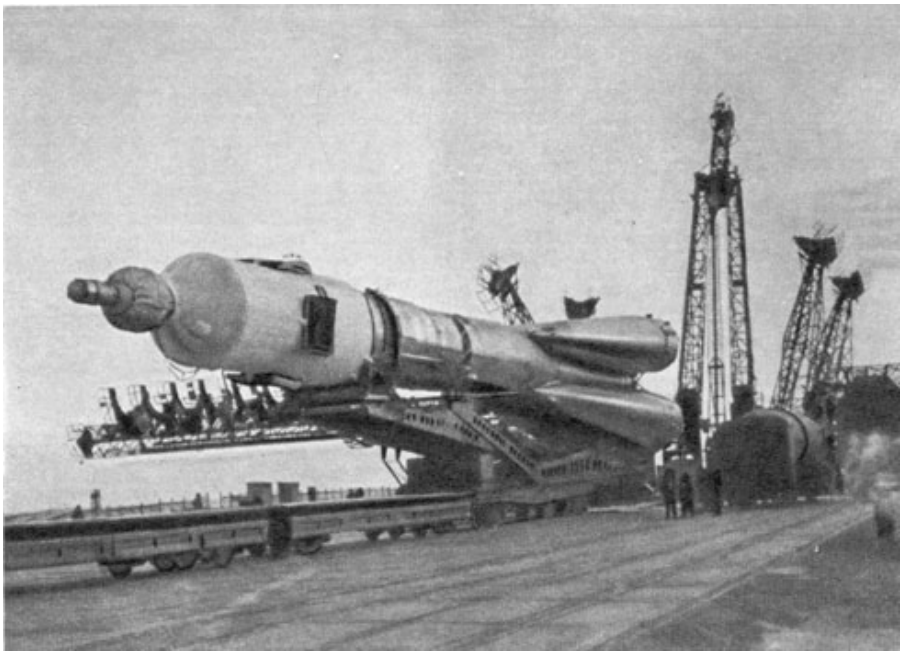
Георгий Тимофеевич Береговой, командир корабля «Союз-3».

Г. Т. Береговой с сыном Виктором.

Космонавт Б. В. Волынов готовится к полету на «Союзе-5».



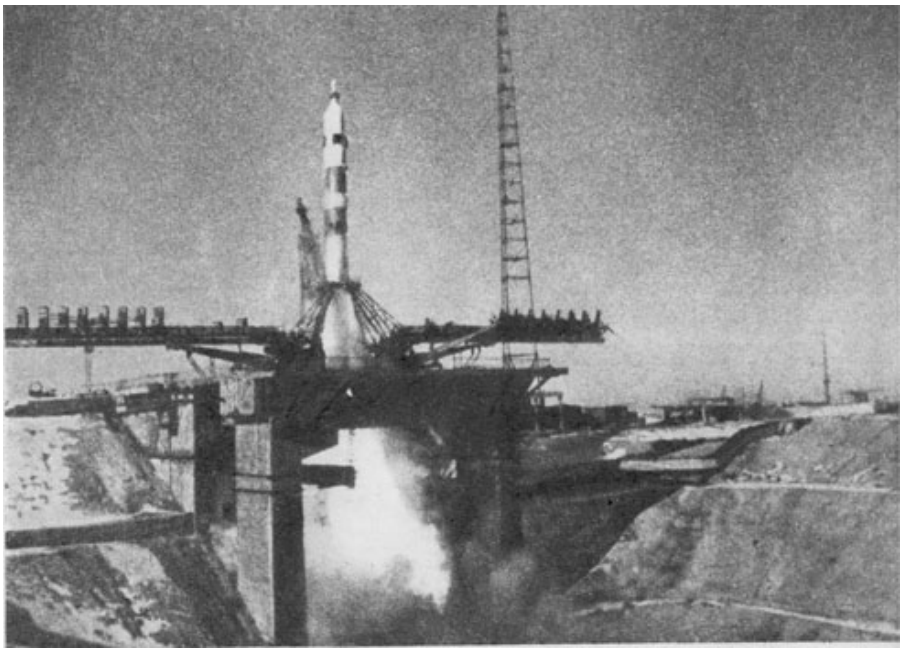
Космонавты А. С. Елисеев и Е. В. Хрунов в космических доспехах. Им предстоит выйти в открытый космос. А пока — тренировки в термобарокамере.



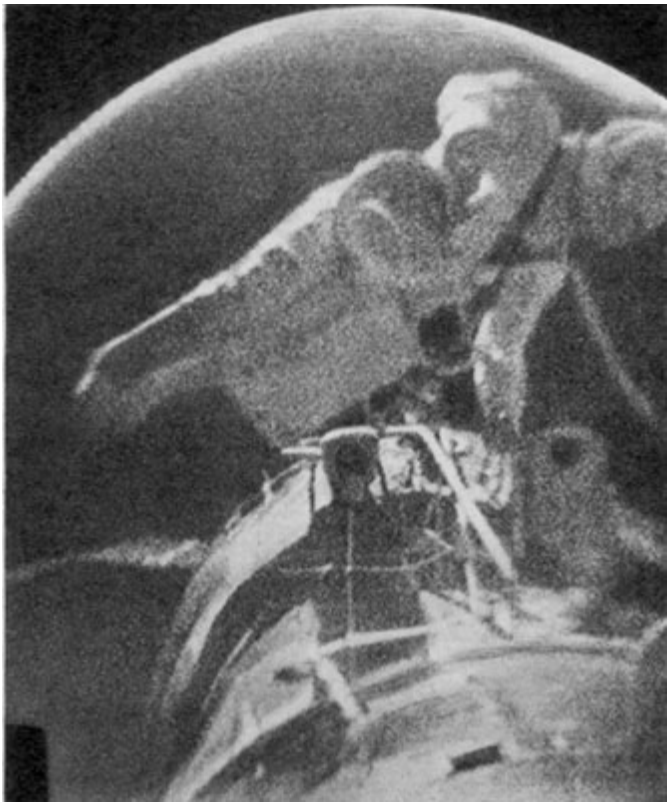
Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-5» на пути к стартовом устройству.

Космонавт В. А. Шаталов в космическом полете иа корабле «Союз-4»

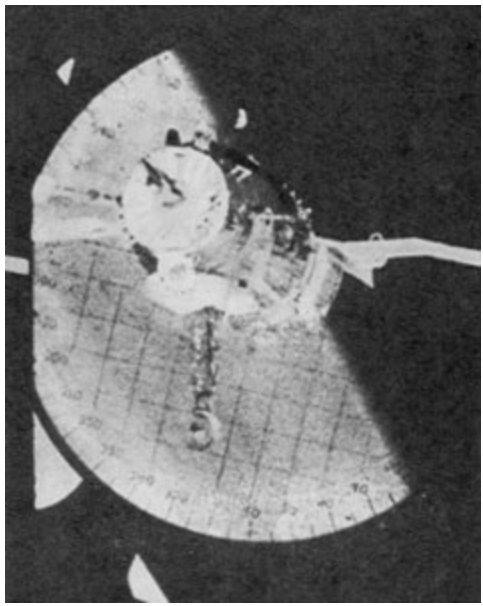
Экипаж корабля «Союз-5». Слева направо: Е.В.Хрунов, Б.В.Волынов и А.С.Елисеев



Только что прозвучала команда «Пуск!»



Космонавт А. С. Елисеев в открытом космосе.



До встречи на Земле. Космический корабль «Союз-5» после расстыковки.

Борис Валентинович Волынов, командир «Союза-5».

Евгений Васильевич Хрунов. Вместе с бортинженером А. С. Елисеевым 16 января 1969 года он совершил переход через открытый космос из космического корабля «Союз-5» в космический корабль «Союз-4».

Космонавт Б. В. Волынов угощает свою дочь Таню космической едой.

В кругу семьи. Летчик-космонавт В.А.Шаталов с сыном Игорем и дочкой Леной.

В часы досуга Е.В.Хрунов с сыном Валерием и женой Светланой Александровной.

Мягкий свет ламп. Вдоль стен--столы. На них — пульты с электронной аппаратурой. На панелях вспыхивают разноцветные сигналы — красные, белые, зеленые... Бегут цифры на табло.

Идет отсчет времени.

В зеленоватое стеклышко перископа можно увидеть ракету. На экране телевизора — лица космонавтов.

Все говорят вполголоса. Подана команда:

— Ключ на старт!

Как будто заурчало какое-то разбуженное чудовище.

Видны клубы дыма. Заработали двигатели. Вот они вышли на главный режим. Ракета дрогнула и медленно уходит со старта.

Сильное пламя. Ракета как бы опирается на столб огня. Этот столб растет все выше, выше и несется вместе с ракетой. Огромный столб огня на глазах превращается в яркий хвост ракеты. Вот и он исчезает в облаках.

Ракета с космическим кораблем пробила толщу земной атмосферы.

Минуты и секунды пребывания космонавтов в космосе тщательно продуманы и рассчитаны заранее. Программа делает их работу спокойной и уверенной и даже внешне неторопливой. Это достигается четкой работой систем корабля и всех служб, обеспечивающих полет.

Невидимыми, но очень надежными нитями связан корабль с Землей.

Получен первый доклад командира корабля Беляева.

Быстро обработаны данные телеметрических измерений и подготовлено первое сообщение.

С первых минут Земля по показаниям телеметрических систем следит за работой, состоянием космонавтов, корабля. Медики анализируют данные, беспрерывным потоком поступающие с борта. Техников, естественно, кроме того, волнует работа различных систем.

Я представляю, что сейчас в Москве, в нашем Радиодоме на Пятницкой!

Диктор спешит в студию, срочно меняется вся программа, беспрерывно звонят телефоны, лихорадочно стучат телетайпы.

«Говорит Москва!

Работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение. Передаем сообщение ТАСС».

В Москву на разных языках летят телеграммы с пометкой «Молния»:

Нью-Йорк. Американские информационные агентства АП и ЮПИ прервали свои обычные передачи, чтобы передать как самую срочную новость сообщение о выводе на орбиту советского космического корабля «Восход-2».

Лондон. Как только Москва сообщила о запуске очередного космического корабля, агентство Рейтер немедленно передало экстренную телеграмму в английскую столицу, а радио тут же выпустило ее в эфир.

Лондонские вечерние газеты начали переверстывать свои первые страницы.

Париж. Телетайп агентства Франс Пресс, выстукивавшей очередное важное сообщение из Южного Вьетнама, внезапно, прямо на полуслове, остановился. Потом вновь заработал: «Молния — Советский Союз запустил космический корабль с двумя космонавтами на борту».

«Восход-2» продолжает полет. Стрелка часов приближается к 11.30. На космодроме вспыхнули голубые экраны. Вот на экране появился силуэт нашей планеты, потом борт космического корабля.

Динамики на космодроме выведены на полную мощность.

Минуты выхода Алексея Леонова из корабля. К этому готовились долгие месяцы. И вот... Люди верят в технику. Но техника остается техникой... Как она сработает?

Тесно в комнате, где стоят телевизоры. Тихо. И вдруг радостные голоса:

— Показался!

— Вышел!

— Машет рукой!

Сергей Павлович, счастливо улыбаясь, говорит:

— Молодец, Леонов! Хорошо!

ГОЛОС БЕЛЯЕВА ИЗ КОСМОСА. Человек вышел в космос. Человек вышел в космическое пространство.

Лаконичны строки сообщения ТАСС:

«На втором витке полета второй пилот летчик-космонавт подполковник Леонов Алексей Архипович в специальном скафандре с автономной системой жизнеобеспечения совершил выход в космическое пространство, удалился от корабля на расстояние до пяти метров, успешно провел комплекс намеченных исследований и наблюдений...»

— Я вышел из корабля, и меня охватило сразу чувство какого-то бескрайнего простора, — вспоминал потом Алексей Архипович.— Бездонный колодец внизу. А если прямо под собой посмотреть — ровная плоскость. Стоит перевести взгляд на горизонт, как становится заметной такая ровная красивая линия одинакового спектра. Прямо над собой видишь черное небо. А солнце светится не лучами, как на Земле, а просто висит раскаленный диск. Без всякого ореола — вот как вклепано туда что-то такое. И все!

Все время я знал, что Паша за мной следит.

Была прямая связь. Я шел напрямую: Космос — Земля. С Юрием Гагариным разговаривал.

Отходил от корабля на расстояние до пяти метров.

Неожиданным было то, что корабль реагировал на мой отход, как говорят, адекватно. Я туда — он в другую сторону.

Видимость четкая. Вот на самолете я много летал, но такой видимости не было. Ясно видны балочки, речушки, овражки. Великолепно все видно!

Выход я начал, наверное, с Средиземного моря. Как только люк открыл и чуть-чуть толкнул его, то уже фактически вышел. Думаю; выйти совсем или не выйти? Но я дисциплинированный человек. Спрашиваю: когда?

«Подожди, — говорит Беляев, — не торопись». Наконец: «Ну, пошел!» И тут маленький такой толчок, и я, как стрелка, вылетел. Остановился, задержался. Выход прошел без всякого труда.

Как я вышел, сразу посмотрел: вот здесь побережье Черного моря, Кавказские горы... На побережье солнечном никого нет.

Я искал, думаю — может быть, какой-нибудь корабль увижу, следы. Не увидел ничего, быстро очень прошел. Видно было реку Волгу. Потом Урал. Я его не заметил, наверное, кувыркался в это время. А вот Енисей я хорошо заметил, Енисей, Иртыш. Хорошо!

И над Енисеем я получил команду от командира: «Войти в корабль».

— А как, Алексей Архипович, смотрится космический корабль из космоса?

— Серьезное такое зрелище. Точно так, как у нас в космических, в фантастических фильмах, показывают. Плавные движения... Корабль разворачивается... На меня смотрят объективы телекамер. Торжественность такая во всем этом!

— Как проходило возвращение в корабль?

— Возвращение проходило труднее, чем выход, потому что сказалась усталость, связанная с большой работой.

Мне Беляев подал команду, а я еще не могу войти. Потом, спустя некоторое время, я это дело обдумал, как лучше поступить. За ухо себя дернул мысленно! И вошел!

Все коммуникации впереди меня шли, прямо так плыли в корабль.

— Отдыхали долго потом?

— Нет, зачем же там отдыхать, там надо стараться. Занял рабочее место. Взял бортжурнал, описал все, чтобы не забыть, по свежим следам.

Когда Леонов вошел в корабль, на космодроме было общее ликование. Особенно рады конструкторы системы шлюзования, конструкторы скафандра. Все минуты выхода и входа в корабль у них было сплошь волнение. Но как только Леонов вошел в шлюз, напряжение несколько спало. Кто-то шутливо заметил:

— Теперь он наш. Никуда не денется!

После входа Леонова в корабль состоялось очередное заседание Государственной комиссии. На доске мелом были

написаны часы и минуты прохождения важнейших команд.

Программа полета близка к завершению. Наступает момент возвращения на Землю.

Кажется, все отработано до последней мелочи. Точнее часового механизма работали автоматические приборы на предыдущих космических кораблях.

На семнадцатом витке с командного пункта Главный конструктор предупредил экипаж «Восхода-2»: «Готовьтесь к заключительному этапу полета». В действие должна вступать автоматика. И вдруг обнаружены неполадки в работе системы ориентации.

А это значит, что включение тормозной двигательной установки, работающей по командам от системы ориентации, не произойдет...

Моментально смело улыбки с лиц тех, кто был на командном пункте. «Вас понял!» — спокойным голосом продолжает разговор Юрий Гагарин с Павлом Беляевым, а сам весь внимание — не сводит взгляда с Сергея Павловича Королева.

Руки Главного выстукивают марш...

Короткий совет, и Главный конструктор вместе с председателем, с членами Государственной комиссии принимают решение: «Разрешить посадку посредством ручного управления».

Уточненные расчеты передаются командиру корабля Беляеву.

— Включено было ручное управление в точно заданное время, — вспоминал Павел Беляев. — Все расчетные данные оказались правильными. Все сработало очень хорошо, четко.

Корабль снижается, приближается к южным границам нашей страны. На командный пункт поступают сведения: корабль вошел в плотные слои атмосферы. Корабль видят локаторы. Сработали парашюты...

Наконец морзянка: «В. Н.», «В. Н.» — «Все в норме», — сообщают космонавты. Теперь можно вздохнуть облегченно тем, кто провожал их в полет.

Прошу Сергея Павловича сказать несколько слов радиослушателям. Сергей Павлович соглашается. Всюду люди. Утихомирить их нельзя. Зашли, чтобы никто не мешал, в комнату машинистки.

— Надо сказать, что первый выход человека в космос — это событие в космическом исследовании, очень крупное, событие, которое проложит новый путь к большому направлению в разработке космических аппаратов и в космических исследованиях.

Трудно представить космический корабль ближайшего будущего, из которого члены экипажа не могли бы выйти в

космос для самых различных целей. Не говоря уж о том, что подобная возможность значительно повышает надежность и безопасность, особенно при длительных полетах.

Поэтому первый опыт, который столь блестяще выполнен членами экипажа товарищами Беляевым и Леоновым, и первый шаг в космос, осуществленный подполковником Леоновым с высоким знанием техники, и полностью выполненная программа, имеет огромное значение для будущего и, в частности, для наших разработок.

А новых героев с нетерпением ждали на космодроме.

После встречи на аэродроме — торжественный проезд по городку. В гостинице суматоха.

— Милые, хорошие, дорогие, как родных прошу — не мешайте! — тараторит празднично одетая официантка и, словно клуша крыльями, размахивает руками. — Героев, героев встречаем, милые, хорошие!

Суетятся фоторепортеры. Юрий Алексеевич Гагарин хохочет. Уж очень озабоченные лица у всех журналистов!

Подражая репортерам, Гагарин подходит к Леонову и, чуть изменив голос, спрашивает:

— Какие ваши планы на будущее? Что вы хотите сказать читателям «Комсомольской правды»? Ваши пожелания...

Леонов подхватывает шутку. Друзья заразительно смеются.

После короткого отдыха — встреча журналистов с членами Государственной комиссии. Время позднее, уговорились не касаться вопросов технического порядка, только впечатления от полета!

Но каждому конструктору не терпится узнать о работе своей системы, и вопросы задают со смыслом.

Вдруг неожиданно слышится голос С. П. Королева:

— Алексей Архипович, земной шар — он круглый? Леонов отвечает, что если прямо из космоса смотреть на Землю, то нельзя сказать, что она круглая, а если на горизонт посмотреть, то дуга...

«Земля — она круглая?» Да, когда знаешь мало, то все тебе ясно, а когда знаешь много, то кажется, что ты ничего еще толком не знаешь...

Диалектика... Процесс познания в действии... Владимир Ильич Ленин сделал заметки, конспектируя книгу Гегеля «Наука логики»: «От живого созерцания к абстрактному мышлению **и от него к практике** — таков диалектический путь познания **истины**, познания объективной реальности».

ЗА КАДРОМ

Не знаю более мужественной и ответственной работы, чем у специалистов космодрома. Они запускают в небо ракеты с космическими кораблями, в которых находятся люди...

Трудно придумать профессию более тяжелую, более сложную, более умную, чем у создателей космической техники. Эти люди сумели все земное, все, что подвластно сегодня мысли и рукам, взять на вооружение и дерзнуть проникнуть туда, где нет жизни, где нет воздуха, где холод и жара.

Люди дают пионерам освоения Вселенной — космонавтам — хлеб, воду, умные механизмы, любовь, заботу. Космонавтам — почет и слава. Космонавтам — трудная работа и риск...

Космонавтика сразу стала делом всего народа. Велика ответственность каждого, кто прикоснется к ней.

Назначение журналистики — нести людям рассказ о фактах, о событиях, явлениях.

Каждое слово о космосе слушают с особым вниманием. Ведь в каждом человеке живет мечтатель! И нет на Земле человека, который не смотрел бы на звезды...

С каждой поездкой на космодром становилось работать труднее и легче. Труднее — потому что опасаешься повторений, а легче — потому что «врастаешь» в тему.

Меня всегда беспокоит не только то, что я скажу в репортажах о героях событий, но и то, что они скажут о репортаже.

Наши журналистские стереотипы, которые быстро родились с началом космонавтики, стали предметом шутки на космодроме.

Как-то широко и торжественно (разумеется, в местных кругах) отмечалось пятидесятилетие одного ученого, связанного с космосом. Сотрудники решили подготовить «капустник». За основу шуточного приветствия были взяты все штампы, которыми пользовались журналисты. Все разыгрывалось так, как освещали бы радио, газеты, журналы это событие, если бы юбиляр был членом космического экипажа. Друзья юбиляра даже попросили Ю. Б. Левитана зачитать шуточное сообщение ТАСС, поехали к нему со своим магнитофоном...

И среди разных шуток была там и такая.

Актовый зал МГУ. Собравшиеся с напряженным интересом слушают... (называется имя юбиляра). Он отвечает на вопросы журналистов.

«Вопрос корреспондента журнала «Сад и огород»:

— Во время космического полета, как сообщало радио, в тубе было варенье из смородины. Вопрос: из какой смородины вы ели варенье, из красной или черной?

Юбиляр долго советуется с председательствующим, подходит к микрофону и с открытой космической улыбкой говорит:

— Из хорошей смородины, товарищи!

В зале вспыхивают аплодисменты».

Говорят, что С. П. Королев смеялся больше всех.

Журналисты тоже не оставались в долгу. Им, как правило, редко и мало удавалось беседовать с космонавтами. Родилась пародия на репортаж:

«Звездный городок...

Все здесь обычно и необычно... Кажется, что вековые сосны свои ветви распростерли прямо в небо. Здесь, по этой аллее, ходили космонавты. Простые и земные. Земные и особенные. С волнением мы подходим к дежурному, а он, внимательно выслушав нас, отвечает просто, по-земному: «Надо подождать. Может быть, даже придется перенести встречу — космонавты после сна отдыхают...»

В каждой шутке есть доля правды...

После полета «Восхода-2», после выхода Алексея Леонова в космос, после того, как по радио прозвучали оперативные репортажи, было решено подготовить большой документальный очерк «Время, космос и мы». Работали над ним долго. Наконец работа была закончена, и я позвонил Сергею Павловичу Королеву. Дело в том, что в очерке много места занимали записи бесед с ним, и я считал нужным узнать его мнение.

Переписал пленку для любительского магнитофона и 29 мая 1965 года позвонил. С. П. Королев был в кабинете.

— Ну что делать с вами?.. Могу прослушать то, что относится ко мне.

— Передача звучит полтора часа.

— Я понимаю. Но я смогу прослушать только то, что относится ко мне.

— Тогда нужно слушать все!..

— Да?! Спасибо за желание побольше рассказать о нас. Но повторяю, бюджет времени ограничен. Сегодня буду работать до

победного. Завтра побуду дома часиков до одиннадцати, а в понедельник в три улетаю. Главный конструктор не принадлежит себе. Что же делать, как вам помочь?

Я сказал, что время терпит и, предвидя занятость Главного конструктора, предусмотрительно все переписал на магнитофонную ленту, которую и хочу передать.

— Молодец, что настойчив! Без этого нельзя в любом деле! Хорошо, я все прослушаю на космодроме. Куда прислать за пакетом?

Нет нужды подробно описывать мои переживания в эти дни. Я ждал ответа. Знал я и характер Главного. Кроме того, масла в огонь подлил один знакомый журналист. Он рассказал, что однажды слышал, будто «С. П.», познакомившись с какой-то передачей, где много внимания уделялось рассказу о Главном конструкторе, рассердился и сказал, что он автору не подаст руки.

Передача была моя...

В скором времени с космодрома пришел ответ. Трудно передать волнение, когда я вскрывал конверт.

«Глубокоуважаемый Юрий Александрович!

В последние дни мне удалось прослушать Ваш радиоочерк, записанный на магнитофонную пленку.

Ваш очерк доставил мне большое удовольствие и напомнил многие волнующие минуты нашей недавней работы.

Очерк составлен и скомпонован удачно, очень динамично и слушается с интересом.

Вместе с тем не могу удержаться, чтобы не высказать Вам некоторые пожелания или критические замечания.

Мне кажется, что очерк в целом значительно выиграл бы, если, кроме высказываний Главного конструктора, в нем были бы приведены еще и высказывания нескольких других товарищей, могущих представить интерес (например, несколько раз дать слово самим космонавтам... может быть, кому-либо из руководителей служб и др.).

Наименее удачной оказалась самая последняя часть очерка, посвященная заключительному этапу этого полета и посадке. Здесь, как Вы знаете, были свои трудности и свои особенности, но они, к сожалению, не нашли в Вашем материале никакого отражения.

Мне кажется, что было бы правильным разыскать сейчас те многочисленные записи на пленку, которые происходили в процессе переговоров в эти очень трудные последние два часа полета. Видимо, из этих материалов можно взять кое-что очень важное и интересное, правдиво показывающее столь необычные

условия, в которых заканчивался этот полет.

В заключение еще раз повторяю, что Ваш очерк мне понравился и его несомненно можно выпускать в эфир, даже без особых переделок, которые, впрочем, придали бы ему много ценного.

Большое Вам спасибо за доброе внимание, проявленное к нашим делам, крепко жму Вашу руку и желаю Вам успехов в Вашей дальнейшей деятельности, в том числе непосредственно в космосе.

Академик С. П. Королев.

6 июня 1965 года».

Сейчас можно признаться, что за кадром действительно осталось много интересного: предстартовые интервью, подробности, относящиеся к заключительному этапу полета и посадке. Прав Сергей Павлович, заметив, что очень уж спокойно звучал мой рассказ об этих минутах.

Чтобы по-настоящему понять переживания людей, когда узнали, что система ориентации не сработала и команда не прошла, надо вспомнить эпизод, который произошел с одним из спутников. Это было в мае 1960 года. Запуск был предназначен для отработки и проверки систем корабля-спутника, в кабине которого потом будет находиться человек.

Все шло хорошо... И вдруг во время спуска подвела система ориентации. Она не смогла нормально сориентировать корабль. По стечению обстоятельств направление тормозного усилия, тормозного импульса, как его называют, получилось чуть ли не противоположным, и вместо уменьшения скорости корабля произошло ее увеличение. Корабль не снизился, а перешел на новую, более высокую орбиту.

Я напомнил об этом случае для того, чтобы читатель понял, что для конструкторов означали слова «команда на ТДУ не прошла».

Так как же проходила посадка «Восхода-2»?

Получен тревожный сигнал:

— Корабль сообщил: команда не прошла. Корабль крутится...

Сергей Павлович просит все повторить. Задумался.

Следует запрос по линии связи:

— Принято?

— Принято, — в раздумье отвечает Сергей Павлович.

В комнате шум.

— Тихо! — стукнул кулаком по столу. — Никаких разговоров! Как в боевой рубке. Если кто хочет сказать — поднять руку.

Гагарин спокойно продолжает разговор по служебной связи.

Королев создает сразу две группы.

— Идите думайте!

Сам внимательно изучает график полета:

— Если не сработает ручное управление, будем сажать на девятнадцатом витке!

Вдруг его вызывает Константин Петрович Феоктистов:

— На девятнадцатом не стоит сажать. Надо продумать, посмотреть телеметрию, проанализировать. Время есть. Можно посадить на двадцать втором или двадцать третьем.

— Уверен?

— Да.

— Всем! Разрабатывать также варианты 22 и 23!

На узле связи дежурил Владимир Михайлович Комаров. Он что-то сказал. Королев не расслышал.

— Комаров! Что у вас?

Владимир Михайлович встал и повторил, что, вероятно, отказала (называет какая) система.

— Это твои предположения или объективные показания?

— Так думаю.

Руки Сергея Павловича выстукивают марш. Гагарин устанавливает снова связь с кораблем: «У нас все в порядке, все идет нормально»...

Юрий Алексеевич внимательно слушает разговор на узле связи. Спрашивает, принял ли решение Сергей Павлович. Тот кивает головой.

— Как меня слышите? — снова вызывает корабль Гагарин.

— Хорошо слышу.

— «Алмаз!» Я — «Заря-1». Даем вам разрешение на ручной спуск. ТДУ основная. ТДУ основная. Как поняли меня? Прием.

— Вас понял.

— Разрешение на ручной спуск на исходящем витке. Выдержите точно. Данные у вас есть. Не спешите с включением ТДУ.

— Есть!

— Будьте повнимательнее, поспокойнее. Прием!

Наступили томительные минуты ожидания.

Наконец доложили:

— Все команды прошли!

Сергей Павлович берет микрофон:

— Рад слышать вас. Очень рад. Будем ждать дальше. По программе... Не будем спешить радоваться. Пусть подтвердят команды.

Борис Егоров толкает меня: «Молотки!»

Снова томительные минуты ожидания.

Наконец сообщают, что видели парашют. Потом приходит

сообщение, что космонавты по радио передали «В. Н.» — все в норме. Сигналы приняли несколько пунктов.

Помню, когда я просил Сергея Павловича подвести итоги полета у микрофона, то он ответил:

— Несколько слов скажу, но меня сейчас занимает Луна... Готовим очередной «лунник». Времени в обрез. Надо воспользоваться, что здесь много специалистов, и провести совещание...

На аэродроме мы спели Сергею Павловичу куплеты, сочиненные нами по поводу последнего полета. Наша песенка понравилась — другой-то не было! — и нам подпевали провожающие...

— Ну уважили! — смеется Сергей Павлович. — Я потом про вас, журналистов, обязательно напишу.

Задумался.

— Работа нас ждет сложная. Много вопросов будет с Луной.

ГРУСТНАЯ ГЛАВА

Для тех, кто работал с Сергеем Павловичем, траурное сообщение было неожиданным. Все знали, что Королев болен, что лег в больницу на исследование, что ему должны сделать несложную операцию, что настроение хорошее и скоро обещал прийти, перед больницей дал кучу заданий, звонил, проверял, ругал и...

«Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР с глубоким прискорбием извещают, что 14 января 1966 года на 60-м году жизни скоропостижно скончался крупнейший ученый и конструктор в области реактивной техники и космических исследований, член президиума Академии наук СССР, член КПСС, дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, академик Королев Сергей Павлович».

О величии человека говорят его дела. Делом всей жизни Сергея Павловича был космос. Нужно время, нужно расстояние, чтобы отдать должное его делам. Его целеустремленности.

В марте 1934 года, когда в селе Клушино, Гжатского района, Смоленской области, родился Юра Гагарин, Сергей Павлович Королев в Ленинграде на Первой Всесоюзной конференции по изучению стратосферы с большой уверенностью говорил о том, что можно и должно летать на аппарате с ракетным двигателем.

Через год, в апреле 1935-го, ровно за двадцать шесть лет до старта Ю. А. Гагарина, Сергей Павлович, обращаясь к писателю Я. И. Перельману, отмечал: «Я лично работаю главным образом над полетом человека...»

Нам, современникам, даже тем, кому выпало счастье знать Сергея Павловича, трудно по-настоящему оценить подвиг всей его жизни.

Основным штрихом в его портрете была черта, которая при характеристике человека называется трудолюбием, — взваливание на себя забот «выше человеческой меры».

Первая учительница рассказывала, что Сережа Королев был очень собранным и наблюдательным мальчиком. Он мог подолгу, серьезно заниматься делом. В его комнате была целая гора кубиков и различных дощечек. Он часами строил домики, мосты, башни.

О его юности товарищ вспоминает так: «Каким Сергей сохранился в моей памяти? Очень трудолюбивым. Рукава его рубашки были деловито засучены выше локтей. Да и весь он запомнился мне таким, готовым немедля взяться за трудное дело».

Он был одержим в работе и только в письмах своему большому другу — жене Нине Ивановне — позволял иногда посетовать на загруженность: «Мой день складывается примерно так: встаю в 4.30 по московскому времени, накоротке завтракаю и выезжаю в поле. Возвращаемся иногда днем, а иногда вечером, но затем, как правило, идет бесконечная вереница всевозможных вопросов до 1-2 часов ночи, раньше редко приходится ложиться».

В другом письме с космодрома он пишет: «Мы работали последние двое суток без перерыва...» Это письмо датировано 2 ноября 1947 года, когда в короткий срок конструкторы и испытатели провели одиннадцать пусков ракет. А накануне цикла испытаний Сергей Павлович писал жене: «Мне зачастую трудно, о многом думаю и раздумываю, спросить не у кого. Но настроение... неплохое, верю в наш труд, знания и нашу счастливую звезду».

Он ценил время свое и других. Перед пуском первых космических кораблей каждое утро в сборочном цехе проводил оперативки. Тщательно проверял выполнение суточных заданий, расписанных в почасовых графиках. Разговор вел жестко, был собран, в словах краток.

Теперь, когда, словно в калейдоскопе, перед глазами мелькают десятки, сотни лиц, когда вспоминаешь дороги и пыль, мороз и жару на космодроме, когда можно представить размах его работ, то невольно думаешь, какой же импульс исходил от Сергея Павловича, сколько он затратил энергии на научные поиски и инженерные решения, встречи, объяснения, споры, доказательства, убеждения, требования, чтобы за четыре года суметь пройти путь от спутника весом в 83,6 килограмма, до «Востока», вес которого с космонавтом составлял 4725 килограммов...

Большие космические свершения поднимали людей на праздничные демонстрации, главы правительств подписывали приветственные телеграммы в адрес нашего народа. Космонавтика стала делом многих. Академик Королев посвятил

ей всю свою жизнь.

Люди отдавали должное героям-космонавтам, но их воображение волновал и не перестает волновать тот, кого называли в газетах и по радио Главным конструктором. 18 января 1966 года непрерывным потоком шли в Дом Союзов, где была установлена урна с прахом Сергея Павловича Королева, рабочие, космонавты, учащаяся молодежь, ученые, воины Советской Армии.

Траурная процессия медленно направляется на Красную площадь, где собрались тысячи трудящихся столицы.

На траурном митинге президент Академии наук СССР академик М. В. Келдыш сказал:

— Наша страна и вся мировая наука потеряли ученого, с именем которого навсегда будет связано одно из величайших завоеваний науки и техники всех времен — открытие эры освоения человечеством космического пространства.

Страна затаив дыхание в скорбном молчании слушала Ю. А. Гагарина:

— С именем Сергея Павловича связана целая эпоха в истории человечества: осуществление первых полетов искусственных спутников Земли, первых полетов к Луне и планетам, первых полетов человека в космическое пространство и первый выход человека в космос. Многим хорошо известны огромный талант, твердая воля и замечательные душевные качества Сергея Павловича. Дружеское напутствие перед космическим полетом, деловые советы во время выполнения полета, умение принять правильное решение в любой обстановке — всем этим обладал наш дорогой Сергей Павлович.

В конференц-зале Академии наук состоялось заседание, посвященное памяти академика Сергея Павловича Королева.

В зале и за столом президиума те, с кем начинал работать Сергей Павлович, с кем делил радость творчества последние годы. У многих медали лауреатов Ленинской премии. Места заняли Леонов, Терешкова, Комаров, Попович, Николаев, Быковский, Беляев...

Вступительное слово сказал президент Академии наук СССР. Он предложил послушать пластинку с голосом Сергея Павловича. В зале молча слушали запись, которую мне довелось сделать на космодроме. Запись, которая прозвучала в радиопередаче «Время, космос и мы».

Михаил Клавдиевич Тихонравов вспомнил годы юности в ГИРДе:

— Не модно было тогда писать о межланетных путешествиях, но мы такие разговоры в ГИРДе вели. Помню тревогу Сергея

Павловича при запуске ракет: «Волнуюсь, остается доля риска, которая не дает покоя...»

О С. П. Королеве говорил член-корреспондент АН СССР Борис Викторович Раушенбах:

— У Сергея Павловича была линия — протаскивать свою идею через трудности. Я не видел в нем разницы в этом смысле и тогда, когда ему было тридцать, и тогда, когда было пятьдесят. У него оставался тот же характер. Любую техническую неудачу он рассматривал как личную. Он верил в неограниченные возможности человечества. Мне бы хотелось отметить три стороны его характера. Первое — целенаправленность. Через всю жизнь он пронес одну идею. Второе — одержимость. Он зажигал окружающих своей идеей. Он не любил то, что просто: «Этап пройден — надо идти дальше. Нечего ждать!» После спутника должен лететь человек. Спутник его уже мало интересовал... Технику он принимал как нечто личное. Если ему мешали законы физики, то он считал, что они мешают ему лично. Третье — это чувство коллективизма. Он понимал, что один в поле не воин. Освоение космоса — это дело всей страны. Он повсюду собирал энтузиастов. Он не выпячивал себя. «У меня простая работа, — любил пошутить в кругу друзей, — все делают другие. Я только подбираю специалистов, чтобы один подходил к другому».

Выступил и Владимир Михайлович Комаров:

— С первых встреч мы полюбили его как родного человека. Он нам открылся своей большой душой. Еще задолго до полета «Восхода» Сергей Павлович мне сказал: «Вам, инженер-капитан, быть командиром многоместного космического корабля».

Он был внимателен и чуток. Накануне нашего старта пришел к нам в домик. Поговорили, потом вышли на улицу, смотрели на звезды. Он сам хотел полетать на космическом корабле...

Сергей Павлович был человеком великого оптимизма. Он безгранично верил в дело, которому отдал свою жизнь. Его страстный оптимизм передавался и тем, кто собирался в полет. Мы были уверены, что все будет хорошо и почетное задание выполним. Трудно говорить о Сергее Павловиче в прошедшем времени. Ведь мы его любили как родного и близкого человека.

Трудно постичь таинство возникновения мысли ученого, проследить за ходом рассуждений, если они не оставлены на бумаге. Но часто бумага сохраняет только конечные выводы, формулы, расчеты. Интересен и поучителен ход рассуждений. Недаром А. С. Пушкин заметил: «Следовать за мыслями великого челозека есть наука самая занимательная».

Говорят, что Сергей Павлович видел детали в натуре, а не в чертежах. Дома всегда у него под руками были коробки с

пластилином. Лепил детали, макеты кораблей, а уже потом делал расчеты и чертежи. Дома тоже была доска с мелом...

Герой «Жизни во мгле» Митчела Уилсона рассуждал так:

«Талант находить простейшее в самом сложном — вот что необходимо настоящему ученому. Иной раз, когда я читаю о крупных теоретических открытиях, у меня бывает такое чувство, словно я вижу, как человеческий ум опускается в страшную трясину невежества и взлетает оттуда к блестящим достижениям. И поверь мне, для этого нужно особое мужество. Человек должен уметь доверять своей интуиции. Все говорят — иди и добивайся сам, но попробуй предложи идею — тебя засмеют. Значит, нужно еще уметь не бояться того, что другие говорят, и не бояться собственных суждений...»

Это рассуждения писателя. Сопоставим их с раздумьем о творчестве конструктора космических кораблей и ракетной техники. С. П. Королев говорил:

«Писатель пишет книгу всю сам, что-то зачеркивает, что-то вписывает. Захотел бы современный конструктор сделать все расчеты сам, когда проектируемый аппарат содержит десятки тысяч деталей, и превратился бы в кустаря. Для этого не хватило бы ни сверхчеловеческого ума, ни сверхчеловеческих сил.

Конструктору нельзя уподобиться певцу, который зажмурил глаза и сам себе поет. Конструктор должен ставить задачи, прислушиваться к мнению коллектива. Мы вот целым КБ ищем, просчитываем».

«Я любил со стороны наблюдать за ним, — вспоминал о С. П. Королеве один из конструкторов, участвовавших в разработке первого искусственного спутника Земли. — Зайдет он другой раз поздно вечером в цех, где на стапелях лежало громадное тело ракеты, отпустит сопровождавших его инженеров и конструкторов, остановит жестом руки нетерпеливо добивающихся его не в меру ретивых мастеров сборки, возьмет табурет, сядет поодаль и молча смотрит на ракету.

Лицо задумчиво-задумчиво. Сидит, молчит. Смотрит. О чем-то думает. И тут же, словно стряхнув с себя владевшие им только что мысли, резко встанет. Другое, совсем не такое, как минуту назад, лицо. И каскад категорических, бесспорных, четких указаний. Успевай только ловить их на лету. Не дай бог забыть. Вспомнит потом к случаю, и если забыл — пеняй на себя!»

Сергей Павлович — наш современник и в то же время человек, который, как истинный ученый, шел впереди века. Память о нем бессмертна. Вот почему мне, как и многим, дорого каждое воспоминание, каждая черточка, подмеченная теми, кто

его знал.

Сергей Павлович трудно сходился с людьми. Боялся разочароваться, иногда оправдывал их неверные поступки. Детство без отца, ранняя самостоятельная жизнь в юности не забывались, поэтому он был особенно внимателен к молодежи. К космонавтам относился не только как к испытателям космической техники, но по-отечески интересовался их жизнью, бытом, настоял на том, чтобы они учились в академии. В конструкторском бюро у него было несколько воспитанников, молодых людей, которые рано потеряли родителей или нуждались в помощи. Каждому помогал деньгами. Требовал отчета — как живешь, как учишься. Находил время для бесед.

Помогал семье рабочего, который погиб при испытаниях. Тяжело переживал гибель человека, с которым начинал дело.

Если на работе Сергей Павлович был сгусток энергии, то домой приходил утомленный. Почти двадцать счастливых лет с ним рядом была Нина Ивановна — жена, сердцем понимавшая, какую тяжелую ношу несет ее муж. Она была далека от формул, сложных расчетов, машин и механизмов, которыми он жил, но душой чувствовала и его настроение, и тягость забот, понимала его нервное напряжение. Она умела молчать, когда знала, что ему надо побыть одному. Она говорила ему то, что мог сказать только верный друг. Иногда тяжесть горячего спора он приносил домой вместе с обидой, нервничал, а она ему спокойно советовала: «Давай разберемся, может быть, и ты неправ»...

К. С. Станиславский сказал крылатую фразу о том, что режиссер умирает в актере. И если позволительно перенести эту мысль применительно к делам Сергея Павловича, то можно сказать, что Главный конструктор жил в космонавтах. Но режиссера во время премьеры вызывают на сцену! А Главный конструктор всегда был в зале...

Врожденный такт помог Нине Ивановне уберечь Сергея Павловича от невольно наносимых ран, от приторного вкуса тщеславия.

Она берегла его покой дома. Так было с первых дней. Они познакомились в 1947 году, когда она работала переводчицей, а он был главным конструктором одного из отделов института, занимавшегося проектированием ракет. Это потом пришли почет, звания. А тогда была однокомнатная квартира в стандартном доме, казенная мебель, простыни и подушки, любезно предоставленные завхозом приезжему сорокалетнему холостяку, пережившему не только тяготы войны.

Вскоре после женитьбы Сергею Павловичу выделили еще одну комнату, но он ее отдал старому другу по ГИРДу, который

бедствовал с жильем.

Душой отдыхал в кругу родных, где ценили его не за звания, не за заслуги, а за доброе отношение, где было принято уважать рабочего человека. Он обижался, если ему оказывали излишние знаки внимания, если вдруг уступали место у телевизора.

Нина Ивановна всегда была рядом. Утром, когда он уходил на работу, обязательно оглядывался на окна. Она всегда провожала его. Он ее — только однажды, в больнице, накануне операции, после которой им не суждено было увидеться. Проводил до лестницы, крепко обнял, поцеловал и сказал:

— Я не пойду дальше. А то ты, когда спускаешься с лестницы, машешь мне рукой и не смотришь на ступеньки — еще упадешь.

Он ценил внимание близких. Иногда говорил Нине Ивановне:

— Мало внимания я тебе уделяю... Нелегко тебе со мной...

— Что ты, Сережа!

— Знаю, трудно. Редко мы с тобой где-нибудь бываем. Хочешь, куплю билеты в театр? Все брошу, и пойдем вечером.

Но работа не отпускала. Звонил и извинялся:

— Сходи с кем-нибудь, пожалуйста. В следующий раз пойдем обязательно вместе...

Когда возвращался домой, то на тумбочке находил билеты с неоторванным контролем.

В субботу звонил домой: «Сегодня до победного, а завтра отоспимся». Приезжал домой часов в 11 вечера. Сил порой хватало только на то, чтобы мельком просмотреть газету. В воскресенье спал часов до десяти. После завтрака говорил: «Пойду в сад». Ложился с книгой на диван под картиной, где были нарисованы деревья. Нина Ивановна приносила подушку и плед. Часто засыпал с открытой книгой. Редко воскресные дни проводил дома целиком. После обеда говорил: «Съезжу на часик». Возвращался часа через три-четыре...

В редкие дни отдыха в санатории под Москвой или на юге не мог оторваться от раздумий. И, как бы извиняясь, говорил: «Трудно сразу отключиться».

Сергей Павлович имел пристрастие к старым вещам. Большого труда стоило Нине Ивановне заставить мужа поменять костюм. На космодром ездил почти всегда в одном и том же, «самом счастливом». Этот костюм не раз приходилось реставрировать, но отказаться от него Сергей Павлович не мог... Любил цветные рубашки. Носил их без галстука.

Привязанность к привычным вещам сказывалась в мелочах: всегда носил в карманах огрызки карандашей, изрядно потертый ластик... И всегда в кармане были две монеты по копейке. Может быть, по старой привычке авиатора считал, что они приносят

счастье! И когда потом, после операции, Нина Ивановна открыла шкаф, то увидела, что почти у всех пиджаков вывернуты карманы. Искал «счастливые монеты», искал свой «талисман».

Любил фотографироваться, хотя почти не имел фотографий. Как-то увидел, что его сфотографировал на аэродроме знакомый журналист. Звонит:

— А где снимки? Буду через час у себя, подвези...

Однажды без всякой видимой причины решил сфотографироваться. Достал медаль лауреата и Золотые Звезды Героя. Попросил жену подобрать костюм и галстук. Эта фотография и была опубликована в газетах вместе с некрологом...

Любил уменьшительные слова: «копеечки», «сердечко»... Перед операцией спрашивал у доктора, сколько лет может послужить его сердце.

Доктор растерялся и неуверенно сказал:

— Я думаю, лет двадцать.

Сергей Павлович немного помолчал, потом, словно высказывая мысли вслух, тихо промолвил:

— Мне хватило бы и десяти, хотя нужно еще многое сделать...

Первую в СССР крылатую ракету Сергей Павлович Королев испытал в полете в 1934 году, когда ему было двадцать семь лет.

Первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин стартовал в 1961 году, когда ему было тоже двадцать семь лет. Древние говорили:

В мире так живи, чтоб не кончалась жизнь твоя,
Чтоб и после смерти продолжалась жизнь твоя.

ПОЛЕТ В БЕССМЕРТИЕ

22 апреля 1967 года. Космодром.

На диване в холле гостиницы в синем тренировочном костюме сидит Владимир Михайлович Комаров. Немного задумчивый, сосредоточенный, он кажется усталым.

На Владимира Михайловича направлены кинокамеры. Администратор картины рядом с диваном «для антуража» поставил пальму.

До старта остается совсем немного, и, чтобы сразу удовлетворить запросы пишущих, говорящих и снимающих, решили провести одну общую пресс-конференцию.

— Владимир Михайлович, хотелось бы узнать о том, что вам дали два с половиной последних года. Как вы готовились к полету?

— Два с половиной года, прошедшие после полета корабля «Восход», были годами подготовки к новому полету. Корабль совершенно новый, я бы сказал, более сложный, чем те корабли, на которых летали мои товарищи и друзья, и на котором я летал в прошлый раз вместе с Константином Петровичем Феоктистовым и Борисом Егоровым.

— А чем отличалась эта подготовка от предыдущей?

— Мы очень много занимались. Занимались на заводах, в различных конструкторских бюро, в лабораториях. Изучали те системы и оборудование, которые предполагалось поставить на новом корабле. Сама подготовка существенно не отличалась: обычная наша, повседневная работа в центре подготовки, где мы работаем, где занимаемся и готовимся к очередным полетам.

— Вы говорите, что это «обычно». И все-таки ваша профессия-то необычная, редкая пока профессия...

— Ну, я не знаю, как говорить об этом, о профессии. Когда вот впервые летал Юра Гагарин, тогда это было как-то все необычно. И мы волновались. Не знали, как пойдет наша работа дальше. А сейчас, после того, как было сделано несколько полетов на кораблях «Восток» и «Восход», когда мы уже вполне определенно можем сказать, что работать и жить в условиях космического пространства можно, наши полеты становятся... ну, обычными в какой-то мере.

И в то же время, конечно, необычными, потому что вот, например, предстоящий полет необычен тем, что это будет полет на новом корабле, значительно отличающемся от тех кораблей, на которых мы летали. И даже по размерам своим отличающемся.

— Владимир Михайлович, как ваши занятия в адъюнктуре?

— Вы задали такой вопрос, на который ответить трудно.

— Сложно сочетать учебу?

— Трудно, конечно, потому что подготовка полета отнимала все время и мы действительно были заняты, как говорят, с утра и до позднего вечера. И поэтому в учебе наступил некоторый перерыв.

— Понятно. Еще вопрос. Как ваша семья относится к тому, что вы летите второй раз в космос?

— Когда я собирался в первый полет, у меня жена узнала о том, что я должен лететь, только после того, как был произведен пуск корабля. Сейчас она тоже определенно не знает. Но по тому, как шла работа у нас в центре, по тому, что уезжали многие товарищи по своим служебным обязанностям, она тоже догадывается, что полет должен быть. Но что я должен отправиться в полет, она этого не знает.

Старт «Союза» был назначен на рассвете.

В голубых лучах прожекторов, дымящаяся, в белом инее, виднелась ракета-носитель и обтекатель космического корабля. На черном фоне неба — серебряные силуэты людей.

Автобус с космонавтами пришел за два часа до старта. Комаров легко, молодцевато выпрыгнул из машины. Строевым шагом направился к членам Государственной комиссии:

— Товарищ председатель Г осударственной комиссии! Летчик-космонавт Комаров к полету на космическом корабле «Союз» готов!

Вместе с Комаровым приехали Гагарин, Леонов, Николаев...

Плотно окруженный людьми невысокий человек в серых брюках и голубой куртке не спеша пошел к ракете. Остановился.

— Желаю счастливого полета!

Крепкие мужские объятия...

— Счастливого полета!

— До свидания!

Вместе с Комаровым в кабину лифта входит Гагарин.

Лифт медленно ползет к вершине ракеты. Вспыхивают аплодисменты — на верхней площадке прожектора высветили голубую куртку.

Руки Комарова сжаты в приветствии над головой.

Поклон вниз, Земле, людям. Еще приветственный взмах рукой, и он идет в корабль...

Пустеет стартовая площадка.

Начинается переключение телевизионных камер.

Из дикторской кабины хорошо видна ракета. Вот-вот должно появиться солнце. Но оно не успеет! Человек сам пойдет навстречу солнцу!

Томительные минуты ожидания.

Я в первый раз вижу готовую к старту ракету на экране телевизора, точнее — на экране монитора. Пытаюсь подобрать сравнение. Ничего не получается... Ракета похожа, когда крупным планом показывают ее отдельные части, на стоящий под парами паровоз. Конечно, «паровоз» — слово не к месту, но тогда другого не нашел...

Режиссер переключает камеры, скользит по ракете вверх, вниз, то остановится на каком-то узле, то ищет лучший ракурс.

Наконец камеры замирают на общем плане. Во весь экран — ракета.

Объявляется минутная готовность.

Осталась минута до начала набора стартовой схемы. А до истинного, видимого взлета ракеты-носителя от стартовой площадки остается около четырех минут.

Слышна команда: «Ключ на старт!» По этой команде подготавливается к работе система автоматического включения двигателя.

Руководитель пуска дает команду закрыть дренажные клапаны. Топливные баки полностью изолированы от атмосферы. Прекращается парение. Вспыхивает пламя. Раздается все заглушающий победный гром.

Мы видим клубы дыма. И освобожденная ракета яркой звездой с нарастающим грохотом медленно отрывается от стартового стола. Расступаются облака, которые окутывали небо. Расступаются пронизанные пламенем ракеты. Виден четкий инверсионный след.

И очень спокойный голос Комарова:

— Я — «Рубин», все хорошо, перегрузки совсем небольшие. Обтекатель отделился... Сейчас открою шторки иллюминатора... Черное небо. И в левом, и в правом иллюминаторе черное небо... Солнце где-то подо мной, сзади...

Что думают, что испытывают сейчас те, кто окружает нас? Мои товарищи. Оглядываюсь. Все спокойны и как-то необычно сдержанны...

— Полет нормальный! Машина идет устойчиво. Давление в камере сгорания в норме.

В космосе и на Земле с космическим кораблем «Союз» шла напряженная работа.

У всех вызывала одобрение работа Комарова, его четкие, деловые доклады и квалифицированная оценка технических характеристик «Союза». На девятнадцатом витке было принято решение совершить посадку.

Все шло по графику, отлично сработала тормозная

двигательная установка, где-то над Африкой Комаров докладывал о ходе полета.

Я видел, как люди готовились к завершению трудной работы.

Ни у кого не было мысли, что беда может случиться у порога родного дома.

Последние минуты ожидания превратились в часы. Все ходили поникшие, разговаривали вполголоса.

Из комнаты узла связи вышел человек. В глазах слезы. Сдерживая рыдание, сказал:

— Все. Конец...

Машины с космонавтами, члены Государственной комиссии рванулись на аэродром.

В сообщении ТАСС о «Союзе» была указана причина гибели космонавта: «...После осуществления всех операций, связанных с переходом на режим посадки, корабль благополучно прошел наиболее трудный и ответственный участок торможения в плотных слоях атмосферы и полностью погасил первую космическую скорость.

Однако при открытии основного купола парашюта на семикилометровой высоте, по предварительным данным, в результате скручивания строп парашюта космический корабль снижался с большой скоростью, что явилось причиной гибели В. М. Комарова».

В космосе еще много неизвестного людям. Дорога первых — трудная дорога. Исследователя ждут многие испытания. Вот что писали газеты о гибели экипажа космического корабля «Союз-11».

«29 июня 1971 года экипаж орбитальной научной станции «Салют» полностью завершил выполнение программы полета и получил указание совершить посадку...

В 21 час 28 минут по московскому времени корабль «Союз-11» и орбитальная станция «Салют» расстыковались и продолжали дальнейший полет раздельно. Экипаж корабля «Союз-11» доложил на Землю, что операция расстыковки прошла без замечаний и все системы корабля функционируют нормально.

Для осуществления спуска на Землю 30 июня в 1 час 35 минут после ориентации корабля «Союз-11» была включена его тормозная двигательная установка, проработавшая расчетное время. По окончании работы тормозного двигателя связь с экипажем прекратилась.

В соответствии с программой после аэродинамического торможения в атмосфере была введена в действие парашютная система и непосредственно перед Землей — двигатели мягкой посадки. Полет спускаемого аппарата завершился плавным приземлением его в заданном районе.

Приземлившаяся одновременно с кораблем на вертолете группа поиска после вскрытия люка обнаружила экипаж корабля «Союз-11» в составе летчиков-космонавтов подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Волкова Владислава Николаевича, инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича на своих рабочих местах без признаков жизни...

После изучения записей и параметров полета космического корабля «Союз-11» установлено, что до участка спуска полет корабля проходил нормально. Космонавты Добровольский, Волков, Пацаев действовали в соответствии с программой полета.

На участке спуска корабля за 30 минут до приземления произошло быстрое падение давления в спускаемом аппарате, что привело к внезапной смерти космонавтов. Это подтверждается медицинскими и патологоанатомическими исследованиями.

Падение давления явилось следствием нарушения герметичности корабля. Осмотр спускаемого аппарата, совершившего мягкую посадку, показал, что в его конструкции разрушений не имеется.

Технический анализ позволил установить ряд предположительных причин разгерметизации...»

В большом деле нельзя останавливаться на полпути. За первым идет второй, обогащенный опытом первого. Так было, когда осваивали океан, так было, когда осваивали Арктику, так было, когда осваивали авиацию... Так было, так будет. Путь первых всегда тернист. Поэтому они в памяти народа. А память народа бессмертна.

Когда Владимиру Комарову было двадцать лет, он в письме своему другу писал:

«...А время все бежит и бежит... Меня, Женя, удивляет, что нет ему, времени, конца. Вот нас уже не будет в живых, от нас не останется и праха, расстанутся с жизнью миллиарды поколений, а время все будет идти вперед... Время бесконечно, и в сравнении с ним жизнь человеческая очень коротка (часть атома, протон в сравнении со слоном или китом). Да и сравнить-то нельзя. Что может сравниться с бесконечностью! Так мизерна, так коротка человеческая жизнь!.. Сумею, вернее, успею ли я сделать хотя бы капельку нужного, полезного дела?..»

Владимир Комаров погиб при исполнении своего долга в сорок лет.

Всенародная слава к нему пришла, когда ему было тридцать семь.

Он много работал, редко бывал дома. Ему была чужда поза. Он был прост и сложен. Спокоен в своем нелегком научном поиске, который сейчас продолжают другие. Им будет легче.

Впереди шел Комаров. В отряде космонавтов он был старшим, знал и умел больше других. Его намеревались списать из отряда по здоровью — барахлило сердце, но он доказал, что у него крепкое сердце! Он перенес операцию — последствия тяжелой работы в юности (надорвался на лесозаготовках) — и доказал, что и это не помеха для летчика-космонавта. Его путь к звездам был тернист. Каждый шаг давался с трудом. Но он шел, уверенный в своих силах. Рядом был настоящий друг — жена. Радость доставляли дети, Рядом были товарищи.

После первого полета Владимир Михайлович у микрофона радио говорил: «Прежде всего нужно обработать научные материалы, которые мы получили во время полета. Надо обобщить их...»

После его полета на «Союзе» это сделали другие.

Были внимательно изучены все магнитофонные ленты переговоров, журналы дежурных на постах слежения, лабораторные анализы, столбики цифр.

Научный поиск продолжался. Об отдельных его этапах сообщало ТАСС:

«...В Советском Союзе произведен очередной запуск искусственного спутника земли... На борту спутника установлена научная аппаратура, предназначенная для продолжения исследований космического пространства...»

ПИЛОТУ НЕЛЬЗЯ НЕ ЛЕТАТЬ

Наступил октябрь 1968 года.

Все началось с телефонного звонка:

— Собирайся! Принято решение вести репортаж не только по радио, но и по телевидению. Придется тебе лететь раньше других журналистов.

В установленном месте встретился с попутчиками. Мои старые знакомые связисты в командировку летят налегке, в руках один портфель.

Собрались все пассажиры, и мы гуськом направляемся на посадку. Несколько часов полета — и под ногами земля космодрома.

Как изменилось все вокруг! Там, где стоял деревянный домик, — замечательное здание аэровокзала. На летном поле много самолетов. На привокзальной площади — стоянка автомашин. Как много чувств и воспоминаний нахлынуло сразу! Вот здесь встречали после полета самолет с «тройкой»: Комаровым, Феоктистовым и Егоровым! Сюда возвращались из космических рейсов все космонавты. Здесь смеялся и шутил Гагарин. Отсюда провожали Сергея Павловича в Москву. Сюда прилетали нарядные стюардессы с цветами, чтобы сопровождать героев космоса до внуковской дорожки славы.

Город. Заметно подросли деревья. На улицах много молодежи. На центральной площади новое здание гостиницы. Она так и называется — «Центральная».

Вечером пошли гулять по городу. Не сговариваясь, направились в сад, где была старая гостиница, где когда-то останавливались космонавты. Шуршат осенние листья под ногами. Вокруг фонарей вьются запоздалые бабочки. Изредка ветер донесет крик ночной птицы, и снова тишина.

Мы долго молча ходили по саду. Вот здесь была волейбольная площадка. Сейчас участок зарос травой, не осталось и столбов для сетки. Сосна, которую посадил Юрий Гагарин сразу после полета, вымахала так, что не достать до

верхушки.

Вот у этой калитки мальчишки устраивали постоянное дежурство, чтобы увидеть Гагарина. Если ребят собиралось много и ждать им надоедало, то они кричали хором: «Гагарин, Гагарин!»... Сейчас, когда слышу пахмутовскую «Нежность», то слова «Опустела без тебя Земля», мне кажется, звучат, как реквием...

Опустела без него Земля 27 марта 1968 года.

Н. П. Каманин, выступая у микрофона Всесоюзного радио, сказал:

— Не хочется верить, но среди нас нет уже того, кто первым из людей Земли открыл человечеству дорогу в космос. Погибли Юрий Алексеевич Гагарин и наш общий друг, отличный летчик Серегин Владимир Сергеевич.

27-го числа в 10 часов 19 минут по московскому времени товарищи Гагарин и Серегин поднялись с подмосковного аэродрома в тренировочный полет. Они взлетели благополучно. Пришли в зону для выполнения пилотажа. Зона пилотажа находилась над городом Киржач, Владимирской области. Выполнили задание. Гагарин доложил:

— Задание выполнил! Иду на аэродром...

Высота полета была около четырех тысяч метров. Удаление от аэродрома на 50 — 60 километров. Через минуту руководители полета пытались вновь установить связь с самолетом, но самолет не отвечал. Локаторы еще продолжали проводку самолета. Локаторы еще видели самолет несколько минут.

Потом пропала отметка и на локаторах. Руководители полета начали беспокоиться за судьбу экипажа и самолета. Были подняты по тревоге все средства обнаружения самолета — и в воздухе, и на земле.

Одному из вертолетов, который участвовал в поиске, удалось обнаружить обломки самолета в 17 километрах от города Киржач, в лесу.

Очевидно, самолет с очень большой скоростью, под углом примерно 65 — 70 градусов, врезался в землю. Самолет от удара разрушился, экипаж погиб.

Многие тогда говорили с горечью: не уберегли, не доглядели...

— Вопрос, с моей точки зрения, с точки зрения космонавтов, с точки зрения летчиков, неестественный, — сказал Н. П. Каманин. — Это все равно, что пловцу задать вопрос: а зачем ты плаваешь? Летчик и космонавт не представляют себя без полетов.

...В тот мартовский день 1968 года микрофон радио был

включен на Красной площади. Слова прощания, прощания с дорогим человеком.

Ушел из жизни человек-легенда. Не стало Юрия Гагарина. Коротка, но прекрасна была жизнь этого человека, с необыкновенной, солнечной, доброй улыбкой, поразившей мир. Он сразу стал нашим национальным героем, увидеть которого считали за великую честь коронованные особы в разных частях света. Они считали за честь быть представленными сыну смоленского крестьянина, воспитаннику рабочего класса, человеку в мундире офицера Советской авиации.

Сегодня Гагарин уходит в бессмертие.

В эти минуты люди Земли произносят слова прощания на разных языках.

Москва встречала тебя молодым майором, вышла проводить тебя, молодого полковника. Ты в нашем сердце, ты в нашей памяти. Вечно.

...На месте гибели нашли бумажник Гагарина. В кармашке бумажника была фотография Сергея Павловича Королева. Он носил ее всегда с собой.

...Юрию Алексеевичу Гагарину, как и Валерию Павловичу Чкалову, было суждено прожить тридцать четыре года...

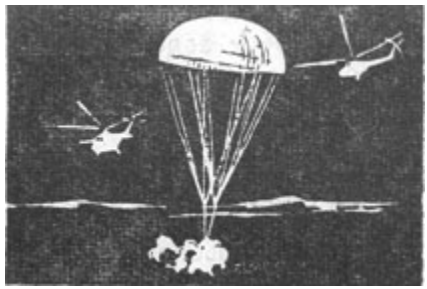
Как-то среди друзей зашел шутливый разговор о том, кто и что будет делать в 2000 году. Говорили о полетах к звездам. Гагарин, заливаясь смехом, шутил, что ему, «дедушке русской космонавтики», придется быть директором детского космодрома «Байконур». Ведь к тому времени обязательно будут детские космодромы, так же как сейчас — детские железные дороги!

Ему было трудно представить себя стариком...

В литературно-художественном альманахе «Звездоград» я прочитал такие строки:

«Породнившись с небом и миром чудес, звездоградцы не стали суеверными, но они веруют. Веруют в знания, в безграничные возможности человеческого ума и вдохновенного труда».

Я ЗНАЛ ОДНОЙ ЛИШЬ ДУМЫ ВЛАСТЬ



Подготовка к радиотелевизионному репортажу о новом старте «Союза» занимала много времени. Надо было все предусмотреть.

Общение с людьми, занимающимися ракетно-космической техникой, обогащает, многому учит. Совещания здесь проводятся по-деловому. Короткий доклад, замечания и вопросы, которые предстоит решить. У каждого своя, строго ограниченная сфера деятельности. Обязательно определяются сроки выполнения поручений. И контроль за выполнением задания. Четкая документация. И при всем этом полная творческая инициатива. Никто не давит авторитетом, хотя знаешь, что рядом за столом сидят доктора и кандидаты наук, лауреаты Ленинской премии. Никакой кичливости. Доброжелательное, уважительное отношение ко всем и одновременно пресечение малейшей попытки направить деловой разговор по боковому руслу, увести в сторону, уйти от ответа. Ценится краткая информация, образное сравнение, острое слово, шутка. На совещание приглашаются только те, от кого зависит решение вопроса. За чужие дела никто не берется: «Не мой вопрос!» Несостоятельные люди, слабые специалисты как-то незаметно испаряются.

23 октября 1968 года состоялось заседание Государственной комиссии. Оно проходило в новом здании. Яркий свет «юпитеров» кинохроники. Стол с зеленым сукном. Все в нарядных костюмах. Слеза от стола президиума сидят кандидаты на полет.

Первое слово — техническому руководителю. Все внимательно слушают его доклад о работе, которая была проделана для подготовки полета.

Ракета-носитель и космический корабль «Союз» прошли весь цикл необходимых заводских испытаний и проверок. Закончен этап сборки и подготовки ракеты и корабля на космодроме.

Москва, Кремль, сентябрь 1969 года. Перед стартом сюда пришли члены экипажей советских космических кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8». Слева направо: В. А. Шаталов, В. В. Горбатко, В. Н. Кубасов, А. В. Филипченко, А. С. Елисеев, В. Н. Волков, Г. С. Шонин.

До встречи на орбите, друзья!

Космонавты В. Н. Кубасов и Г. С. Шонин перед стартом на «Союзе-6».

Экипаж «Союза-6» после приземления.

Георгий Степанович Шонин, командир «Союза-6».

Валерий Николаевич Кубасов, бортинженер. Во время полета на космическом корабле «Союз-6» осуществил сварку металлов в условиях вакуума и невесомости.

«Даю зеленый!» Летчик-космонавт Г. С. Шонин с сыном Андреем.

«Вот она какая, невесомость!» Космонавт А. В. Филипченко во время тренировки в «бассейне невесомости».

«Как они там, в космосе?» Семья космонавта В. В. Горбатко смотрит телевизионную передачу о групповом полете советских космических кораблей.

Еще и еще раз отрабатывает экипаж космического корабля «Союз-7» этапы предстоящего орбитального полета. Слева направо — космонавты В. Н. Волков, А. В. Филипченко и В. В. Горбатко.

Анатолий Васильевич Филипченко, командир «Союза-7».

Виктор Васильевич Горбатко, инженер-исследователь космического корабля «Союз-7».

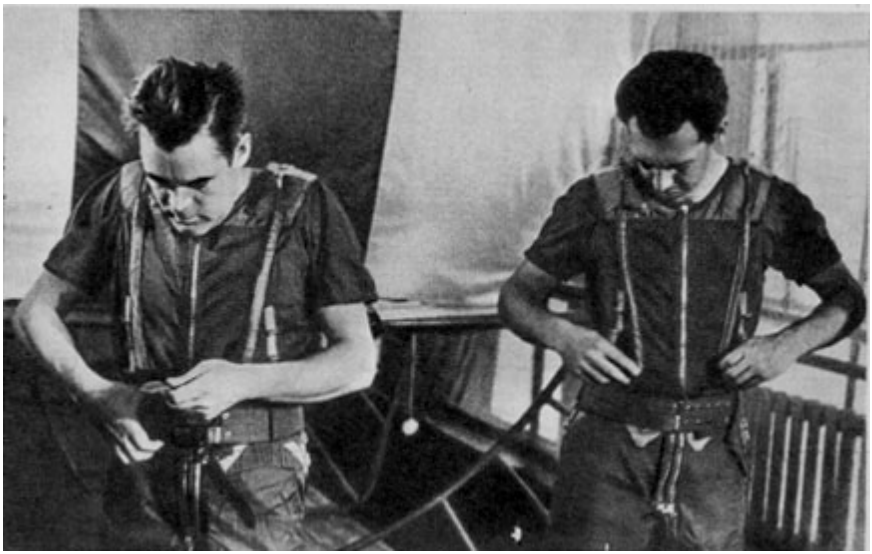
Здравствуй, Москва! Торжественная встреча участников группового космического полета кораблей «Союз» на Внуковском аэродроме.

Владимир Александрович Шаталов. 14-17 января 1969 года он осуществлял полет на космическом корабле «Союз-4» и был командиром первой в мире экспериментальной орбитальной станции; 13-18 октября 1969 года возглавил групповой космический полет кораблей «Союз-6», «Союз-7» и «Союз-8»; 23-25 апреля 1971 года был во главе экипажа космического корабля «Союз-10»

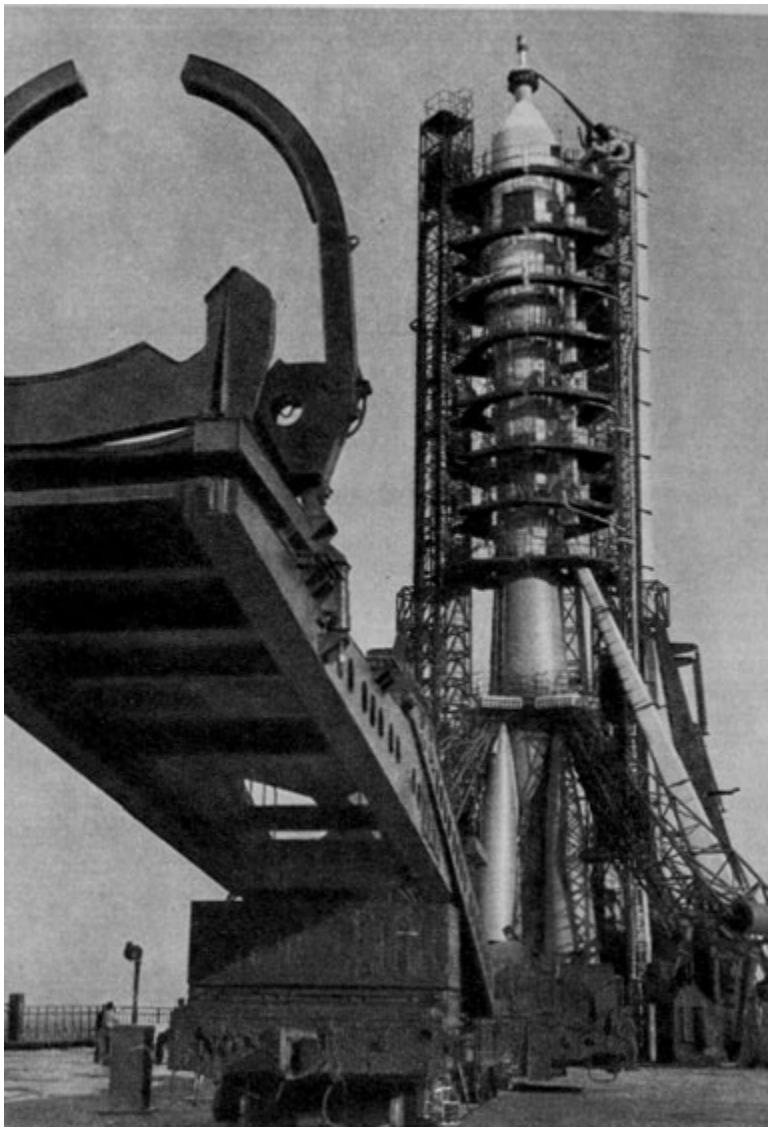
Алексей Станиславович Елисеев, бортинженер. Участвовал в

создании первой в мире экспериментальной орбитальной станции; был бортинженером космического корабля «Союз-8»; вместе с инженером-исследователем Е. В. Хруновым совершили переход через открытый космос из космического корабля «Союз-5» в космический корабль «Союз-4».

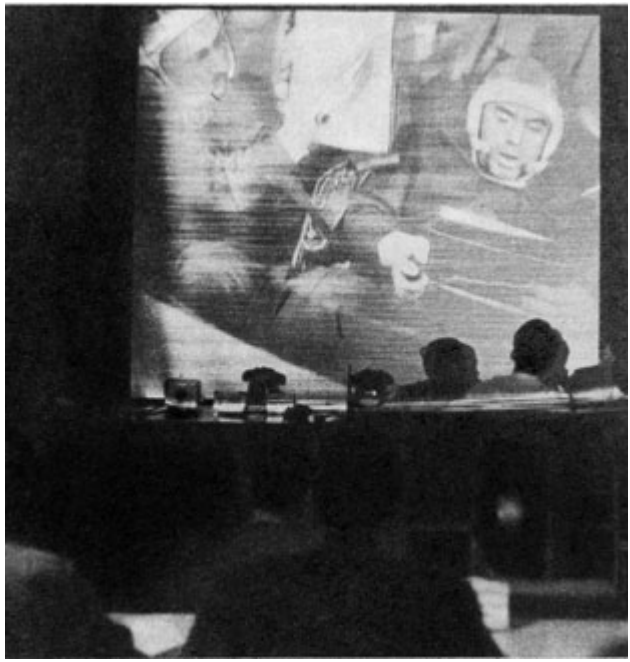
Космонавт В. И. Севастьянов на тренировке вестибулярного аппарата.



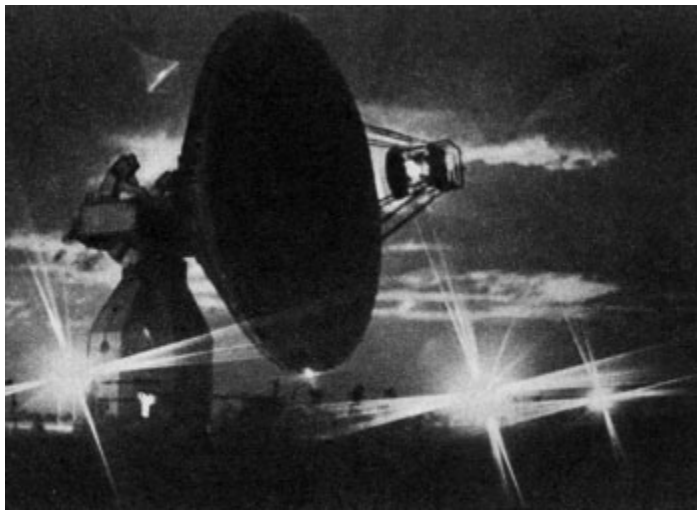
Космонавты А. Г. Николаев и В. И. Севастьянов перед полетом на «Союзе-9».



«Союз-9» на старте



«На борту все нормально! Самочувствие отличное!» — докладывает на Землю экипаж «Союза-9». Земля слушает космос.



Центр управления пилотируемыми космическими кораблями. Сюда поступает информация о работе бортовых систем «Союза-9» и самочувствии членов экипажа.

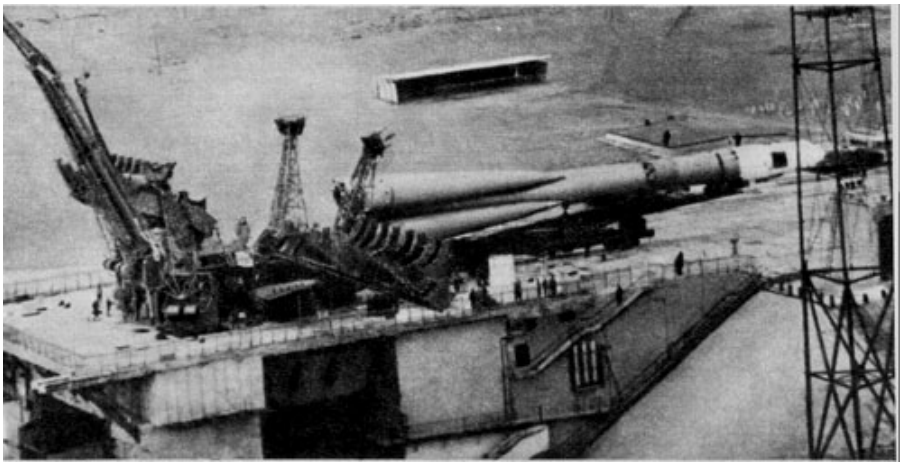
Виталий Иванович Севастьянов, бортинженер космического корабля «Союз-9».

Здравствуй, Земля! 19 июня 1970 года. Космический корабль «Союз-9» совершил мягкую посадку в заданном районе территории Советского Союза.

В полете «Союз-10». Слева направо: космонавты А. С. Елисеев, В. А. Шаталов, Н. Н. Рукавишников.

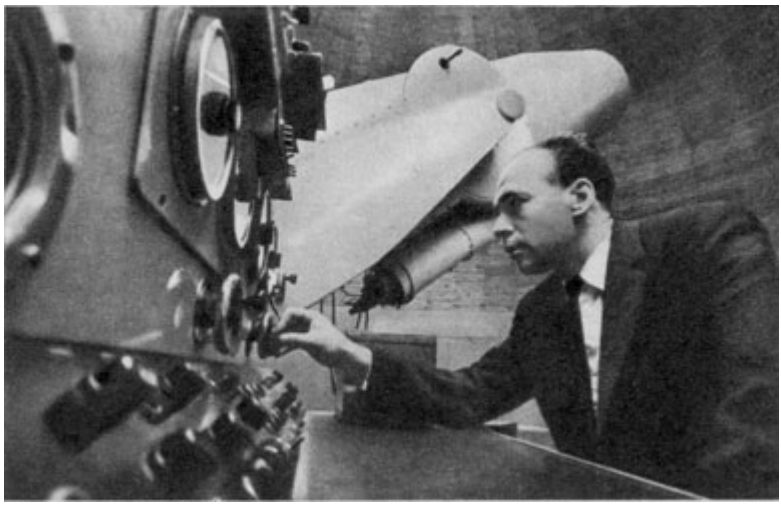
И снова скоро в полет! Космонавт А. С. Елисеев на тренировке в барокамере перед своим третьим полетом в космос.

Николай Николаевич Рукавишников, инженер-испытатель космического корабля «Союз-10».



На встречу с орбитальной научной станцией «Салют». Ракета-носитель с космическим кораблем «Союз-10» перед установкой на стартовом столе.

Георгий Тимофеевич Добровольский, командир первой в мире орбитальной научной станции «Салют».

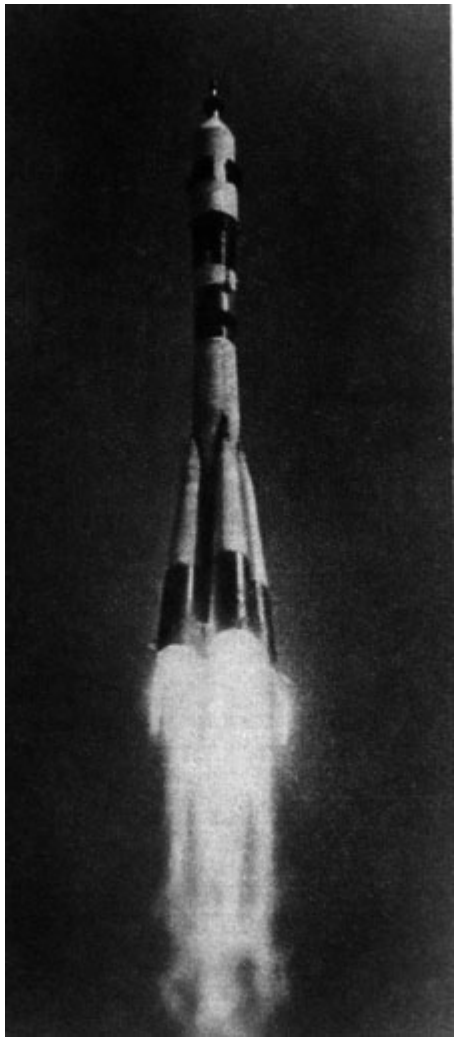


Космонавт В. И. Пацаев во время работы с телескопом на Бюраканской астрофизической обсерватории.

Владислав Николаевич Волков, бортинженер первой в мире орбитальной научной станции «Салют».

Виктор Иванович Пацаев, инженер-испытатель первой в мире орбитальной научной станции «Салют».

Космонавт В. Н. Волков с сыном Владимиром.



Старт космического корабля.

Космический корабль и весь командно-измерительный комплекс подготовлены для выполнения сложного эксперимента двух аппаратов.

Готовясь к очередному полету пилотируемого корабля «Союз», мы провели дополнительный комплекс испытательных работ, которые дали положительные результаты.

Совместно с другими службами мы провели много операций по сбросу спускаемых аппаратов с самолетов.

Все эти эксперименты подтвердили правильность наших расчетов.

Затем, обращаясь к членам Государственной комиссии, говорит:

— Докладываю, что весь комплекс полностью подготовлен,

прошу разрешение на вывоз ракеты и корабля на стартовую позицию.

Я внимательно слушал выступления специалистов и... невольно вспоминал Сергея Павловича Королева. Советская космонавтика развивается бурными темпами. Ее успехи определила совместная работа многих коллективов, талантливых ученых, конструкторов.

Но повторять пройденное нельзя. Надо создавать новое, идти вперед, работать с перспективой. И в большом деле первопроходцев им всегда будет помогать то, что было сделано Сергеем Павловичем, то, что было пройдено вместе с ним.

...В зал, осторожно пробираясь между рядами, вошел ведущий инженер. Осмотрелся и направился к нам. Рядом со мной сидел специалист, ответственный за систему ориентации корабля. Как только он увидел блеск очков своего смежника, так сразу толкнул меня: «Наверное, какой-то «боб» вылез: За мной идет».

И верно. Ведущий инженер сел рядом с нами и мхатовским шепотом начал бурчать на моего соседа, что ему надо идти на рабочее место, что еще есть вопросы. Слегка поругиваясь, они направились к выходу.

За этой сценой наблюдали многие. Каждый думал, что пришли за ним. Потом появились сочувственные и понимающие улыбки. Все знали въедливость ведущего инженера, его самоотверженность при исполнении служебного долга, принципиальность до занудливости.

Слово предоставляется руководителю подготовки космонавтов:

— Государственной комиссии представляются кандидаты на очередной полет. Георгий Тимофеевич Береговой и два дублера. Они успешно прошли программу подготовки и на экзаменах получили отличные отметки. Командиром космического корабля «Союз» предлагается утвердить полковника Берегового.

Затем выступали ученые, представители различных служб и организаций. Они говорили о значении полета, о перспективах, которые открываются в связи с новыми стартами, желали успеха Береговому.

Георгий Тимофеевич Береговой был краток:

— Товарищ председатель, члены Государственной комиссии! Принятое вами решение ко многому обязывает. Я прошел подготовку по специальной программе. Врачи дали заключение о годности к полету. Приложу все старание и умение, чтобы успешно выполнить задание. Благодарю за доверие.

Утром следующего дня, как было условлено, пришел в

гостиницу космонавтов. В огромные окна заглядывает солнце, и в холле много света. Цветы, ковры. Заговорщически о чем-то беседуют врачи. На каждого входящего в здание смотрят, как на личного врага. Ввели закон, что приезжие должны три дня акклиматизироваться, прежде чем их допустят к космонавтам. Боятся гриппа. Беседовать с космонавтами можно только в марлевых повязках. Рукопожатия отменены...

Из столовой выходят Береговой, Николаев, Волынов. С ними Н. П. Каманин.

Николай Петрович Каманин человек прямой и решительный. Свою доброту часто прячет и потому иногда кажется резковатым. Сколько сложных вопросов пришлось решить ему при создании отряда космонавтов! И не только технических, связанных с подготовкой, сложными тренировками, но и чисто человеческих. К каждому в отряде он относился ровно и по-отечески сурово, был одинаково требователен и к тем, кто летал, и к тем, кто только готовился в полет.

А принять решение об очередности полетов в космос порой бывало нелегко! Как-то в минуту откровенности Николай Петрович вспомнил, как он объявлял решение о том, кто летит первым. Это было на космодроме в воскресенье 9 апреля, за три дня до полета.

После игры в бадминтон Николай Петрович пригласил Гагарина и Титова к себе в комнату. Завел разговор о спортивных играх, о тренировках, о работе в корабле, а потом, стараясь придать голосу будничность, сказал:

— Комиссия решила — летит Гагарин. Запасным готовить Титова. Поздравляю вас, товарищи!

Юрий не скрывал радости. На лице у Германа мелькнула тень досады, но он быстро взял себя в руки:

— Ну что ж, поздравляю тебя, Юра, давай лапу!

— Гера, не вешай нос — скоро и твой старт!

— До утра вы свободны, — с облегчением сказал генерал.

Со строгим и решительным командиром бывает нелегко.

Особенно когда у тебя нет жизненного опыта и в принципиальном подходе к делу ты чаще видишь придирки. Но какое счастье встретить строгого учителя на своем веку!

Немецкий язык в нашей школе преподавала добрейшая Ольга Владимировна. Даже если ты не выучишь урока, то она всегда найдет возможность задать тебе наводящие вопросы, а твое мычание расценить как хорошие знания. Три года доброты Ольги Владимировны стоили мне многих бессонных ночей в институте!

Но тогда, в школе, нам очень нравилась эта доброта. Помню в училище командира роты, который заставлял нас делать

деревянные мостки вдоль палаточного городка, а настил в палатках укреплять так, словно сооружался дот. Ребята из соседних рот посмеивались над нами, жалели нас, когда вместо прогулок или игры в волейбол мы занимались строительством. Но вот когда начались дожди — а осень выдалась на редкость дождливой, — то уже мы жалели других: в палатках у них все промокало, в столовую бегали, перепрыгивая через лужи, картошку чистили под дождем... Курсанты из других рот мечтали прийти к нам поиграть в шашки и все время пытались устроить шахматный турнир с нашей ротой. Много лет прошло с той поры, но с сердечной теплотой вспоминаю я суровую требовательность лейтенанта Ермакова.

Требовательность к себе и друг к другу стала нормой жизни отряда космонавтов.

В группу по подготовке космонавтов к полету на «Союзе» входил Ю. А. Гагарин. Проходили длительные медицинские обследования. Нужно было брать кровь из вены.

— Не дам! — вдруг неожиданно заявил Гагарин.

— Почему? — недоуменно спрашивает врач,

— Не дам!

Все насторожились.

— Что случилось, Юрий Алексеевич?

— У меня будет... закупорка вен!

— Кто вам сказал?

— Сказали... Не дам колоть вену!..

Врач начинает успокаивать Гагарина, уговаривать. Гагарин настаивает на своем.

Тогда Андриян Григорьевич Николаев спокойно говорит:,

— Юрий Алексеевич! Здесь не место вступать в спор. О своих сомнениях можете доложить по команде. Врачи выполняют свой долг. Доктор! Возьмите кровь у меня.

Гагарин тихо и виновато ушел из лаборатории. Юрий Алексеевич тяжело пережил свой срыв. Побродил по улице, пришел к врачу, улыбнулся:

— Здесь один товарищ, первый в мире космонавт, вел себя несколько неправильно. Мы ему уже сделали внушение. Какую руку колоть будем, доктор?..

Требовательность космонавтов к себе идет от летчиков, от одного из первых Героев Советского Союза, генерала Каманина.

Николай Петрович не любит рассказывать о себе. Поэтому приведу здесь ответы Николая Петровича на вопросы журналиста:

— С кого делаете жизнь?

— Со всех, кто честен, прям, смел. Люблю Павку Корчагина.

— Кто был любимым героем вашей юности?

— Наш преподаватель, бывший красный командир Жизняков, с которым мы изучали биографию Ленина, историю классовой борьбы, читали Толстого, Горького, Шекспира, Гёте. И еще прекрасный коммунист — наш уездный комиссар Баранов.

А из литературных героев, пожалуй, ближе всего по духу был Мцыри. Помните: «Я знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть...»

Вообще мне нравились сильные личности. К сожалению, за последнее время выражение «сильный человек» приобрело какой-то негативный оттенок. Думаю, произошло досадное смещение понятий.

Идеалом сильного человека стал для меня уже много позднее Сергей Павлович Королев.

— Какие черты вашего поколения вы передали бы как эстафету молодежи двадцать первого века?

— Любовь к Родине, преданность партии, коммунизму, упорство, смелость, решительность, честность и прямоту.

К новому полету в космос готовился Г. Т. Береговой. Георгий Тимофеевич так рассказал о себе:

— В годы моей юности у нас в стране происходили грандиозные события. Это была эра авиационных рекордов, перелеты через Северный полюс в Америку, челюскинская эпопея и высадка папанинцев на льдину у Северного полюса. Летчики были для меня идеалом настоящего человека, они казались мне какими-то недосягаемыми. Тогда я услышал фамилии Байдукова, Громова, Каманина, Коккинаки и многих других.

Семнадцати лет я был принят в летную школу. После ее окончания в сорок первом году был направлен в действующую армию. Попал в третью воздушную армию, которой командовал Михаил Михайлович Громов. Служил в дивизии у Георгия Филипповича Байдукова, служил в корпусе, которым командовал генерал Каманин.

И опять-таки мне повезло: рядом Каманин, Байдуков, много боевых летчиков, которые помогали формироваться моему характеру, помогали лучше выполнять боевые задачи, которые ставила война.

Прошли мы Польшу от Сандомирского плацдарма, перелетели в Румынию, далее — Венгрия и Чехословакия. Войну закончил под городом Брно.

В ноябре 1944 года командир дивизии прямо на фронте вручил мне звезду Героя Советского Союза. После войны перешел в истребительную часть. В сорок восьмом году стал летчиком-испытателем.

Когда я проводил испытания новых самолетов, то в первую очередь, конечно, учился у тех товарищей, которые уже много лет работали. Все знают Петра Стефановского, Владимира Константиновича Коккинаки, все знают имена Сергея Анохина, Георгия Седова, Георгия Мосолова. В каждом из этих летчиков я искал те качества, которые, как мне казалось, необходимы летчику-испытателю. Летчик-испытатель должен очень хорошо чувствовать машину. Это чувство когда-то у меня не было развито, но постепенно я стал понимать, что хочет машина, что из нее можно взять. Приборы, конечно, дают картину, но приборы в сочетании с чувством человека всегда дают более полную картину!

— Что привлекло вас, заслуженного летчика-испытателя СССР, в профессии космонавта?

— Всякая новая работа, которая приходила к нам, вызывала стремление познать больше. Я очень много занимался психологией летного труда, то есть изучением звена «человек — машина». И вдруг появляется новый летательный аппарат, который летает в совершенно новых условиях, вне воздушной среды. Значит, там действуют иные законы. Какие? Я не знаю.

В условиях полета космического корабля обязательно нужно найти связь человека... с ничем, найти контакт с безвоздушным пространством. Это меня очень заинтересовало.

— Мы наслышаны о тренировках, о серьезной подготовке, которую проходят космонавты...

— Когда я пришел в центр подготовки, то не ожидал такого объема работы, который на меня навалился. С парашютными прыжками я еще более или менее справился ничего, самым тяжелым для меня оказалась физическая подготовка. Раньше я физкультурой систематически не занимался. Был здоров, но тренированности было недостаточно. Для того чтобы меня ввести в форму, которая отвечала бы требованиям космического полета, пришлось поработать. Я полгода чувствовал себя избитым. Все мышцы побаливали.

Потом втянулся. Стал падать вес, кстати сказать, он у меня был несколько лишний. Потом боли прошли, и у меня даже появилось желание, потребность заняться спортом. Кроме того, специальная подготовка, центрифуга.

Космический корабль «Союз-3» стартовал 26 октября 1968 года в 11 часов 34 минуты московского времени. Летчик-космонавт Георгий Тимофеевич Береговой докладывал, что его самочувствие хорошее.

Полет продолжался четыре дня. С кораблем поддерживалась

устойчивая радиотелевизионная связь. Репортажи из космоса вел сам космонавт.

Медики готовились к встрече космонавта. В гостинице они заняли почти все номера.

От прожекторов воздух на аэродроме кажется голубым. Все посматривают на небо. Наконец появляется «АН-10». Этим самолетом из Караганды на космодром вернулся Г. Т. Береговой.

Короткий рапорт. Объятия. Ребята в пионерских галстуках вручают цветы, а самый голосистый «от имени и по поручению» произносит:

— Сердечно поздравляем вас с благополучным возвращением на нашу родную землю и желаем пионерского задора в космических делах!

— Спасибо! Спасибо!

Кинорепортеры снимают встречу героя с теми, кто провожал его в полет.

...Утром ровно в десять началось заседание Государственной комиссии. Первое слово Г. Т. Береговому:

— План доклада следующий: подготовка, начало работы, полет, возвращение, выводы. Разрешите приступить?

Берет мел и поворачивается к доске.

После заседания я включаю микрофон и беру интервью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОМИССИИ:

— Только что Георгий Тимофеевич Береговой сделал обстоятельный доклад о своих впечатлениях и научных исследованиях, о работе отдельных систем и агрегатов корабля. Об этом будет выпущен специальный отчет. Я только должен сказать, что задание он выполнил, вел себя как испытатель-космонавт отлично.

ТЕХНИЧЕСКИЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:

— Этот полет продемонстрировал, что техника работала отлично. Космонавт вел себя безупречно. Он летчик-испытатель, заслуженный летчик, и тут он проявил свои лучшие качества, действовал спокойно, уверенно.

РУКОВОДИТЕЛЬ ПОДГОТОВКИ КОСМОНАВТОВ:

— Мне бы хотелось добавить несколько слов о посадке корабля. Все предыдущие наши космические корабли, как известно, совершали посадку на территории Советского Союза в заданных районах с хорошей точностью, но этот корабль в точности посадки превзошел все предыдущие. Еще в воздухе, в тот момент, когда только раскрывалась парашютная система, самолеты, вертолеты обнаружили спускающийся корабль, и не успел корабль приземлиться, как к нему подошли люди из

поисковых и спасательных партий.

Выступают еще специалисты. Все выражают удовлетворение результатами полета, говорят о работе отдельных систем, о большом объеме проделанных испытаний, научных и технических исследованиях.

Полет космических кораблей «Союз-2» и «Союз-3» явился важным этапом в развитии техники пилотируемых орбитальных кораблей.

С каждым годом будет шире спектр задач, выполняемых спутниками земли, а это значит, что разнообразнее станет оборудование, потребуется больше энергии для приведения в действие многих аппаратов и приборов, установленных на орбитальных станциях. Они будут тяжелыми, и, чтобы не создавать чрезмерно громоздкие ракеты-носители, целесообразнее большой вес отправлять на орбиту по частям и там, на месте, из отдельных блоков собирать большую научную станцию.

Комментируя выполненные эксперименты по сближению космических аппаратов, выведенных на близкие орбиты, академик Анатолий Аркадьевич Благонравов заметил:

— Выражение «ручное управление» применительно к пилотированию «Союза-3» не следует понимать слишком буквально. Ведь космонавту, управляющему маневровыми двигателями, помогают бортовые электронно-вычислительные устройства, все современные средства космической навигации.

Технические возможности «Союза» позволили космическому кораблю обрести широкую свободу маневра в пространстве. И если раньше космические корабли можно было в известной мере сравнить с поездами, движущимися по незримым рельсам орбит, то «Союзы» уже с полным правом можно назвать космолетами, которые способны изменять орбиту.

Бесспорно, будущее за такими космолетами. И летчику-космонавту Георгию Береговому выпала завидная судьба сделать крупный шаг по пути к этому будущему.

СЫН ПОЛКА

Новый, 1969 год многие специалисты встретили на космодроме.

В начале января прошумели снежные бури, вволю нагулялся степной ветер, показали силу казахстанские морозы.

Когда прилетели космонавты, то город в степи был залит холодным солнцем.

Дым из высоких труб ТЭЦ столбом тянулся к небу — верная примета морозных дней.

Звенел от холода металл, как стеклянные елочные игрушки, лопались под ногами степные колючки, а в передвижной телевизионной станции после перенесенных холодов разогретая аппаратура сначала запотела или, как говорят связисты, «начала плакать».

Зимние мотивы нашли отражение в творчестве местных художников. Космонавтов рисовали в тулупах! Веселым получился новогодний номер «Нептуна». У стенгазеты толпились острословы. С загадочными лицами мрачно рассматривали рисунки врачи. На одном рисунке был изображен страдающий от насморка человек с чемоданом в руках.

— Врачи-то какую силу взяли: специалиста «по подозрению в гриппе» в Москву отправили!

Космонавтов оберегали. Каждому входящему в дом врачи надевали марлевую повязку. Через каждые 3 — 4 дня всему основному и дублирующему составу космонавтов, медицинским и другим работникам, которые общались с экипажем кораблей, вводился специальный препарат с целью предупреждения гриппа.

Командиром нового космического корабля был назначен Владимир Александрович Шаталов.

Традиционными стали встречи радиожурналиста с космонавтами накануне старта. Тогда Владимир Александрович так рассказал о своем детстве, о работе, о том, что

предшествовало полету:

— Родился в Казахстане, в Петропавловске, в 1927 году. Второй своей родиной я считаю Ленинград, потому что вся жизнь моя с двух лет и до начала Великой Отечественной войны проходила там. Сейчас и папа, и мама гостят у меня в Москве. Я надеюсь, что им удастся услышать этот репортаж, и хочется сейчас, перед стартом, пожелать им самого-самого хорошего, поблагодарить за все, что они сделали для меня, за воспитание. Они воспитывали во мне волю, настойчивость и — может быть, это нескромно будет сказано — трудолюбие, чувство ответственности и чувство долга. То, что поручено мне, в большом или малом, приучен доводить до конца, не останавливаться на достигнутом, стремиться все время к чему-то новому. Этому я учился у отца. Он никогда не был удовлетворен собой. Ему было больше сорока лет, а он учился заочно в институте. Работал машинистом на паровозе, сутками находился в командировке, а потом вечерами и ночами занимался. Вышел на пенсию, и то нашел себе занятие: переделал весь двор. Сам на машине ездил за город и сотни четыре кустов, деревьев привез. Сейчас целый лес во дворе вырос. Это там, где раньше пустырь был...

Ну, а о маме и говорить не приходится. Я не видел, чтобы она отдыхала больше чем пять минут подряд. Все время она о чем-то хлопочет, что-то делает, или шьет, или готовит, или прибирает.

Всю финскую кампанию отец находился на фронте. На фронте был и с первого дня Отечественной войны. Он строил «дорогу жизни». В 1943 году за это строительство ему присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Наш полет готовится давно. Владимир Михайлович Комаров начинал отрабатывать эту машину. Затем последовал полет Георгия Тимофеевича Берегового. Я готовился вместе с ним как дублер. Очень много полезного я извлек из полета Георгия Тимофеевича Берегового.

Разговор перескакивал с одной темы на другую. Снова заговорили о войне.

Владимир вспомнил, как все парни их двора рвались на фронт, как он приставал к отцу и добился своего:

— Зачислили меня в часть, как сына полка. Жил вместе со всеми солдатами, ходил на пост, доверяли мне, правда, охрану не очень важных объектов.

Когда последние эшелоны уходили из Ленинграда, то тут отец, сыграв на том, что я теперь уже взрослый и забота о матери должна лежать на мне, отправил меня с матерью к бабушке в Петропавловск.

Стать летчиком мечтал с шестого класса. Был друг у меня, Олег Корытов, с которым мы учились с первого класса, так он мечтал идти в военно-морскую спецшколу, я — в авиационную. У него отец плавал, был моряком, а у меня отец после гражданской войны служил в одном из воздухоплавательных отрядов, летал на этих «фарманах»... И когда я узнал, что в Караганду эвакуирована шестая Воронежская спецшкола ВВС, то поступил в нее. Закончил там восьмой, девятый, десятый классы и попал в училище.

Я слушал Владимира Шаталова и вспоминал свою первую беседу с Владимиром Комаровым. Он тоже во время войны учился в авиационной спецшколе. Много книг написано о Великой Отечественной войне, кажется, подняты разные пласты жизни, рассказано о подвиге на фронте, о партизанской войне, о труде в тылу, об эвакуации, но не встречал я страниц о спецшколах. А это тоже интересная страница. Страница, которая могла бы поведать о гуманности нашего общества, о великой заботе партии и народа о подростках.

Спецшколы, артиллерийские, военно-воздушные, военно-морские, были созданы незадолго до войны в разных городах. В эти школы принимали юношей, успешно закончивших семь классов. Учеба шла по программе средней школы; кстати, спецшколы входили в систему Наркомпроса, но командирами рот, батарей были военные. «Спецы» к окончанию десятого класса овладевали основами военной службы, проходили строевую подготовку, во время летних каникул закаляли здоровье в лагерях. Будущие летчики имели возможность познакомиться с аэродромами и совершить несколько полетов, артиллеристы — побывать на полигонах, будущие моряки — набить мозоли веслами шлюпок... У «спецов» была соответствующая форма. Стоит ли говорить, с какой гордостью носили ее юноши в пятнадцать лет, как лихо отдавали честь на улице при встрече с командирами!

В спецшколе были лучшие преподаватели. Учащиеся этих школ занимали первые места на различных математических, физических и химических олимпиадах. После окончания спецшколы учащиеся получали аттестаты зрелости и направлялись в военные училища.

С началом войны спецшколы из Москвы, Ленинграда, Одессы, Воронежа были эвакуированы в Сибирь и Казахстан. Отеческую заботу проявил народ о юношах в военной форме. Местные власти, воинские организации делали все, чтобы ребята могли нормально учиться. Правда, иногда учебу приходилось прерывать и заниматься разгрузкой вагонов, работать на лесозаготовках, помогать убирать урожай. Но учеба шла! Военные училища

получали хорошее пополнение.

Поступить в спецшколу было нелегко. Нужно было иметь хорошие отметки за семь классов и успешно сдать вступительные экзамены. Естественно, что при зачислении, работала строгая медицинская комиссия. Такой отбор юношей в пятнадцать лет дал свои плоды. Сейчас среди бывших «спецов» есть и генералы, и адмиралы, доводилось мне встречаться с инженерами, дипломатами, конструкторами и журналистами, а двое из них стали космонавтами.

Но вернемся на космодром и послушаем рассказ бывшего «спеца» Владимира Шаталова, перелистаем стенограмму беседы перед стартом.

Шаталов вспомнил запуск первого спутника:

— Это взволновало, потрясло меня. К тому времени я закончил академию и был летчиком, командовал эскадрильей, вроде уже взрослый человек, серьезный, но, как мальчишка, каждый вечер я смотрел расписание, когда проходит спутник над той точкой, где мы служили, и наблюдал. А потом полетел Юрий Алексеевич Гагарин. Это потрясло меня! Так хотелось посмотреть с космической высоты на родную землю, но я чувствовал, что вроде бы я опоздал... А когда узнал, что есть возможность поступить в отряд космонавтов и что я по своему возрасту, росту, весу и образованию вписываюсь в габариты, которые предъявляют к космонавту, то потерял покой.

На стартовую площадку Шаталов приехал за 2 часа 10 минут до старта. Направился к лифту. Короткое приветствие с верхней площадки — и сразу за работу. Очень все просто и деловито.

«Союз-4» стартовал 14 января в 10 часов 39 минут московского времени.

Через сутки состоялся старт «Союза-5» с экипажем из трех космонавтов: командир корабля Борис Валентинович Волынов, бортинженер Алексей Станиславович Елисеев, инженер-исследователь Евгений Васильевич Хрунов.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ...

С Борисом Волыновым журналисты познакомились еще в июне 1963 года. Тогда Борис был дублером Валерия Быковского. Я не берусь говорить о чувстве, которое испытывает дублер. Но попробуйте ждать подряд несколько лет! Не просто ждать, а быть готовым ежедневно к старту. Вот где нужен характер.

Родился Борис в Иркутске в 1934 году. Детство провел в Кузбассе. Есть там небольшой шахтерский городок Прокопьевск. Там учился, там прошло детство, там прошла юность, оттуда пошел по комсомольскому набору в авиацию. Закончил училище, стал летчиком строевой части. Летал недалеко от Москвы, охраняя покой и небо столицы. Стремился попасть в летчики-испытатели.

— Потом, — рассказывал Борис, — мне предложили работу, подобную работе летчика-испытателя. В то время ее так называли. С первой группой я прибыл на новое место службы, в Центр подготовки. И вот скоро будет девять лет, как работаю здесь...

Здесь мне хочется оторваться от стенограммы и позволить себе написать несколько слов о ребятах из первого отряда космонавтов. Обратите внимание на скупые слова Бориса Волынова: «Предложили работу, подобную работе летчика-испытателя. В то время ее так называли». Иными словами, в то время военных летчиков после тщательного отбора откомандировывали заниматься новой техникой. Гагарин, Титов, Николаев, Попович, Быковский, Комаров, Леонов, Беляев, Хрунов, Волынов, Шонин шли овладевать новой техникой. Они были хорошие боевые летчики. Каждый из них хорошо знал, что их дело не для газет, радио и телевидения, если не будет очередного праздника новой авиационной техники на столичном аэродроме. Они знали, что в случае несчастья родные получат письмо, которое начинается словами: «Ваш сын погиб при исполнении служебных обязанностей...» Они знали, что в случае успеха придет слава в «местных кругах». Впрочем, о славе они не думали.

— На моих глазах шла подготовка к первому полету Гагарина, — рассказывал Б. В. Волынов. — Вместе готовились,

вместе участвовали в экспериментах. Яркой страницей остались парашютные прыжки и первая наша командировка, где мы сблизились, узнали друг друга. Каждый человек, который присутствовал на стартах, потом, на досуге, обдумывал детали, делал какие-то выводы. Так было и со мной. Старт Гагарина. На старте я не был. Все ребята из отряда, которые готовились вместе с Юрой, разъехались на точки по всему Союзу. Поэтому на старте, когда был пуск Юрия Алексеевича Гагарина, было всего несколько человек. Я был тоже на одном из пунктов и с трепетом следил за запуском Юры, ждал, когда в эфире появится его голос.

— А о чем думает дублер, его мысли во время подготовки?

— Он проигрывает весь полет. Продумывание начинается тогда, когда человек полностью готов к полету, полностью прошел всю подготовку, изучил полетную документацию. Весь рисунок задания в общем плане у него в голове, и он думает непроизвольно. И основной, и дублер переживают одинаково. Абсолютно. Одинаково и готовы, одинаково настроены на этот полет. Ну что делать? Один остается на Земле. Хоть они прошли все один к одному, как говорят в авиации.

Сдержанно рассказывали о себе и другие члены экипажа.

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ:

— Я не летчик, я инженер-механик. В отряд космонавтов попал позже, чем мои товарищи. Пришел с производства. Занимался я системами автоматического и полуавтоматического управления. После определенных усилий, после многих рекомендаций специалистов, под руководством которых я работал, меня зачислили в отряд. Все космонавты очень хорошие, гостеприимные ребята. Хорошо меня встретили. Очень помогли в подготовке к полету. Ну, вот сейчас я с ними вроде бы одинаково готов к предстоящему полету.

До прихода в отряд космонавтов много занимался спортом. Я мастер спорта, поэтому мне особых трудностей не представляло физически подготовить себя к полету. Были и специальные вещи, которые для меня были новыми, такие, как, скажем, полеты на истребителях, парашютные прыжки, наземные катапультирования. С этим я встретился впервые в отряде, и, наверное, на первых порах мне это было сложнее, чем летчикам...

ЕВГЕНИЙ ХРУНОВ:

— Мне тридцать пять лет. Родился я в Тульской области, в селе. После школы учился в сельскохозяйственном техникуме. Потом поступил в летное училище, затем меня направили на летную работу в строевые части. В пятьдесят девятом году мне предложили пройти медицинскую комиссию. И вот с тех пор я нахожусь в этой группе. В предстоящем полете я выполняю

обязанности штурмана и радиста.

ТАСС так рассказало всему миру об итогах полета:

«Космические корабли «Союз-4» и «Союз-5» совершили трехсуточные полеты по околоземной орбите. В ходе группового полета был осуществлен ряд важнейших научно-технических экспериментов.

На орбите искусственного спутника Земли была создана и функционировала первая экспериментальная космическая станция. Станция включала четыре жилых отсека, обеспечивающих выполнение большого комплекса научных исследований, наблюдений и экспериментальных работ...

Выдающимся экспериментом является переход двух космонавтов — инженера-исследователя Хрунова и бортинженера Елисеева — из одного корабля в другой с выходом в космическое пространство.

Космонавты Хрунов и Елисеев в специальных скафандрах одновременно находились в условиях космического пространства около одного часа...

Результаты полета космических кораблей «Союз-4» и «Союз-5» имеют важное значение для дальнейшего совершенствования космической техники и будут использованы для развития будущих пилотируемых кораблей и создания орбитальных пилотируемых станций научного и народнохозяйственного назначения».

Экипаж «Союза-4» совершил посадку первым, а через сутки приземлился и Борис Волынов.

Владимир Шаталов, Алексей Елисеев и Евгений Хрунов в этот момент находились на послеполетном клинико-физиологическом обследовании. Как ни просил я врачей пустить меня к космонавтам, ничего не получилось.

— У нас работа тоже идет по графику, — ответили они. Для каждого космонавта составлен специальный план обследования.

Первым освободился АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ.

— Ну, здравствуйте, во-первых! Сегодня для нас не менее тяжелый день — мы попали в руки врачей. Но сегодня и радостный день: сегодня Борис закончил свой полет. Мы очень рады. Скоро он будет здесь.

— Как самочувствие? Что говорят врачи?

— Врачи сейчас только спрашивают. Они мало что говорят! Но похоже на то, что никаких изменений не произошло.

— Прошли сутки после вашего возвращения из космоса. Что вспоминается?

— Сейчас не было еще свободного времени для того, чтобы оценить, что же произошло, что сделано. Впереди еще очень

много дел. Надо отчитаться перед создателями кораблей о том, как прошли испытания. Надо к этому подготовиться как следует. Думаю, что впечатления будут позже.

— Трудно было работать в невесомости?

— Нет! Технически настолько хорошо были подготовлены работы в открытом космосе, что затруднений особых они не вызвали. Там работать было несколько проще, чем на самолете в условиях невесомости. Полет воспринимался как обычная будничная работа. Вот так он и до сегодняшнего дня воспринимается. Что будет дальше, я не знаю. Может быть, дальше появятся какие-то приятные воспоминания, может быть, какие-то особые. Сейчас пока их нет. Идет обычная работа, хочется готовиться к новым полетам.

ЕВГЕНИЙ ХРУНОВ:

— Когда я вышел из корабля, когда открылся выходной люк, то я увидел горизонт. Земля, небо, горизонт перед глазами. И такое было ощущение, как перед парашютным прыжком. Но потом это быстро прошло, и я вышел по пояс, и появилось ощущение больших расстояний. Какая-то бесконечность. Полный круг Земли виден и черное небо. Звезд я не видел.

ВЛАДИМИР ШАТАЛОВ:

— Трудно выразить в коротких словах все чувства, которые охватывают меня. Это истинное счастье, потому что сбылась мечта, к которой мы стремились, к которой готовился огромный коллектив людей в течение очень длительного времени.

Проведен эксперимент по созданию орбитальной станции. Будущее, я верю, принадлежит мощным орбитальным станциям, которые будут длительное время находиться над Землей. На них будет поставлено оборудование, которое нецелесообразно будет часто возвращать на землю. Просто дорогостоящая слишком эта вещь. Длительное время находиться экипажу на такой станции, вероятно, будет тяжко, потому что полеты в космос, говоря откровенно, — это не прогулка и не очень легкое дело. Периодически надо будет менять составы экипажей. Доставлять на станцию специалистов различных профессий.

Новых героев-космонавтов ждала торжественная встреча в Москве, а дублеров — работа.

В самолете мы сидели рядом с Шониным. Георгий Степанович перечитывал письмо от сынишки, полученное на космодроме.

— Если б ты знал, как я хочу домой! Хотел тут на три дня слетать в Горький к родственникам, но дела не позволяют!

Вспомнил Одессу. Потом заговорили о Гагарине. Семья

Шониных живет по соседству с Гагариными. Дочери Юрия Алексеевича дружат с Андрюшкой, особенно младшая.

— Вот если говорить об образце настоящего человека, то это Валентина Ивановна Гагарина. Всегда в работе. Придешь в восемь утра на медицинское обследование, а она уже на посту. Работает в лаборатории.

Подошел один из конструкторов корабля. Валерий Кубасов поделился своими планами на будущий полет. Он внимательно выслушал и сказал:

— Нас интересует сейчас сварка. Сварка в космосе... Интересная у нас работа... Трудная... Каждый полет — поиск. Сердце всегда беспокойно... Сложная работа!

Потом долго молчали. Каждый думал о своем. Георгий смотрел в иллюминатор. Смотрел на проплывающие облака, на землю и напевал «С чего начинается Родина».

Космонавты относятся к тем людям, которые вступают в бой с природой ради всего человечества. У летчиков-космонавтов есть что-то общее с первыми летчиками, героями Экзюпери. Те прокладывали путь там, где потом стали по расписанию летать комфортабельные самолеты. Но даже они, романтики пятого океана, вряд ли могли тогда, на заре развития авиации, представить себе, каким станет дело их жизни, представить, какими станут самолеты!

Пока мы о космосе знаем еще так мало... Но и то, что уже узнали, намного расширило наши познания. От каждого полета в космос ждут новостей астрономы, географы, геологи, геофизики, метеорологи. Ведь исследование межпланетной среды, исследование планетных тел Солнечной системы и самого Солнца должно внести существенную ясность в вопрос о происхождении нашей планеты, в понимание многих явлений земной природы.

А исследования в области высоковакуумной техники и радиоэлектроники, физики, химии, техники сверхнизких температур!.. Каждый раз ждут новостей из космоса медики и биологи...

Георгий Степанович Шонин рассказал о себе. Родился в городе Ровеньки, Луганской области, но своей родиной он считает город Балту, Одесской области, где прошли его детство и юность.

Ну, а уж если человек прожил несколько лет в Одессе, то он, конечно, одессит на всю жизнь!

— Вам нравится Одесса? — спрашиваю и заранее знаю, какой будет ответ.

Георгий понимающе смотрит на меня, в глазах хитринка, и с мягкими, певучими интонациями, улыбаясь, отвечает:

— Так то ж Одесса...

Стать летчиком Георгий решил еще в школе. После седьмого класса поступил в Военно-воздушную спецшколу. Не только любовь к полетам сыграла роль в выборе профессии — семье жилось тяжело. Отец, Степан Васильевич, не вернулся с войны, а матери, Софье Владимировне, не так-то легко было воспитать двух сыновей и дочь. Не так-то легко накормить, одеть детей на свой заработок бухгалтера больницы... Мальчишкой Георгий Степанович испытал много бедствий, которые принесла война. И голодать приходилось, и от обстрелов укрываться, и от оккупантов прятаться. В годы войны семья Шониных приютила и спасла от фашистов ребенка из еврейской семьи.

С малых лет Георгию, старшему из мужчин в доме, — а было тогда «мужчине» семь лет! — пришлось помогать по хозяйству бабушке и матери: смотреть за младшими, полоть траву в огороде, носить воду.

С большой теплотой говорил он о бабушке Марье Петровне — семерых внуков воспитала! Рассказывал, как приезжала к нему в гости, как четыре часа на такси возил он ее по Москве, показывал столицу. Больше часа простояла Марья Петровна у Мавзолея Владимира Ильича Ленина.

— Да, детство у меня было трудным, — говорил Георгий, — не то что у моего Андрюшки.

Образцом летчика Георгий считает Валерия Павловича Чкалова. Его точный расчет, смелость и дерзость. Нравятся ему и французский летчик Экзюпери, и американский Бридж-мен. Любит читать их книги. Любит военную лирику Константина Симонова.

Если говорить об увлечениях, то это Малый театр. Почти все спектакли просмотрел. Нравится, что театр бережно хранит чистоту русского языка, языка Островского. Любит Георгий и украинскую песню. Случается, что поют дуэтом с Павлом Поповичем.

Заходит разговор о друзьях.

— Что сказать о дружбе? Хорошие слова не терпят повторения. Есть у меня закадычные друзья — Качалов и Разумов. Отпуск всегда проводили вместе. Делили его на три равные части. Встречались в Ленинграде, потом ехали в Курск, Воронеж и Одессу. Втроем. Иногда маршрут менялся, но все равно у каждого гостили дома поровну...

ЗВЕЗДНАЯ ЭСКАДРИЛЬЯ

На космодром Георгий Шонин и Валерий Кубасов вернулись через десять месяцев, чтобы стартовать на корабле «Союз-6».

Ракета-носитель вывела их на расчетную орбиту спутника Земли 11 октября 1969 года. На следующий день был произведен запуск следующего корабля, на борту которого находились: командир подполковник Анатолий Васильевич Филипченко, бортинженер Владислав Николаевич Волков, инженер-исследователь подполковник Виктор Васильевич Горбатко.

Прошли сутки, и в космические дали ушел новый корабль — «Союз-8». Во второй раз довелось испытать трудность и радость ответственной и многотрудной работы Героям Советского Союза Владимиру Шаталову и Алексею Елисееву.

Групповой полет «Союзов» выполнял широкую программу научно-технических задач. Семь суток продолжался этот эксперимент в космосе.

Экипажи еще и еще раз проверяли, отрабатывали ручное управление, осуществляли сложные маневры на орбите и накапливали драгоценный опыт навигации космоплавания.

Впервые в мире наши космонавты провели сварочные работы в космосе. Сварочная аппаратура «Вулкан» действовала с широким применением автоматов, а контроль за ее работой в орбитальном отсеке в условиях его разгерметизации осуществлялся дистанционно на борту корабля. Первые опыты показали, что в условиях космического вакуума и невесомости можно вести сварочные работы!

Советская космическая эскадрилья решала много научных задач. Космонавты проводили фото— и киносъемки материков, океанов и облачного покрова Земли, определяли границы распространения снега и льда, изучали характерные геологические участки, для того чтобы в будущем определять из космоса районы залегания минерального сырья.

Одновременный полет трех космических кораблей поставил

новые, более сложные задачи и перед теми, кто с Земли осуществляет их управление. Командно-измерительные пункты круглосуточно поддерживали связь с космонавтами. Для этого пришлось занять позиции в Мировом океане научно-исследовательским судам Академии наук СССР «Космонавт Владимир Комаров», «Моржовец», «Невель», «Бежица», «Долинск», «Ристна», «Кегостров», «Боровичи». В систему передачи информации были включены спутники связи «Молния-1».

Много тысяч людей на земле, в воздухе, на воде помогали тем, кто трудился в космосе.

Успешные старты «Востоков», «Восходов» и «Союзов» позволили перейти к решению более сложной и важной задачи — созданию долговременной орбитальной космической лаборатории.

В конструкторских бюро и заводских цехах рождались контуры первой орбитальной станции «Салют». Но врачи не могги дать окончательный ответ, сколько же суток может провести человек в состоянии невесомости.

И 1 июня 1970 года в длительный космический полет направились на корабле «Союз-9» ветеран космонавтики сорокалетний полковник Андриян Николаев и тридцатипятилетний конструктор, кандидат технических наук Виталий Иванович Севастьянов.

В течение почти восемнадцати суток они жили и работали в условиях невесомости. Полет показал, что длительное пребывание в космосе резко расслабляет мышечную систему, постепенно уменьшается плотность костной ткани, претерпевает ряд изменений сердечно-сосудистая система.

Перед учеными-медиками снова возникли сложные задачи по созданию систем физиологической защиты человека от невесомости. Были разработаны новые способы физической тренировки во время полета и специальный костюм для спортивных упражнений, новые фармакологические препараты.

Использование орбитальных космических аппаратов в народном хозяйстве сулит огромные выгоды. В решения XXIV съезда нашей партии включен пункт о проведении научных работ в космосе для развития дальней телеграфно-телефонной связи, телевидения, метеорологического прогнозирования, изучения природных ресурсов, географических исследований с помощью автоматических и пилотируемых космических аппаратов.

Делегатам съезда космонавтам В. А. Шаталову и А. С. Елисееву вместе с инженером-испытателем Н. Н. Рукавишниковым в канун Майских праздников 1971 года было поручено провести сложные технические испытания по отработке

сближения, стыковки и расстыковки корабля «Союз-10» с орбитальной станцией «Салют». Космонавты проверяли в работе новый стыковочный узел. Ведь космическим кораблям предстоит пришвартовываться к орбитальным станциям на многие недели, а потом космонавтам, закончив работы на станции, возвращаться домой на корабле.

Каждый новый космический полет дает бесценные факты о звездном мире, о нашей планете. 24-дневная вахта на борту орбитальной научной станции «Салют» героев-космоназтов Георгия Тимофеевича Добровольского, Владислава Николаевича Волкова и Виктора Ивановича Пацаева занимает в ряду других орбитальных полетов особое место потому, что наши соотечественники были пионерами в развитии магистрального направления космонавтики — создания долговременных орбитальных научных станций.

Во время полета «Салюта» проводились уникальные эксперименты и ценнейшие исследования. Космонавты успешно испытали все системы и агрегаты, своей работой они подтвердили научные и технические принципы, положенные в основу создания орбитальной станции.

Экипаж станции вел регулярные наблюдения за океаном, геологическими объектами, растительным покровом земли. Используя специальную аппаратуру, космонавты осуществляли спектрографирование подстилающей поверхности территории СССР.

Эти результаты, аппаратура, методика работы может быть использована в народном хозяйстве. С орбиты в дальнейшем можно будет вести контроль за состоянием полей и лесов.

Большие возможности дают орбитальные станции и для составления прогнозов погоды. Космонавты проводят наблюдения, которые позволяют судить о процессах, происходящих в атмосфере и в океане, то есть вовремя фиксировать зарождение циклонов, цунами, тайфунов и ураганов, определять их характер и интенсивность. Таким образом, орбитальная станция — это своеобразный метеорологический патруль. Ее экипаж быстрее, чем синоптики, служба погоды, предупредят жителей самых различных районов о возможных стихийных бедствиях и заставят их принять необходимые меры.

С помощью системы «Орион» на орбитальной станции «Салют» успешно выполнялась программа астрофизических наблюдений. Сбылась мечта ученых о выносе приборов и инструментов за пределы земной атмосферы, которая мешает изучать небесные тела и вести наблюдения за ними. Эксперименты по отработке бортовой астрофизической

обсерватории и исследования, проведенные Г. Добровольским, В. Волковым и В. Пацаевым, имеют большие перспективы для развития заатмосферной астрономии. С орбиты можно проводить исследования таких физических явлений, протекающих в космическом пространстве, и процессов, происходящих на Солнце, которые нельзя вести с Земли.

Большое значение для дальнейшего развития полетов человека в космос имеют медико-биологические исследования, которые провел экипаж «Салюта». Их результаты — богатый практический материал для решения таких важных проблем, какими являются психологическая совместимость космонавтов в условиях долговременного полета, обеспечение нормальной жизнедеятельности организма в условиях длительного пребывания человека в состоянии невесомости и т. д.

Полет орбитальной научной станции «Салют» стал важным, качественно новым этапом на пути проникновения человечества в космическое пространство.

Во время последних полетов мне не пришлось включать микрофон на космодроме. Это делали другие. Вот почему лаконичен мой рассказ, вот почему я только напоминаю официальный материал. Ведь у нас был уговор, что в эту книгу войдут только свидетельства очевидца, свидетельства радиожурналиста.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Современной космонавтике по плечу сложные и фантастически трудные задачи. Сегодня человек может многие сутки работать в космосе, доставить на Землю сказочный лунный камень, послать автоматических разведчиков к Марсу.

Приятно сознавать, что наша страна — родина теоретической и практической космонавтики и ей принадлежит авангардная роль в освоении космоса.

Вслед за нашими учеными запустили различные аппараты Соединенные Штаты Америки, Англия, Франция, Канада, ФРГ, Австралия, Италия, Япония, Китайская Народная Республика.

За пятнадцать лет люди Земли послали в космос 1400 аппаратов, из них почти половина — советские.

Наши успехи признаны во всем мире. Американская газета «Нью-Йорк тайме» писала: «Русские не только впервые запустили на земную орбиту спутник, но они впервые осуществили и полет человека в космос, и посадку корабля на Луну, они первыми получили снимки лунной поверхности с космического корабля, и они первыми послали капсулу на другую планету».

Характерная особенность советской космической программы — строгая последовательность и многоплановость. Сейчас можно выделить несколько направлений в освоении Советским Союзом космического пространства.

Одно из них — систематическое исследование в ближнем, околоземном космосе. Оно ведется автоматическими аппаратами и с помощью пилотируемых космических кораблей.

Результаты многочисленных полетов, разнообразная космическая техника широко используются в народном хозяйстве. Спутники «Метеор» помогают метеорологам точнее прогнозировать погоду. Мы успешно эксплуатируем систему космической связи спутников «Молния» и наземных станций «Орбита». Использование достижений космонавтики в народном

хозяйстве — особое направление советской космической программы. Наблюдения, выполняемые космонавтами с борта космических кораблей, и в этой области играют большую роль.

Еще одно направление — изучение Луны, планет и межпланетного пространства. Автоматы передали на Землю многочисленные фотографии Луны. Советский «Луноход» за длительное время (почти год!) объездил довольно большую территорию лунной пфверхности. Это помогло ученым более детально изучить поверхность Луны.

Новые аппараты доставили на Землю лунный грунт. Созданы аппараты, которые мы посылали и посылаем на околопланетные орбиты, можем заставить эти аппараты совершить мягкую посадку на поверхность планет.

Автоматические аппараты четко работают в сложнейших условиях: на Венере (где температура достигает 500°, а давление 100 атмосфер!) аппараты успешно провели исследования.

Сейчас, спустя годы после первых стартов советских космических кораблей, я думаю о том, как просто рассказывалось об истинно великих делах. Дела говорили сами за себя! Советские люди познавали еще раз свои неограниченные возможности, а мир открывал Страну Советов. Полет Гагарина показал миру, в чем заключается немеркнущий свет прожекторов революционной «Авроры». Сто шагов смоленского парня, одетого в форму майора ВВС, под авиационный марш «Все выше и выше» по ковровой дорожке Внуковского аэродрома заставляли радостно стучать сердца миллионов...

Сейчас, спустя годы, когда снова переживаешь радостное чувство волнения, которым был охвачен в свой первый приезд на космодром, невольно сравниваешь, как готовились к освещению очередного полета в космос мы и как потом готовились американцы.

15 декабря 1968 года «Голос Америки» сообщал:

«В воскресенье, 15 декабря, ведомство НАСА передало журналистам информационную брошюру о полете «Аполлона-8», первом орбитальном пилотируемом полете человека в окололунное пространство. Если и далее все пойдет по плану, астронавты Борман, Ловелл и Андерс отправятся в свой шестисуточный космический рейс в следующую субботу».

Старт «Аполлона-8» был назначен с мыса Кеннеди на 21 декабря. Задолго до старта специальная группа НАСА, используя все средства массовой информации — радио, телевидение, печать, — занималась рекламой и «драматизацией» предстоящего полета.

Подготовка общественного мнения перед предстоящим

полетом в сторону Луны американских астронавтов велась по всем законам драматургии! Ведомство НАСА информировало: «Врачи отметили, что у Бормана, Ловелла и Андерса в октябре была простуда... В детстве у Бормана было воспаление лобных пазух и воспаление аденоидов».

За два дня до полета радиослушателей пугали, что «если продолжительность работы двигателей при шестом запуске будет недостаточна, то корабль может никогда не вернуться на Землю». В день старта свой комментарий «Голос Америки» начинает словами: «С какой точки зрения ни подходить к полету «Аполлона-8», опасность огромна». Нагнетание различных страхов шло по заданной программе.

Первый полет на окололунную орбиту — отличный повод, чтобы показать американский размах. В эфире и на страницах газет появляются данные о том, что в США около 20 тысяч фирм и 400 тысяч человек работают в области изготовления и сборки космических кораблей и ракет-носителей, а также других приборов и аппаратов, связанных с освоением космоса. «Ракета и космический корабль состоит из 5 600 000 деталей!» — сообщало радио.

Все средства американской пропаганды были направлены на то, чтобы удивить, ошеломить...

■ ■ ■

Беспрерывным потоком, днем и ночью, зимой и летом, к дежурному редактору «Последних известий» Всесоюзного радио стекаются новости со всего света. Они ложатся на стол то страницами с пишущей машинки, то листами телетайпной ленты, то рулонами магнитофонной пленки, то еще влажными полосами газет.

Из вороха новостей редактор быстро отбирает самые важные и передает их дикторам, которые тоже находятся на круглосуточной вахте. К концу дня у диспетчера выпуска скапливается кипа папок и гора пленок с переданными в эфир материалами. Диспетчер передает папки с текстами в архив, а пленки отправляет в фонотеку.

Человечество прожило сутки. Журналисты, неутомимые летописцы жизни людей, сообщили то, что могли и умели. Земля совершает новый оборот вокруг своей оси. Люди стали на сутки старше и чуть мудрее.

Пестрая мозаика фактов одного дня складывается в

моментальный снимок. По этим снимкам можно проследить, что волновало умы людей вчера, год назад, пять, десять.

По архивам можно узнать о человеческих свершениях, больших и малых. Заглянуть в прошлое и узнать, как представлялось будущее. Достаточно включить магнитофонную пленку, как динамик донесет до тебя стук топора в белорусском селе, поднимающемся из руин, и гудок парохода, впервые прошедшего по созданному морю, аплодисменты и крики протеста, призыв к миру и разрыв снарядов, шелест колосьев и гул земснарядов, сигналы спутника и рапорт Юрия Гагарина.

Магнитофонные записи, повествующие об освоении космоса, хранятся как «золотой фонд».

Время помогает осмыслить прожитое.

Эта книга — только свидетельство очевидца, репортера радио, которому посчастливилось включать микрофон во время больших событий. Сейчас это делают другие, и я с радостью и волнением слушаю каждый репортаж с космодрома.

Приятно следить за бурным развитием космонавтики, видеть, как воплощается в транспортные корабли, орбитальные станции и другую совершенную технику мечта людей.

Радостно знакомиться с новыми именами героев космоса и встречать своих старых знакомых, которые стали ветеранами.

...Звучат позывные московского радио. Какую новость сообщит диктор?

ПОЛЕТЫ СОВЕТСКИХ КОСМОНАВТОВ

Корабль	Экипаж	Дата запуска	Продолжительность полета	Количество витков вокруг земного шара
1	На кораблях «Восток»	12/IV-61 г.	1 ч 48 мин	1
2	«Восток»	6/VIII-61 г.	25 ч 18 мин	17
3	«Восток-2»	11/VIII-62 г.	94 ч 22 мин	64
4	«Восток-3»	12/VIII-62 г.	70 ч 57 мин	48
5	«Восток-4»	14/VI-63 г.	119 ч 6 мин	81
	«Восток-5»	16/VI-63 г.	119 ч 6 мин	81
	«Восток-6»			
	Юрий Алексеевич ГАГАРИН			
	Герман Степанович ТИТОВ			
	Андриян Григорьевич НИКОЛАЕВ			
	Павел Романович ПОПОВИЧ			
	Валерий Федорович БЫКОВСКИЙ			
	Валентина Владимировна ТЕРЕШКОВА			

1 час 48 мин.
25 час. 11 мин.
94 часа 10 мин.
70 час. 44 мин.
118 час. 57 мин.
70 час. 41 мин.
1
17
64
48
81
48

На кораблях «Восход»

«Восход»
«Восход-2»
Владимир Михайлович КОМАРОВ
Константин Петрович ФЕОКТИСТОВ
Борис Борисович ЕГОРОВ
Павел Иванович БЕЛЯЕВ
Алексей Архипович ЛЕОНОВ
12/X-64 г.
18/III-65 г.
24 часа 17 мин.
26 час. 02 мин.
16
17

На кораблях «Союз»

«Союз-1»
«Союз-3»
«Союз-4»
«Союз-5»
«Союз-6»
«Союз-7»
«Союз-8»
«Союз-9»
«Союз-10»
«Союз-11»,
(совместно
со станцией
«Салют»)
Владимир Михайлович КОМАРОВ
Георгий Тимофеевич БЕРЕГОВОЙ
Владимир Александрович ШАТАЛОВ
Борис Валентинович ВОЛЫНОВ

Алексей Станиславович ЕЛИСЕЕВ
Евгений Васильевич ХРУНОВ
Георгий Степанович ШОНИН
Валерий Николаевич КУБАСОВ
Анатолий Васильевич ФИЛИПЧЕНКО
Владислав Николаевич ВОЛКОВ
Виктор Васильевич ГОРБАТКО
Владимир Александрович ШАТАЛОВ
Алексей Станиславович ЕЛИСЕЕВ
Андриян Григорьевич НИКОЛАЕВ
Виталий Иванович СЕВАСТЬЯНОВ
Владимир Александрович ШАТАЛОВ
Алексей Станиславович ЕЛИСЕЕВ
Николай Николаевич РУКАВИШНИКОВ
Георгий Тимофеевич ДОБРОВОЛЬСКИЙ
Владислав Николаевич ВОЛКОВ
Виктор Иванович ПАЦАЕВ
23/1V-67 г.
26/X-63 г.
14/1-69 г.
15/1-69 г.
11/X-69 г.
12/X-69 г.
13/X-69 г.
1/VI-70 г.
23/IV-71 г.
6/VI-71 г.
24 часа 17 мин.
94 часа 51 мин.
71 час 21 мин.
72 часа 46 мин.
117 час. 42 мин.
118 час. 20 мин.
118 час. 11 мин.
424 часа 59 мин.
47 час. 46 мин.
569 час. 48 мин.
16
64
49
50
79
80
80

286,5
33
384

СОДЕРЖАНИЕ

Кто нанес удар Юлию Цезарю?..... 3
Торт и шляпа для космонавта..... 7
Надо просто собраться..... 17
Город в степи..... 24
Стартует «Восток-5»..... 30
«Чайка» летит к звездам..... 35
В зоне комфорта..... 44
В космосе — экипаж..... 51
Много есть чудес на свете..... 59
Полет — не прогулка..... 67
«Как здоровье, доктор?»..... 71
Интервью с Главным..... 84
Земля — она круглая?..... 96
За кадром..... 102
Грустная глава..... 109
Полет в бессмертие..... 118
Пилоту нельзя не летать..... 125
Я знал одной лишь думы власть..... 128
Сын полка..... 137
Первая экспериментальная..... 141
Звездная эскадрилья 148
Вместо послесловия..... 152
Приложение. Полеты советских космонавтов 156

notes

Примечания

1

Рассказ о том, как встретили весть о полете отец и мать первого космонавта, передаю со слов корреспондента радио Олега Куденко (примеч. автора).